

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2026. Т. 48, № 5

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 5

Главный редактор

В. Н. Барышников, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@petsu.ru

uchzap.petsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

А. В. ГОЛОВНЕВ

д. и. н., профессор, академик РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ РАН) (Санкт-Петербург, Россия)

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ

д. и. н., Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. В. ВОЛОШИНА

д. ф. н., доцент, Томский государственный университет (Томск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. ИЛЬИНА

д. ф. н., профессор, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

И. А. КЮРШУНОВА

д. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. ЛИТВИН

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

С. А. НИКОНОВ

д. и. н., доцент, Мурманский арктический университет (Мурманск, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

Е. А. РОСТОВЦЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Н. А. САМОЙЛОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. СЕМЯЧКО

д. ф. н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

И. А. СПИРИДОНОВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. Ю. ТАРАСОВ

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. В. ТОЛСТИКОВ

к. и. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2026. Vol. 48, No 5

Editor-in-Chief

Vladimir N. Baryshnikov, Doctor of Sciences in History, Professor
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Deputy Editors-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

Sergei G. Verigin, Doctor of Sciences in History, Professor
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@petsu.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- A. GOLOVNEV**
Doctor of History, Professor, RAS Academician, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) (St. Petersburg, Russia)
- I. ZHEREBTSOV**
Doctor of History, Komi Scientific Center of Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VOLOSHINA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- E. ILYINA**
Doctor of Philology, Professor, Vologda State University (Vologda, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- I. KYURSHUNOVA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- YU. LITVIN**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- S. NIKONOV**
Doctor of History, Associate Professor, Murmansk Arctic University (Murmansk, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- E. ROSTOVTSEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
Candidate of History, Associate Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- N. SAMOYLOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- S. SEMYACHKO**
Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS (St. Petersburg, Russia)
- I. SPIRIDONOVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. TARASOV**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. TOLSTIKOV**
Candidate of History, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Спиридонова И. А.</i>		РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
От редакции	7	<i>Бабалык М. Г.</i>	Малоизвестное рукописное сочинение «Слово на украшающих себя прелестными ризами»
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		<i>Матвеева И. И.</i>	Гастрономическая сатира Андрея Платонова: поэтика и социальная критика.
<i>Меркулова И. А.</i>		<i>Шилова Н. Л.</i>	Аксиосфера «сортавальского цикла» Б. Ахмадулиной
Суффиксальное формообразование русских существительных	8	ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА	
<i>Адамович М. Б.</i>		<i>Братчикова Н. С.</i>	Переосмысление «Калевалы» в жанре графического романа
Приветственные формулы в восточнославянских дипломатических памятниках XVI–XVII веков	17	<i>Николаева Л. В., Аверкина С. Н.</i>	Функция символических образов в романе Мюльшана «Лягушки»
<i>Ельшиев В. В.</i>		ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
Говоры деревень Банное, Катъши и Черный Ключ в диалектной системе удмуртского языка (на материале фонетики)	24	<i>Пигин А. В.</i>	Фольклор в исследованиях Владимира Ивановича Малышева: к 50-летию со дня смерти
<i>Синицкая П. В.</i>		Рецензии	
Лексикография карельского языка: история и перспективы.	32	<i>Кузнецова В. П., Лойтер С. М.</i>	Рец. на кн.: Иванова Т. Г. Региональные былин-ные традиции Сибири
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА		Юбилей	
<i>Волошина О. А.</i>			К 65-летию со дня рождения И. А. Кюршуновой
Словарь лингвистических терминов как лексикографический памятник истории языкознания	43	Contents	124
<i>Лукьянова Л. В.</i>			
«Опыт лесоводственного терминологического словаря» П. Н. Верехи в становлении научного языка русского лесоводства	50		
<i>Труцелёв П.</i>			
Лингвистические параметры нарратива детей с нарушением речевого развития.	57		
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН			
<i>Вышенская Ю. П.</i>			
Стилистический потенциал кулинарных лексических единиц в художественном нарративе	65		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал вошел в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», присвоен 2-й уровень (№ ДС/122-пр от 09.09.2025 года)

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIN PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.06.2026. Формат 60 × 90 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 61

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

И. А. Спиридонова
доктор филологических наук,
профессор
Петрозаводский
государственный университет

Irina A. Spiridonova
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology),
Professor,
Petrozavodsk State University

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

Разные по тематике и материалу изучения статьи, вошедшие в данный номер, составили яркий научный ансамбль.

Лингвистические исследования представлены в рубриках: «Русский язык. Языки народов России», «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», «Языки народов зарубежных стран» – учеными из Воронежа, Ижевска, Москвы, Петрозаводска, Санкт-Петербурга.

Отдельно остановимся на литературоведческих публикациях, представляющих собой различные проблемы исторической поэтики.

Открывает литературный блок археографическое исследование М. Г. Бабалык (Петрозаводск), в котором дан текстологический анализ малоизвестного рукописного сочинения «Слово об украшающих себя прелестными ризами» в рукописной традиции литературы XIX – начала XX века.

Статья А. В. Пигина (Санкт-Петербург, Петрозаводск) посвящена теоретико-методологическому осмыслению фольклора и фольклорно-литературных связей в трудах выдающегося археографа и основателя Древлехранилища в Пушкинском Доме В. И. Малышева.

Предмет изучения в статье И. И. Матвеевой (Москва) – пищевой код сатиры А. Платонова. Автором разработана оригинальная методология анализа гастрономической сатиры как целостной художественной системы неклассического типа.

Тема исследования Н. Л. Шиловой (Петрозаводск) – аксиосфера «сортавальского цикла» стихотворений Б. Ахмадулиной, авторская стратегия выражения ценностных доминант (принцип «затрудненной формы»).

Проблема жанровой адаптации и реновации памятника эпической поэзии «Калевала» в современном искусстве поставлена в статье Н. С. Братчиковой (Москва).

Национальная картина мира и механизмы формирования культурной памяти в романе китайского писателя Мо Яня «Лягушки» анализируются в статье Л. В. Николаевой и С. Н. Аверкиной (Нижний Новгород, Москва).

Рецензия В. П. Кузнецовой и С. М. Лойтер (Петрозаводск) посвящена новой монографии известного фольклориста Т. Г. Ивановой «Региональные былинно-традиции Сибири».

Завершает номер юбилейное поздравление в честь нашей коллеги доктора филологических наук И. А. Кюршуновой.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА МЕРКУЛОВА

доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1364-5812; igell@yandex.ru

СУФФИКСАЛЬНОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

А н н о т а ц и я . Обсуждается проблема разграничения словообразования, формообразования и словоизменения с опорой на системный (собственно языковой) критерий. Предполагается, что система образования форм в своей основе едина для всех слов русского языка – глаголов, прилагательных, существительных и неизменяемых слов, сочетающихся с нулевой парадигмой словоизменения, а это означает возможность и необходимость выделения суффиксально маркированных категорий существительных. Уточняется статус формообразования. Критерием формообразования является любое присоединение аффикса, не ведущее к изменению флективной парадигмы. Формообразование аффиксально, как словообразование, и грамматично (парадигматично), как морфология. Формообразование от словоизменения отличает лишь грамматический способ: суффикс, а не флексия; а объединяет – обязательность выражения (нулевым или маркированным членом категории). Предложенное понимание формообразования требует выделения в качестве морфологических категорий существительных, традиционно описываемых либо в качестве лексико-грамматических (единичность, собирательность), либо описываемых в словообразовании (гендер, невзрослость). Если флективные парадигмы характеризуют грамматический строй русского языка как флективный, то суффиксальные парадигмы свидетельствуют о наличии в русской морфологии и элементов агглютинации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : формообразование, словоизменение, словообразование, парадигма, грамматические категории существительного

Д л я ц и т и р о в а н и я : Меркулова И. А. Суффиксальное формообразование русских существительных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1329

ВВЕДЕНИЕ

Общепринято, что важнейшей функцией языка является коммуникативная. Минимальной единицей коммуникации считается реальная (этическая) единица речи – фраза, представляющая этическую единицу языка – предложение. А. А. Шахматов писал: «Язык в своих элементах зародился и развивался в составе предложения, предложение является единственным способом обнаружения мышления в слове» [21: 276]. При этом, как убедительно показал И. П. Распопов, синтаксическая структура предложения имеет два воспроизводимых аспекта: *конструктивно-синтаксический*, выражаемый (преимущественно сегментными) грамматическими способами, и *коммуникативно-синтаксический*, выражаемый (в русском языке) словорасположением, интонацией и логическим ударением [15: 31]. Неизменность синтаксической функции словоформы в предложении свидетельствует о коммуникативной несущественности

(инвариантности) различий: *Налей мне чаю / чайку! Схожу-ка я за хлебом / хлебушком! Синенький / синий скромный / скромненький платочек / платок падал с опущенных плеч. Так хочется картошки / картошечки!* Очевидно, что тождество синтаксической функции, как правило, сопровождается и формальным тождеством флективной парадигмы. Как флексии образуют морфологические парадигмы, различающиеся грамматическими значениями, так их могут образовывать и суффиксы. В целом в русистике сложилась странная практика: относить к морфологии флективные парадигмы, а суффиксальные парадигмы – к словообразованию, но при этом признавать словоизменительными «степени сравнения» прилагательных, выражаемые специальными суффиксами: *бел_ый – бел=ее_# – бел=ейш_ий*. При этом почти никого не смущает не только то, что «форма превосходной степени» прилагательного оформляется суффиксом, но и то, что «форма сравнительной степени» при-

лагательного вообще не склоняется и выполняет совсем иную синтаксическую функцию: не определения, а предиката (в составе сложного именного сказуемого): *Его лицо стало белее мела. Яль на свете всех милее, Всех румяней и белее?* (Пушкин). Если и считать сравнительную степень формой, то только формой краткого прилагательного, выполняющего также функцию предикатива. К счастливому исключению относится А. А. Зализняк, писавший:

«С морфологической точки зрения образование степени сравнения представляет собой процедуру, существенно отличную от тех, которые встречаются в основной части системы именного словоизменения. Иначе говоря, независимо от решения поставленных выше вопросов, эта процедура требует отдельного, обособленного описания (по своей структуре, по-видимому, сходного с описанием словообразовательных отношений)» [3: 91].

Флективные формы лежат в основе понимания и описания А. А. Зализняком русского словоизменения. Именно поэтому формы превосходной степени прилагательного рассматриваются им как самостоятельные прилагательные [3: 91]. Соответственно, все суффиксальные образования относятся к словообразованию. Тогда каждый раз при присоединении аффикса должно образовываться новое слово с новой парадигмой (*гусь* – *гусиный*, *книга* – *книжный*, *дружить* – *дружба* и др.), однако часто этого не происходит (*шуба* – *шубка*, *дом* – *домище*, *алый* – *аленький*, *серный* – *сернистый*, *простить* – *прощ^{сти}ать* и др.).

Подобная позиция уже становилась предметом критического анализа, например, в работах А. Н. Барулина, выделявшего в качестве предмета дискуссии с устоявшейся традицией: 1) описание русского именного словоизменения в письменно-словарной форме, непригодной для этого, 2) безморфемную морфологию, 3) ориентацию исключительно на флексию [1]. Эта ориентация на флексию при определении формы является источником всех споров. При этом само собой разумеющимся признается суффиксальное (!) образование глагольных форм времени и вида. Налицо столкновение двух аспектов – онтологического (особенностей системы языка) и гносеологического (традиции его описания).

* * *

Постараемся разрешить это противоречие, опираясь на системный подход. В работе «Слова языка» Ф. Ф. Фортунатов пишет: «...формой отдельных слов называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих **формальную и основную принадлежность слова**», то есть аффикс и основу [17: 136].

«Слово может заключать в себе более одной формы (здесь и далее выделено жирным нами. – И. М.). Ведь в основе слова, имеющего форму, могут также выделяться для сознания говорящих формальная принадлежность и основа. Например, в русском языке слова *беленький*, *красенький*, имеющие известную форму целого слова, общую им со словами *белый*, *красный*, заключают и в основах *беленьк-*, *красеньк-* также известную форму, так как в этих основах выделяется для сознания говорящих **формальная принадлежность -еньк-** и основы *бел-*, *красн-* (с л и н мягкими), а эти основы известны без данной формальной принадлежности в словах *белый*, *красный*» [17: 138].

И, наконец:

«Всякая форма слов, образуемая **аффиксом**, предполагает существование другой формы, в которой те же основы являются без данного **аффикса**, т. е. или с другим **аффиксом**, или без всякого **аффикса**, как основы слов в другой форме» [17: 147].

Если =ЕНЬК_ составляет «формальную принадлежность» слова, то так же, как *бел_ь*, *бел_а*, *бел_о* и *бел_ы* делятся на основу *бел_* и парадигму (Ь-А-О)-Ы, словоформа *бел=еньк_ий* делится на основу *бел=* и парадигму =еньк_ий, словоформа *бел=оват_ый* на основу *бел=* и парадигму =оват_ый. То же наблюдается и в парадигме глагола: *нес=л_ь(а/о/и)* и *нес=e_(шь, т, м, те)*, *нес=и_(ø, те)*. Консонантные флексии в парадигме непрошедшего времени старославянского языка выделял Ф. Ф. Фортунатов [18: 296–306], а в русском языке – его ученик А. А. Шахматов [20: 176], [22: 196].

Суммируя основы глаголов совершенного и несовершенного вида, А. А. Кретов предлагает выделять 11 основ русского глагола: 1) основу инфинитива (-ТЬ), 2) основу непрошедшего времени (-Е/О), 3) основу прошедшего времени (-Л), 4) основу императива (-И/Й), 5) основу действительного причастия настоящего времени (-УЩ), 6) основу действительного причастия прошедшего времени (-ВШ), 7) основу страдательного причастия настоящего времени (-ОМ), 8) основу страдательного причастия прошедшего времени (-Н/-Т), 9) основу деепричастия глаголов несов. (-АЯ) вида, 10) основу деепричастия глаголов сов. вида (-АВ), 11) основу *юссива* (-ОМ). О юссиве, в современных типологических исследованиях часто именуемом *гортативом*, см. [12: 80–81], где автор называет его *инклюзивной* формой. Все эти основы различаются суффиксами, каждый из которых несет четкое значение: инфинитива, настоящего времени, прошедшего времени, императива, действительного залога и настоящего времени, действительного залога и прошедшего времени, страдательного залога и настоящего времени, страдательного залога и прошедшего времени, деепричастия, юссива [9].

Если считать язык системой, то логично предположить, что система образования форм в своей основе едина для всех слов русского языка – глаголов, прилагательных, существительных и неизменяемых слов, сочетающихся с нулевой парадигмой словоизменения (ср. [11]). Это и является гипотезой нашего исследования русских существительных, позволяющей уточнить системный статус русской морфологии и отношение к словообразованию.

В качестве исходных принимаются следующие положения.

1. Морфологическое слово – основа (неизменная последовательность морфем) с присоединяемыми к ней грамматическими парадигмами.

2. Система образования форм едина для всех изменяющихся слов русского языка.

3. Система образования форм располагает едиными принципами и единой техникой формообразования – флективно-суффиксальной. Отдавая должное традиции, можно говорить о *флективных парадигмах*, а развивая ее – о *суффиксальных парадигмах* (суффиксальный статус морфем -Л_{пр.вр.}, -И_{пов.накл.}, -ТИ_{инф.} у глаголов, и -ЕЙШ/-АЙШ у прилагательных вроде бы никто не оспаривает).

4. Флективные парадигмы мы предлагаем (вслед за А. А. Зализняком) называть «словоизменительными», а аффиксальные – формообразующими / формообразовательными.

Если у глаголов и прилагательных обычно признаются суффиксально образованные формы, то почему их нельзя признать и у существительных? Под суффиксальной парадигмой понимается ряд соотносимых (взаимообусловленных) словоформ, в которых морфологические значения выражены суффиксами. Некоторые из таких значений упомянуты в работе А. А. Шахматова «Учение о частях речи»:

«Нижеследующие грамматические категории обнаруживаются в существительных морфологически, синтаксически, далее *посредством словообразовательных суффиксов* и интонации: число, конкретность и абстрактность, единственность и множественность, единичность, считаемость, парность, совокупность, одушевленность и неодушевленность, род, бытие или наличность, увеличительность, уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность (курсив наш. – И. М.)» [22: 44].

Развивая идеи Ф. Ф. Фортунатова, можно подразделить «основные принадлежности» на *простые* и *сложные*, а «формальные принадлежности» – на *флективные* и *суффиксальные*.

Анализ суффиксальных парадигм приводит к «вечной» лингвистической проблеме – соотношению словоизменения и словообразования.

«Так, будет ли *стол*ик формой слова *стол*? Это не так уж ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об уменьшительных формах существительных», – сомневался Л. В. Щерба [23: 77]. По существу, спор идет о том, являются ли значения *уменьшительности-увеличительности, нейтральности-ласкательности, положительной-отрицательной оценочности* и подобные лексическими или грамматическими. В заблуждение вводит также термин «словообразовательное значение», обычно применяемый для характеристики указанных выше значений. По сути он объединяет три принципиально разнородных типа значений, выражаемых суффиксами: модификационное – по М. Докулилу [24: 200] (морфологическое, типа «Женск. к X», «Детёныш X-а), описываемое в статье, трансформационное (синтаксическое, по Е. Куриловичу [13: 61], типа «Действие по значению глагола X, «Прил. к X») и мутационное, по М. Докулилу (семантическая конденсация комплексных наименований, по А. В. Исаченко [4: 346–347], лексико-семантическая компрессия, добавляющая в производное слово лексическое значение опущенной основы «хозяина» сжимаемого в одно слово словосочетания, например *газированная вода* > *газировка* ‘газированная вода’). Объединяет эти разнородные значения чисто формальный признак: все они передаются суффиксами. Но предполагать единство содержания, исходя из подобия формы, значит не знать азов диалектики формы и содержания. Отсутствие словообразовательного значения убедительно доказывает А. А. Кретов в статье «Альтернативный взгляд на русское словообразование» [5: 10–11].

Нельзя не признать правоту В. В. Виноградова, помещавшего словообразование между грамматикой и лексикой. М. Докулил, Е. Курилович и А. Исаченко только разделили грамматику на морфологию и синтаксис, попутно уточнив механизмы, обеспечивающие это разделение.

На наш взгляд, систему отношений морфологии и словообразования с учетом характера основы и парадигмы можно представить следующим образом (табл. 1).

В связи с этим имеет смысл различать **лексическую** и **грамматическую основы** слова. Так, например, в формах *кат=ну=ть* – *кат=и=ть* – *кат=а=ть* – *кат=ыва=ть* или *дом* – *дом=ик* – *дом=ищ_е* **лексическая** основа неизменна, а **грамматическая** – *кат=ну-*, *кат=и-*, *кат=а*, *кат=ыва-* и *дом=0-* – *дом=ик-* – *дом=ищ-* меняется при неизменности флективной парадигмы. Тут суффиксы чередуются так же, как во флективной парадигме чередуются флексии. В соот-

ветствии с *природным принципом* устройства плана выражения языка: «А сочетается с не-А» [6] словообразование, как образование нового слова, всегда межчастеречно. Например, *лес-лесной-лесник* (везде меняется **лексическая** основа и парадигма). Изменение парадигмы (с субстантивной на адъективную и опять на субстантивную) изменяет часть речи. Суффиксация позволяет придавать лексической семантике

разные синтаксические функции и изменять парадигму производящего слова. Тут мы приходим к пониманию соотношения лексической и грамматической семантики: *лексическая семантика* подобна жидкостям, которые можно налить в самые разные *грамматические формы*: чтобы передать кому-либо жидкость, ее надо для этого во что-то налить (для этого формы и существуют).

Таблица 1

Соотношение словообразования, формообразования и словоизменения

Table 1

Relationship between word formation, form formation, and inflection

Раздел	Подраздел	Основа	Парадигма
Словообразование <i>лес-лесной-лесник</i>	–	изменяется	изменяется
Морфология	Формообразование <i>лес-лесок-лесочек</i>	изменяется	не изменяется
	Словоизменение <i>лес-леса-лесу-лесом</i>	не изменяется	не изменяется

Формообразование же имеет место между единицами одной части речи. Морфема, не меняющая парадигмы, несет грамматическое значение (*лес-лесок-лесочек*). Критерием *формообразования* является любое присоединение аффикса, не ведущее к изменению флективной парадигмы. Таким образом, аффиксы основ могут образовывать собственные парадигмы и передавать морфологические (то есть языковые, а не экстралингвистические) значения.

И, наконец, словоизменение (*лес-леса-лесу-лесом*) оставляет и основу, и парадигму неизменными. Формообразование аффиксально, как словообразование, и грамматично (парадигматично), как словоизменение. Формообразование от словоизменения отличается лишь грамматический способ: суффикс, а не флексия; а объединяет – обязательность выражения (нулевым или маркированным членом категории).

Рассмотрим суффиксальные парадигмы существительных в русском языке.

1. Парадигма РАЗМЕРНОСТИ. В ней две привативные оппозиции образуют эквиполентную благодаря наличию общего немаркированного члена.

Поскольку парадигмы принято давать в виде таблицы, воспользуемся этим способом (табл. 2).

В некоторых случаях можно говорить о дефектности парадигмы, которая рассмотрена в статье [14].

В размерной парадигме русских существительных, как правило, сочетаются несколько значений: *аугментативность* – это не только

увеличительность, но и усиление, а *диминутивность* – не только уменьшительность, но и ласкательность или пренебрежительность.

Таблица 2

Парадигма размерности русских существительных

Table 2

Dimension paradigm for Russian nouns

Норма	Меньше нормы (диминутив)	Больше нормы (аугментатив)
Борода	Бородка	Бородища
Ворота	Воротца	Воротища
Голос	Голосок	Голосище
Гора	Горка	Горища
Город	Городок	Городище
Зверь	Зверек	Зверюга
Корзина	Корзинка	Корзинища
Корова	Коровка	Коровища
Мужик	Мужичок	Мужичище
Пёс	Пёсик	Псина
Рана	Ранка	Ранища
Стог	Стожок	Стожище
Туча	Тучка	Тучища
Ум	Умок	Умище
Яма	Ямка	Ямища

2. Парадигма НЕЙТРАЛЬНОСТИ-ЭКСПРЕССИВНОСТИ. Для этой парадигмы характерно то, что к объективному называнию присоединяется еще суффикс, предлагающий, кроме того, определенную точку зрения на объект. Соответствующий фрагмент действительности уже обозначен единицей лексикона и извлекается из него, формообразование осуществляется с прагматиче-

ской направленностью, отражая сферу интересов, пристрастий говорящего в данной коммуникативной ситуации.

«Употребление существительных с суффиксами субъективной оценки – “печеньки Нуланд”, печалька, ответочка, повесточка – является сегодня признаком “модного” публицистического или сетевого дискурса»,

– отмечает Л. Г. Смирнова [16: 19]. И все благодаря тому, что процесс образования этих форм стандартный и регулярный (табл. 3).

Таблица 3

Парадигма нейтральности-экспрессивности русских существительных

Table 3

Neutrality-expressivity paradigm for Russian nouns

Нейтральная форма	Положительная форма	Отрицательная форма
Папа	Пап=оч=к_а, пап=ул_я, пап=ус_я, пап=ан_я	Пап=к_а, пап=аш_а
Мама	Мам=оч=к_а, мам=ул_я, мам=ус_я, мам=ан_я	Мам=к_а, мам=аш_а
Брат	Брат=ик_ь, брат=иш=к_а	Брат=ок_ь, брат=ан_ь, брат=ух_а
Зять	Зят=ёк_ь,	
Дура	Дур=оч=к_а, дур=аш=к_а	Дур=ёх_а, дур=ынд_а
Борода	Бород=иш_а, бород=уш=к_а	Бород=енк_а, бород=ишк_а
Голубь	Голуб=ок_ь, голуб=чик	

Суффиксальная парадигма в данном случае представлена оппозицией: нейтральная форма – экспрессивная форма, причем окраска маркированной формы может быть как положительной, так и отрицательной, хотя строгое их разграничение возможно не всегда.

Отличительной особенностью эмоциональных суффиксов является их способность со временем утрачивать свою семантику (десемантизироваться), что ведет к необходимости «освежить» ее прибавлением нового эмоционального (уменьшительно-ласкательного) суффикса (*река-речка-речечка, рама-рамка-рамочка*).

3. Парадигма СОБИРАТЕЛЬНОСТИ. Особенность этой парадигмы заключается в том, что она представлена двумя видами противопоставлений (табл. 4).

С одной стороны, собирательность противопоставлена несобирательности как маркированный член немаркированному. С другой стороны, собирательность противопоставлена единичности как немаркированный член маркированному. А. А. Шахматов называл эту категорию категорией совокупности и отмечал, что «морфологи-

чески» она обнаруживается как формами множественного числа, так и некоторыми формами единственного числа:

«...представление о совокупности может вызываться (однако рядом с представлением о простой множественности) некоторыми формами множ. числа, по происхождению своему являющимися формами единств. числа с собирательным значением; это, с одной стороны, первоначальные слова женск. рода на -а, -ья: *господа, братья, сватья, мужья, князья* (вм. *княжся*, под влиянием *князи*), *друзья* (вм. *дружся*, под влиянием *друзи*); с другой стороны, это первоначальные слова средн. рода, в которых окончание -ье фонетически изменилось в -ья: *деревья, ключья, колья*; параллельными образованиями множ. числа может иногда выражаться множественность: *зубья* (при зубы), *листья* (при листья), *волосья* (при волосы)» [21: 48].

Единственное же число со значением совокупности, по А. А. Шахматову, передается иногда особыми суффиксами со значением собирательности -ья: *братья*, -ьё: *старичье, мужичье, бабье, воронье*, -ня: *родня*, а также «относящиеся сюда же слова, как *голытьба*» [21: 48].

Таблица 4

Парадигма собирательности русских существительных

Table 4

Collectivity paradigm for Russian nouns

Нейтральная форма	Собирательная+
Дурак	Дурач=й_о
Баба	Баб=й_о
Мужик	Мужич=й_о
Зверь	Звер=й_о
Ворон	Ворон=й_о
Комар	Комар=й_о
Старик	Старич=й_о
Кулак	Кулач=й_о
Брат	Брат=ий_а

4. Парадигма СЧЕТНОСТИ. Данная парадигма представлена суффиксально маркированными формами единичности (сингулятивности) vs. немаркированными формами несчетности (собирательности) (табл. 5).

Таблица 5

Парадигма счетности русских существительных

Table 5

Countability paradigm for Russian nouns

Единичная+	Несчетные слова
Горош=ИН_а,	Горох
Пуш=ИН_а,	Пух
Виноград=ИН_а,	Виноград
Клюкв=ИН_а,	Клюква
Картофел=ИН_а,	Картофель
Град=ИН_а,	Град
Жемчуж=ИН_а,	Жемчуг
Солом=ИН_а,	Солома
Бисер=ИН_а,	Бисер

5. Парадигма ГЕНДЕРНОСТИ. Пол является естественной категорией, задающей разбиение на классы. М. А. Кронгауз отмечает:

«...можно говорить об универсальной семантической категории пола (копирующей соответствующую естественную категорию), а для конкретных языков – об определенных ее трансформациях, специфике ее выражения и даже об отдельных коррелирующих с ней грамматических категориях» [10: 511].

Формальная соотносительность между мужскими и женскими обозначениями осуществляется (за небольшими исключениями) с высокой степенью регулярности (табл. 6).

Таблица 6

Парадигма гендерности русских существительных

Table 6

Gender paradigm for Russian nouns

Нейтральная форма мн. ч.	Мужская форма	Женская форма
Монахи	Монах	Монах=и ^н _я, монаш=ьк_а
Боги	Бог	Бог=и ^н _я
Ткачи	Ткач	Ткач=их_а
Слоны	Слон	Слон=их_а
Мастера	Мастер	Мастер=иц_а
Цари	Царь	Цар=иц_а
Артисты	Артист	Артист=к_а
Гуси	Гус=ак	Гус=ын_я
Лисы	Лис=ов=ин	Лис=иц_а

Думается, что высказывание академика В. В. Виноградова о том, что коррелятивные слова *ученик-ученица, художник-художница, причудник-причудница, озорник-озорница* «ближе к формам одного слова, хотя и не являются таковыми» [2: 40], свидетельствует о возможности квалификации данных образований в качестве членов суффиксально маркированной именной категории. Причем маркируется обычно значение «женский пол», выделяемое по соотношению с существительными мужского рода, обозначающими лиц мужского пола или самцов (у животных). По мнению А. Л. Шарандина, данная категория может быть представлена не двоичной, а троичной оппозицией, где крайние оппозиты *гусыня* и *гусак* маркированы по отношению к *гусь*. Действительно, оппозицию составляют не *гусь-гусыня*, а *гусак-гусыня*:

«Например, слова *гусак* и *гусыня* находятся в отношениях словообразовательной мотивации со словом *гусь*, что отражает семантическая мотивация: *гусак* – *гусь-самец*; *гусыня* – *гусь-самка*. В отношениях же между собой они не находятся в этих отношениях, являясь по существу антонимической парой. В целом же слова *гусь*, *гусак* и *гусыня* образуют троичную словообразовательную (!) оппозицию по признаку пола: *гусыня* > *гусь* < *гусак*» [19: 61].

Действительно, различия по полу и характеристика по грамматическому роду сильно скоррелированы (у одушевленных существительных), но не тождественны – у неодушевленных. Род во множественном числе нейтрализуется, как и оппозиция взрослости-детскости (о которой пойдет речь далее): *гуси* – это и самцы, и самки, и детеныши, а *пол* (и *детскость*) во множественном числе не нейтрализуется: *гусаки, гусыни, гусята* – это всё *гуси*.

В русском языке представлены модели с тем или иным заполнением, реализацией этой троичной оппозиции. Поскольку мужской род склонен к нейтральности, совпадая со средним в формах косвенных падежей, а женский – маркирован, часто триада вырождается в пару: нейтральное / мужское: женское. Третью разновидность составляют те немногие пары, в которых существительное мужского рода морфологически сложнее (маркировано суффиксом маскулинности), чем женского: *дур=ак* – *дура*, *ведьм=ак* – *ведьма*, *вдов=ец* – *вдова*. Пары типа *раб-раба, супруг-супруга, ворон-ворона, внук-внука* (ср. *внучка*), демонстрирующие своеобразное родоизменение, возникли в том состоянии системы языка, когда род был еще «непостоянным» признаком. Впоследствии произошла «семасиологизация» этих форм – закрепление за ними гендерного различия. Но это уже относится к лексико-семантическим процессам. Аналог мы наблюдаем и при субстантивации прилагательных: *больной-больная, учащийся-учащаяся, раненый-раненая* и т. п. Кроме того, как справедливо полагает А. А. Кретов,

«надо последовательно различать случаи типа ЦАРЬ-ЦАРИЦА, где *царица* является гендерным вариантом слова ЦАРЬ (ср. *лис-лиса/лисица*), и УЧИТЕЛЬ-УЧИТЕЛЬНИЦА, где близкое по семантическому и грамматическому значению слово имеет сложную деривационную историю: *учитель* > *учительная женщина* > *учительница*. *Учительница* в отличие от *царицы* не является формой слова *учитель*. И уж совсем некорректно было бы считать лексемы *ученик-ученица* аллолексами и/или выводить лексему *ученица* из *ученик*. Оба слова образованы от словосочетаний с причастием *учёный*: *учёный мальчик* > *ученик*, *учёная девочка* > *ученица*» [7: 26].

6. Парадигма ВЗРОСЛОСТИ-ДЕТСКОСТИ. Суффиксальная парадигма включает обозначение детеныша животного. Здесь отмечается оппозиция взрослости (немаркированный член) с не-взрослостью (маркированный член). Примеры суффиксальной парадигмы приводятся в табл. 7. Вспоминая хрестоматийный пример Л. В. Щербы, мы видим реализацию этой парадигмы в паре *бокp* – *бокpенoк*.

Таблица 7
 Парадигма взрослости-детскости
 русских существительных
 Table 7
 Maturity-immaturity paradigm
 for Russian nouns

Нейтральная форма	Невзрослая форма
Аист	Аист=ён=ок_ь
Волк	Волч=он=ок_ь
Выдра	Выдр=ён=ок_ь
Гад	Гад=ён=ыш_ь
Дет=я_ (нар.-разг.) Дитё	Дет=ён=ыш_ь
Зверь	Звер=ён=ыш_ь

О том, что данные суффиксы представляют собой соединения двух морфем, писали в свое время Г. П. Павский и А. А. Потебня. Один из них восходит к древнему индоевропейскому суффиксу -ENT, другой к праславянскому суффиксу -ЪК. Существительные на -ent со значением 'невзрослое живое существо' могли образовываться как непосредственно – от названий взрослых животных, так и опосредованно – через ступень прилагательного, образованного от последних с помощью суффикса -j. Подтверждением этого служат слова типа *медвежата*, *верблюжата*, в которых чередование *д/жд* имеет словообразовательное значение и фактически выполняет функцию материально отсутствующего (а точнее – присутствующего в материально преобразованном виде) суффикса *j* (без него правильными были бы формы **медведята* и **верблюдята*) [8: 95].

Данная парадигма позволяет обратить внимание на необходимость различения генетического и функционального аспектов в морфологии. Генетическое (деривационное, словообразовательное) показывает историю образования формы (в случае невзрослых форм от притяжательного прилагательного к существительному, например, *медвежьи детёныши* – *медвежата*, *волчьи детёныши* – *волчата*). Заметим, что притяжательные прилагательные представляют собой реликт субстантивно-адъективного симбиоза, когда имя было еще синкретичным, объ-

единявшим будущие существительные и прилагательные. Функциональная характеристика формы – это то, как форма стала использоваться. Например, *свинья* – притяжательное прилагательное (*свинья матка*) стало использоваться как существительное. В случае с невзрослыми формами семантика существительного «детеныш кого?» (*волчонок* – *детеныш волка*) стала приписываться суффиксу. Необходимо различать способ образования слова в деривационной подсистеме и функционирование слова в лексико-семантической подсистеме языка. Мутационный способ образования может использоваться и в морфологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Морфология – это парадигматика, а парадигма может быть не только флективной, но и суффиксальной и не столько в словообразовании, где она, по существу, безработна, сколько в морфологии, где она работает на полную мощность. Системная морфология русского языка требует включить в грамматическую парадигматику суффиксальные парадигмы. Предложенное понимание формообразования выделяет в качестве морфологических категории существительных, традиционно описываемые либо в качестве лексико-грамматических (единичность, собирательность), либо описываемые в словообразовании (гендер, невзрослость).

Как известно, грамматическим значениям свойственна 1) обязательность и 2) парадигматичность. Поскольку во всех перечисленных значениях есть общий немаркированный нейтральный член парадигмы, то все эти парадигмы обладают таким признаком грамматического значения, как обязательность. Парадигматичность также налицо, поскольку все перечисленные значения образуют трех- или, как минимум, двухчленную парадигму. Если флективные парадигмы характеризуют грамматический строй русского языка как флективный, то суффиксальные парадигмы указывают на наличие в русской морфологии и элементов агглютинации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барулин А. Н. Русское именное словоизменение А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Часть 1 // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Электронное научное издание. М.: Ин-т языкознания РАН, 2018. № 10. С. 19–76.
2. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: Избр. труды / [Предисл. Н. Шведовой]; АН СССР. Отд. лит. и яз. М.: Наука, 1975. 559 с.
3. Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с. (Studia philologica).
4. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavia. 1958. Т. 27, № 3. С. 334–352.

5. Кр е т о в А. А. Альтернативный взгляд на русское словообразование // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Вып. 2 (12): Сб. науч. ст. / Науч. ред. С. И. Доброва. Воронеж, 2025. С. 3–16.
6. Кр е т о в А. А. Два принципа устройства мироздания и языка // Грамматика III тысячелетия в контексте современного знания: XXVIII Распоповские чтения: Материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета ВГУ, 85-летию со дня рождения проф. И. П. Распопова, 75-летию со дня рождения проф. А. М. Ломова. Воронеж, 2010. С. 17–26.
7. Кр е т о в А. А. Деривационная история существительных на -ница и проблема «вторичных формантов» // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Сб. науч. ст. Воронеж, 2023. С. 3–31.
8. Кр е т о в А. А. Медвежата, верблюжата, цыплята и свинья: славянские этимологии // Этимология 1994–1996. М., 1997. С. 95–100.
9. Кр е т о в А. А. О глагольных основах в русском языке // Филологические записки. 1995. № 5. С. 160–170.
10. Кр о н г а у з М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 510–525.
11. Кр ы л о в С. А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы // Семиотика и информатика: Сб. науч. ст. М., 1982. Вып. 19. С. 118–136.
12. Ку з н е ц о в П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология: Учеб. пособие для высших учебных заведений. М.: Изд-во Московского ун-та, 1953. 302 с.
13. Ку р и л о в и ч Е. Деривация лексическая и синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–70.
14. М е р к у л о в а И. А. Аугментативы как суффиксальные формы русских существительных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 114–125. DOI: 10.17308/lic/16805755/2023/4/114-125
15. Р а с п о п о в И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. Изд. 3. М.: URSS, 2013. 192 с.
16. С м и р н о в а Л. Г. Вопрос о грамматических средствах выражения оценки в свете синтаксических исследований А. А. Шахматова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 17–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1157
17. Ф о р т у н а т о в Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 450 с.
18. Ф о р т у н а т о в Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. 471 с.
19. Ш а р а н д и н А. Л. Морфемика и словообразование. Теоретические основы и практикум: Учеб. пособие. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. 227 с.
20. Ш а х м а т о в А. А. Очерк современного русского литературного языка / Вводн. ст. С. И. Бернштейна. Изд. 4-е. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
21. Ш а х м а т о в А. А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 624 с.
22. Ш а х м а т о в А. А. Учение о частях речи // Из трудов А. А. Шахматова по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1952. С. 195–198.
23. Щ е р б а Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63–84.
24. D o k u l i l M. Tvoření slov v češtině. Část 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 264 s.

Поступила в редакцию 25.07.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Inna A. Merkulova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor,
Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1364-5812; igell1@yandex.ru

SUFFIX FORMATION OF RUSSIAN NOUNS

A b s t r a c t. The article addresses the problem of distinguishing between word formation, form formation, and word inflection based on a systemic (linguistic) criterion. It is assumed that the system of formation of forms is basically the same for all words of the Russian language: verbs, adjectives, nouns, and unchangeable words combining with the zero paradigm of word inflection. This implies the possibility and necessity of identifying suffix-marked categories of nouns. The research aims at clarifying the status of form formation. The criterion of form formation is any addition of an affix that does not lead to a change in the inflectional paradigm. Form formation is both affixal, like word formation, and grammatical (paradigmatic), like word inflection. Form formation differs from word inflection only in the grammatical method, since it uses suffixes, not inflections. However, what unites them is the obligatory nature of expression (by a zero or marked member of the category). The proposed understanding of form formation requires considering the properties of nouns traditionally described as lexical-grammatical ones (singularity, collectivity) or described within word

formation (gender, immaturity) as distinct morphological categories. While inflectional paradigms characterize the grammatical structure of the Russian language as inflectional, the presence of suffixal paradigms indicates the presence of agglutination elements in Russian morphology.

Key words: form formation, word inflection, word formation, paradigm, grammatical categories of nouns

For citation: Merkulova, I. A. Suffix formation of Russian nouns. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1329

REFERENCES

1. Barulin, A. N. The Russian nominal inflection as described by A. A. Zaliznyak and further ways of developing his ideas. Part I. *Linguistics and Language Teaching*. 2018;10:19–76. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Research on Russian grammar: Selected works. Moscow, 1975. 559 p. (In Russ.)
3. Zaliznyak, A. A. Russian Nominative Inflection with an appendix of selected works on modern Russian and general linguistics. Moscow, 2002. 752 p. (Studia philologica). (In Russ.)
4. Isachenko, A. V. Revisiting the structural typology of the vocabulary of Slavic literary languages. *Slavia*. 1958;27(3):334–352. (In Russ.)
5. Kretov, A. A. An alternative view on Russian word formation. *Problems of studying living Russian words at the turn of the millennium*. Issue 2 (12): Collection of research articles. (S. I. Dobrova, Ed.). Voronezh, 2025. P. 3–16. (In Russ.)
6. Kretov, A. A. The two principles of the universe and language. *Grammar of the third millennium in the context of modern knowledge: The XXVIII Raspopov Readings: Proceedings of the international conference celebrating the 50th anniversary of the Chair of the Russian Language of the Department of Philology at Voronezh State University, the 85th anniversary of Professor I. P. Raspopov, and the 75th anniversary of Professor A. M. Lomov*. Voronezh, 2010. P. 17–26. (In Russ.)
7. Kretov, A. A. The derivational history of nouns ending with *-нуца* and the problem of “secondary formants”. *Problems of studying living Russian words at the turn of the millennium: Collection of articles*. Voronezh, 2023. P. 3–31. (In Russ.)
8. Kretov, A. A. Cubs, camel calves, chickens, and pigs: Slavic etymologies. *Etymology 1994–1996*. Moscow, 1997. P. 95–100. (In Russ.)
9. Kretov, A. A. About verb bases in the Russian language. *Filologicheskyye zapiski*. 1995;5:160–170. (In Russ.)
10. Krongauz, M. A. Sexus, or the problem of gender in the Russian language. *Russian studies. Slavistics. Indo-European studies*. Moscow, 1996. P. 510–525. (In Russ.)
11. Krylov, S. A. Some clarifications to the definitions of word form and lexeme. *Semiotics and computer science: Collection of articles*. Moscow, 1982. Issue 19. P. 118–136. (In Russ.)
12. Kuznetsov, P. S. Historical grammar of the Russian language. Morphology: University textbook. Moscow, 1953. 302 p. (In Russ.)
13. Kurilovich, E. Lexical and syntactic derivation. *Essays on linguistics*. Moscow, 1962. P. 57–70. (In Russ.)
14. Merkulova, I. A. Augmentatives as suffix forms of Russian nouns. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023;4:114–125. DOI: 10.17308/lic/16805755/2023/4/114-125 (In Russ.)
15. Raspopov, I. P. The structure of a simple sentence in the modern Russian language. Moscow, 2013. 192 p. (In Russ.)
16. Smirnova, L. G. The question of grammatical means for expressing evaluation in the light of A. A. Shakhmatov’s syntactic research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):17–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1157 (In Russ.)
17. Fortunatov, F. F. Selected works. Vol. 1. Moscow, 1956. 450 p. (In Russ.)
18. Fortunatov, F. F. Selected works. Vol. 2. Moscow, 1957. 471 p. (In Russ.)
19. Sharandin, A. L. Morphemics and word formation. Theoretical foundations and practical training: Textbook. Tambov, 2020. 227 p. (In Russ.)
20. Shakhmatov, A. A. An essay on the modern Russian literary language. Moscow, 1941. 288 p. (In Russ.)
21. Shakhmatov, A. A. Syntax of the Russian language. Moscow, 1941. 624 p. (In Russ.)
22. Shakhmatov, A. A. The teaching about parts of speech. From the works of A. A. Shakhmatov on the Russian language. Moscow, 1952. P. 29–138. (In Russ.)
23. Shcherba, L. V. On the parts of speech in the Russian language. *Selected works on the Russian language*. Moscow, 1957. P. 63–84. (In Russ.)
24. Dokulil, M. Tvoření slov v češtině. Část 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 264 p.

Received: 25 July 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

МАКСИМ БОРИСОВИЧ АДАМОВИЧ

аспирант кафедры русского языка
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
maksim.adamovich.00@inbox.ru

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ФОРМУЛЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI–XVII ВЕКОВ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются приветственные формулы в начальном протоколе дипломатических памятников старорусского, староукраинского и старобелорусского языков периода XVI–XVII веков. Источниками послужили разножанровые дипломатические документы, отобранные из посольских книг Московской Руси, Литовских метрик, сборников «Воссоединение Украины с Россией» и «Документи Богдана Хмельницького». Из 178 документов на трех языках было отобрано 12 приветственных формул, обладающих повторяемостью и относительной устойчивостью. Произведен анализ приветственных формул в каждом из языков, выявлены закономерности, регулирующие выбор единицы в зависимости от социального положения адресата и адресанта, а также основные лексические компоненты, на базе которых в каждом языке конструируются приветственные формулы. Отмечены особенности структурной организации формул, высокая степень их вариативности и факультативности компонентов. Представлены общие и отличные тенденции в функционировании приветственных формул на трех языках, сделан вывод о сложении специальных дипломатических подъязыков на территории восточного славянства в период XVI–XVII веков. Результаты исследования могут быть использованы при изучении истории становления дипломатического языка и дипломатической фразеологии старорусского, староукраинского и старобелорусского языков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : салютация, формуляр, формула, начальный протокол, восточнославянские языки, дипломатический язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Адамович М. Б. Приветственные формулы в восточнославянских дипломатических памятниках XVI–XVII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 17–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1330

ВВЕДЕНИЕ

В период XVI–XVII веков на территории восточного славянства происходят важнейшие исторические события, связанные с выходом Московской Руси на мировую политическую арену и борьбой украинцев и белорусов за свою независимость. Все активнее проявляются различия между старорусским, староукраинским и старобелорусским языками на всех языковых уровнях, так что к XVI веку можно уверенно говорить об обособлении трех восточнославянских языков и формировании их основных отличительных черт [12: 21–22].

Политические события и лингвистические процессы способствовали формированию дипломатического стиля делового языка трех восточнославянских народностей, что включало в себя и выработку четкого формуляра дипломатических документов. Целью настоящего исследования является изучение общей восточнославянской традиции в сложении приветственных

формул дипломатической письменности и описание специфики формульных сочетаний и тенденций в их употреблении в старорусском языке, в том числе по сравнению с единицами староукраинского и старобелорусского языков. Формуляр разножанровых восточнославянских деловых документов изучался на материале памятников старорусского [1], [3], староукраинского [10], [11] и старобелорусского [13], [14] языков. Изучение формуляра собственно дипломатических памятников не описано так обстоятельно. Отдельные замечания по структуре дипломатических грамот и статейных списков находим у Н. М. Рогожина [8: 73–75, 155] и О. В. Никитина [7: 98]. Можно отметить исследования, посвященные непосредственно приветственным формулам на материале деловых памятников: см. монографию Н. С. Гребенщицкой «История русского приветствия (на восточнославянском фоне)», в которой отдельные главы посвящены приветствиям-благопожеланиям и приветственным жестам [2: 131–268];

работы о речевом этикете Московской Руси и приветственных формулах с компонентом *Бог* О. С. Мжельской [6: 100–101] и Г. В. Судакова [9] на материале разговорников, составленных иностранцами; отдельные замечания о формулах салютации в староукраинских и старобелорусских актах в статьях Д. Ващука [10: 240] и Н. В. Полищук [13: 152].

Материал исследования получен методом сплошной выборки из документов, касающихся отношений России, Великого Княжества Литовского и Запорожской Сечи между собой и с правителями Турции и Крымского Ханства, так как дипломатические связи между указанными государствами в период XVI–XVII веков были очень активны. Используются следующие источники:

– для старорусского языка: входящие и исходящие грамоты царя Алексея Михайловича (ВУР¹) и грамоты из Посольской книги по связям Московского государства с Крымом (1567–1572 года) (ПК Крым²) (67 документов);

– для староукраинского языка: листы Богдана Хмельницкого, опубликованные в сборнике «Документи Богдана Хмельницького» (ДБХ³) (50 документов);

– для старобелорусского языка: разножанровые документы из Литовских Метрик 4 и 6 (Метрика 4⁴), (Метрика 6⁵) и Книги посольской Метрики Великого княжества Литовского (ПК Литва⁶) (61 документ).

Анализировались как исходящие документы, которые государство отправляет за свои пределы, так и входящие, которые поступают в государство извне. Так, входящие документы от Крымского ханства, Литовских метрик являлись переводными (ПК Крым: 20), однако писцы, переводившие эти грамоты, были, видимо, хорошо знакомы с деловым формуляром другого государства – участника дипломатической переписки, поэтому разницы между начальным протоколом входящих и исходящих документов не наблюдается.

Рассмотренные документы относятся к следующим жанрам: *посольство* – записи вопросов и соглашений (действий вплоть до приветствия), которые посол должен озвучить на аудиенции у принимающей стороны; *отказ* – ответ главы государства на пункты, которые озвучивал посол во время аудиенции, и ответные предложения (например, желание снарядить послов для заключения какого-либо соглашения); *ярлык* – грамота, исходящая от хана, различного содержания; *лист* (данный термин для обозначения

документов различного содержания характерен для староукраинской и старобелорусской деловых традиций); *грамота*.

Из указанных памятников были выделены приветственные формулы, которые являются единицами изучения в данной статье. Мы разделяем трактовку термина *формула*, предложенную Е. И. Зиновьевой:

«Стереотипная формула применительно к письменным памятникам XVI–XVII веков понимается нами как разной степени устойчивости языковая единица, представляющая собой словосочетание, номинирующее общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие, и заменяющая собой развернутое информативное описание» [4: 12–13].

Актуальность исследования продиктована необходимостью анализа устойчивых сочетаний, фиксирующихся в дипломатической письменности восточных славян, в свете изучения истории формирования дипломатического стиля старорусского, староукраинского и старобелорусского языков периода XVI–XVII веков и выявления фразеологического состава их памятников, которые не были предметом изучения с точки зрения своего фразеосостава.

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ФОРМУЛЫ В СТАРОРУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В старорусских памятниках начальный протокол имеет относительно четкую структуру: 1) интитуляция (указание, от кого исходит документ); 2) инскрипция (указание, кому документ адресован); 3) салютация (приветствие). Например: *Великие Орды великого царя Девлет-Киреево царево слово* [интитуляция] *брату моему великому князю Ивану Васильевичю* [инскрипция] *многом-много поклон* [салютация] (ПК Крым: 119). Варьирование наблюдается в зонах интитуляции и салютации. Царский титул в памятниках старорусского языка имел как полную, так и сокращенную форму. Кроме того, с течением времени она могла подвергаться изменениям [1: 32–34]. Салютация отсутствует, если грамота адресована от вышестоящего к нижестоящему:

Девлет-Киреево, царево, слово московским послом Офонасу да Федору и иным послом заповеди честные слово то (ПК Крым: 114); *Великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и многих земель государя Ахметю, князю наше царьское слово то* (ПК Крым: 137) и т. д.

В таких случаях вместо салютации начальный протокол заканчивается лексемой *слово*

с различными определениями, напр., *честное, печаловальное* (всегда в прошениях), *царское, милостивое, царского величества*.

Приведенные примеры с отсутствием салютации говорят о зависимости формуляра от уровня положения адресата и адресанта.

Приветственные формулы в документах, направленных от нижестоящего к вышестоящему, отличаются от формул в документах, адресованных главам государств. Так, в грамотах от крымских послов и правителей к московскому царю в качестве такой формулы всегда выступает единица *кому-л.* [**много-много**] **челом бить**: *Великому князю Ивану Васильевичю Ази, князь, много-много челом бьет* (ПК Крым: 278); *Государю великому князю челом бьет Мустофа* (ПК Крым: 278) и др. Формула *бить челом* появляется в русской деловой письменности уже в XIII–XIV веках [1: 36] и в старорусских памятниках разных жанров фиксируется в значении приветствия и почтительного обращения [2: 124–125], [5: 125].

В грамотах глав государств друг к другу используется формула *от кого-л. к кому-л.* [**много-много**] **поклон**, например:

Бога всеми владующаго милостию великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Великие Орды великому царю, брату нашему, Девлет-Кирею, царю, много-много поклон, после слово то (ПК Крым: 132); *Божиею милостию царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Великие Орды великому царю брату моему Девлет-Кирею, царю, много-много поклон после слово то* (ПК Крым: 285).

Данное приветствие является древней общевосточнославянской формулой и фиксируется уже в берестяных грамотах XI–XII веков [2: 198].

Грамоты от царя Алексея Михайловича к гетману Богдану Хмельницкому не содержат в себе формул приветствия или почтительного обращения с благопожеланием, например:

Божиею милостию от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии самодержца нашего царского величества Войска Запорожского гетману Богдану Хмельницкому и всему Войску Запорожскому наше царского величества милостивое слово (ВУР: 572).

Несмотря на то что Войско Запорожское после восстания Богдана Хмельницкого стало автономным территориальным образованием, а сам Богдан Хмельницкий был его главой, Алексей Михайлович не видел в нем равного монарха, поэтому приветствие *кого-л. к кому-л.* [**много-много**] **поклон** не соответствовало статусу адре-

сата и дипломатическому этикету. Среди всех старорусских грамот, приведенных в издании «Воссоединение Украины с Россией», лишь одна имеет в начальном формуляре приветствие-благопожелание *кому-л.* **о Христе мир и благословение**; написана она патриархом Никоном Богдану Хмельницкому. Это еще раз подтверждает зависимость типа формулы салютации от положения адресата и адресанта.

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ФОРМУЛЫ В СТАРОУКРАИНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Староукраинский материал резко отличается от старорусского. В листах Богдана Хмельницкого всегда присутствует приветствие-благопожелание вне зависимости от адресанта. Как и в старорусских грамотах, в староукраинских листах начальный протокол трехчастен, например:

Божиею милостию великого государя царя і великого князя Алексея Михайловича, всея Русіі самодержци і многих господарств господаря і обладатера его царского величества боярину воеводі князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да Ивану Захаревичу Ляпунову да дяку Мина Грязеву [интитуляция], Богдан Хмельницкий, гетман з Войском Запорожким [инскрипция] поклун свуй отдает [салютация] (ДБХ: 135).

Изменения в сравнении со старорусскими грамотами могли касаться лишь перестановки интитуляции и инскрипции.

Мы можем наблюдать четкое разделение в использовании формул при обращении к 1) главам государств и патриарху, 2) боярам, послам и дьякам. При обращении к главам государств использовалась формула *кому-л.* [**смиренно**] [**до лица земли [низко]**] **челом бити**, например:

Божиею милостию великому господару цару і великому князю Алексію Михайловичу всеа Русіі самодержци вашему царскому величеству Богдан Хмельницкий гетман Войска Запорожского, и все Вайского Запорожское низки челом бьет (ДБХ: 197); Божиею милостию великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии самодержцу [п. т.] вашому царскому величеству Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского со всем Войском Запорожским до лица земли ниско челом бьем (ДБХ: 313).

Данная формула встречается и в памятниках старорусского языка, однако, по данным старорусского подкорпуса НКРЯ, чаще всего в частной переписке. Один раз она употребляется в листе к патриарху Никону. Это говорит о высоком статусе Московского патриарха и распространении на него того же формуляра, который применялся к главам государств.

Единожды вместо указанной приветственной формулы в листе к турецкому султану используется формула-благопожелание *на долгие і незамержоне лета доброго здоровья і счастливого над всчкими панования зичити, поклон і служби* (ДБХ: 177). Использование именно этой формулы вместо указанной выше может объясняться иной культурой адресата. При обращении к боярам, патриархам, дьякам и послам благопожелания используются практически всегда, это разнообразные приветственные формулы, которые отличаются высокой степенью вариативности и наличием факультативных компонентов. Основными компонентами, входящими в структуру большинства формул, являются *здравие, поклон* и синонимичные глаголы *зичити* и *желати*. Особенностью староукраинских приветственных формул и благопожеланий при обращении не к главе государства является возможность их сочетания. Так, в листах отмечены две самостоятельные единицы *кому-л. отдати [низко] поклон* и *кому-л. [доброго] здравия (здоров'я) [і долгоденствия] [от [господа] бога [всемогущего]] зичити (желати)*. Данные единицы могут соединяться, образуя единую структуру, одну приветственную формулу с благопожеланием, например: *кому-л. поклон низкий отдавати і доброго здоровья зичити*. Данная объединенная структура может распространяться одним из двух оборотов: *от [господа] бога [всемогущего]* и *счастливого пребиванья (повоженья) на многие (долгие) літа (вік)*:

Божію милостію великого государя царя великого князя Алексія Михайловича... князю Семену Василіевичу Прозоровскому, Богдан Хмельницький, гетман Войска его королевское милости Запорозкого, поклон свой отдавши, доброго здоровья от господа бога зичит (ДБХ: 232); *Божією милостію великого государя царя великого князя Алексія Михайловича... его царского величества окольничему воеводи князю Федору Одріевичу Хилкову Стародубскому, Богдан Хмельницький, гетман Войска Запорозкого, доброго здоровья і щасливого повоженя долгий вік от господа бога жичим поклон наш отдаем* (ДБХ: 260); *Богдан Хмельницький, божією милостію гетман з Войском Запорозким, тобі, приятелеви нашому, воеводи хотмишскому, князю Семену Никитичу Болховскому доброго здоровья і щасливого поваженя от господа бога вірне зичим* (ДБХ: 64) и др.

Анализ показал, что выбор приветственной формулы в начальном протоколе и в староукраинских листах, и в старорусских грамотах зависит от социального статуса адресанта. Однако в староукраинских листах данные формулы содержатся и в листах к послам, чего нет в старорусском. Такое «равноправие» в обращении к раз-

ным адресатам по сравнению со старорусским протоколом можно объяснить тем, что автором всех рассмотренных староукраинских листов является Богдан Хмельницький, который в отношениях с Московской Русью прилагал все дипломатические усилия для воссоединения Украины с Россией. Подобные развернутые приветственные формулы с благопожеланиями и практически полное отсутствие корреляции между положением адресата и формулой по сравнению со старорусским протоколом можно рассматривать как средство влияния на получателя документа, желание снискать расположение.

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ФОРМУЛЫ В СТАРОБЕЛОРУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

К старобелорусским документам относятся листы, ярлыки, посольства и отказы. Различий в приветствиях в документах различных жанров не отмечается. Как и в старорусских и староукраинских текстах, во всех старобелорусских дипломатических документах начальный протокол обычно трехчастный (интитуляция и инскрипция также могли меняться местами). Но в листах от крымских правителей к польскому королю отмечаем частое отсутствие интитуляции: *Брату нашому великому кн(я)зю Алексьандру, поклонь* (Метрика 6: 87); *Жикгимонту-Августу, Королю Польскому Великому, поклонь и братская приязнь* (ПК Литва: 220) и др. Также иногда отсутствует имя главы государства: *Отъ Менъдли Кгирея королю, брату, поклон* (Метрика 4: 92), но в документе той же даты: *Отъ Менъдли Кгирея Казимиру, королю, брату моему, поклон* (Метрика 4: 93). И более развернутый титул: *Божьею м[и]л[о]стью от Казимира, короля, брату моему цару Менъдли Кгирю, поклонь* (Метрика 4: 95). Как видим, в польско-литовской канцелярской традиции (все документы на старобелорусском относятся именно к ней) аналогично старорусской существовали полные и сокращенные формы титулов. В качестве адресатов и адресантов выступают главы государств, государственные сановники (князья, члены королевской семьи), послы. Во всех документах основной формой приветствия являются формулы с главным компонентом *поклонь* и *чело* и различными вариативными и факультативными элементами: *кому-л. велеть поклонитися, кому-л. поклон учинити по звыклому обычаю, кому-л. от кого-л. [великий, много кротъ] поклон(-ов) [и братская приязнь], кому-л. от кого-л. с чоломъ бьемъ (с чоломъ битьемъ) поклон, кому-л.*

много крот чоломь битъе. Корреляция между формой приветствия и выбором формулы прослеживается только для единиц с компонентом **чело**, так как они используются исключительно в документах от восточных правителей (чаще всего крымских) к польскому королю: *Великому кн(я)зю Александру, от кн(я)зя Ачъжиикги с чоломь бьемъ поклон* (Метрика 6: 84); *Казимиру, королю, брату, отъ Бактыяра с чоломьбитьемъ поклонъ* (Метрика 4: 100) и др. Во всех остальных случаях вне зависимости от положения адресата и адресанта используются формулы с компонентом **поклон**.

Из анализа приветственных формул в дипломатических памятниках старобелорусского языка можно сделать вывод, что в польско-литовской канцелярской традиции корреляция между формой приветствия и положением (социальным статусом) в отдельных документах имела место, но была не так сильно развита, как в московской традиции.

ВЫВОДЫ

Таким образом, функционирование формул приветствия в дипломатических документах восточнославянских языков в период XVI–XVII веков обнаруживает целый ряд общих черт: структуру начального протокола и компоненты приветственных формул (**поклон**, **чело**), что свидетельствует об общем источнике формирования дипломатической фразеологии в восточнославянских языках. С другой стороны, наблюдаются различия в исследуемом материале. Они касаются, во-первых, зависимости выбора

формулы от положения адресата: в старорусском языке обнаруживается несомненная зависимость вида приветственной формулы от социального статуса адресанта и равного или подчиненного положения адресата; в староукраинских документах приветственные формулы и благопожелания присутствуют всегда, однако наблюдается четкое разделение в выборе той или иной формулы при обращении к разным классам адресатов. Кроме того, нельзя исключать и авторский фактор в использовании формул (автором всего староукраинского материала является Богдан Хмельницкий); в польско-литовской канцелярской традиции корреляция между формой приветствия и социальным статусом практически отсутствует. Во-вторых, несмотря на наличие в трех языках общих компонентов, приветственные формулы в каждом языке своеобразны, так как формировались, видимо, уже после разделения древнерусского языка на отдельные языки новых восточнославянских народностей (см., например, несовпадение приветственных формул в старорусском, староукраинском и старобелорусском языках с компонентом **поклон**).

После XVI века на материале старорусского языка и других уже сформировавшихся восточнославянских языков можно говорить и о сложении специального дипломатического подъязыка – спецификации деловой письменности, особенности которого на разных территориях обусловлены и экстралингвистическими факторами (политическими событиями), и накопленными к данному периоду лингвистическими различиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. Т. 3 (далее – ВУР) / Сост. Е. А. Апанович, И. Е. Луговая, С. П. Майборода и др. М.: Акад. наук СССР, 1953. 649 с.
- ² Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. (далее – КП Крым) / Отв. ред. М. В. Моисеев; Подгот. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.
- ³ Документи Богдана Хмельницького (1648–1657) (далее – ДБХ) / Відповід. ред. Ф. П. Шевченко. Київ: Вид. акад. наук Укр. РСР, 1961. 740 с.
- ⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491): Užrašymų knyga 4 (далее – Метрика 4) / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Baliulis. Vilnius: LII leidykla, 2004. 285 p.
- ⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506): Užrašymų knyga 6 (далее – Метрика 6) / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Baliulis. Vilnius: LII leidykla, 2007. 515 p.
- ⁶ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) (далее – ПК Литва) / Изд. кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М.: В университетской типографии, 1843. 485 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. 164 с.
2. Гребенщикова Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне). Гродно: ГрГУ, 2004. 306 с.

3. Зиновьева Е. И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура, лексика, фразеология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 236 с.
4. Зиновьева Е. И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков (систематизирующий подход) // Научный диалог. 2023. № 2. С. 9–26.
5. Зиновьева Е. И., Лобеева М. С. Стереотипная формула *бить челом* в старорусском языке XVI–XVII веков // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 2 (8). С. 124–135.
6. Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 218 с.
7. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.). М.: Флинта: Наука, 2004. 266 с.
8. Рогожин Н. М. Посольские книги XVI–XVII вв. М.: ИРИ, 1994. 221 с.
9. Судаков Г. В. Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси в XIV–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 51–57.
10. Ващук Д. П. Дипломатичний аналіз українських актових джерел кінця XV – першої половини XVI ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Київ: НАН України, Інститут історії України, 2013. С. 238–258.
11. Луцька замкова книга 1560–1561 рр. / Підгот. до вид. В. М. Мойсієнко, В. В. Поліщук. Луцьк, 2013. 733 с.
12. Мойсієнко В. М., Ніка О. І. «Проста мова» в Україні та Білорусі XVI ст. / НАН України; Укр. ком. Славістів; Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського; Редкол. О. С. Онищенко (голова) та ін. Київ: НБУВ, 2013. 25 с.
13. Паляшчук Н. В. Формулы з кампанентам милость у полацкіх дакументах // Навукова-метадычная думка на Беларусі: Матэрыялы рэгіянальнай (с міжнародным удзелам) навукова-практычнай канферэнцыі, прысьвячонай 100-ллітцю «Беларускай граматыкі для школ» Б. Тарашкевіча, Віцебск, 05 декабря 2018. Віцебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2018. С. 150–155.
14. Паляшчук Н. В. Этыкетныя адзінкі у старабеларускай дзелавой пісьменнасці. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštinijos tradicijos. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009. P. 276–284.

Поступила в редакцию 20.10.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Maxim B. Adamovich, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
maksim.adamovich.00@inbox.ru

GREETING FORMULAS IN THE EAST SLAVIC DIPLOMATIC DOCUMENTS OF THE XVI–XVII CENTURIES

Abstract. The article examines greeting formulas in the initial protocol of diplomatic documents from the XVI and XVII centuries in the Old Russian, Old Ukrainian, and Old Belarusian languages. The study draws on diplomatic documents of various genres selected from the embassy books of Muscovite Rus, the Lithuanian Metrics, and two document collections – *The Reunification of Ukraine with Russia* and *Documents of Bogdan Khmelnytsky*. From 178 documents across the three languages, the author identifies 12 greeting formulas that show repeatability and relative stability. The article analyzes these formulas for each language, identifies the patterns regulating the choice of the unit depending on the social status of the addressee and addresser, and isolates the main lexical components that underlie the construction of greeting formulas in each language. It also examines the structural organization of these formulas, notes the high degree of their variability and the presence of optional components, and traces both common and different trends in the functioning of greeting formulas across the three languages. On this basis, the author concludes that distinct diplomatic sublanguages emerged in the territory of Eastern Slavs during the XVI and XVII centuries. These findings may inform further research into the history of the formation of diplomatic language and diplomatic phraseology in the Old Russian, Old Ukrainian, and Old Belarusian languages.

Keywords: salutation, form, formula, initial protocol, East Slavic languages, diplomatic language

Citation: Adamovich, M. B. Greeting formulas in the East Slavic diplomatic documents of the XVI–XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):17–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1330

REFERENCES

1. Volkov, S. S. Vocabulary of Russian petitioners of the XVII century: forms, traditional etiquette, and stylistic means. Leningrad, 1974. 164 p. (In Russ.)

2. Grebenshchikova, N. S. The history of Russian greetings (on East Slavic background). Grodno, 2004. 306 p. (In Russ.)
3. Zinovieva, E. I. The recorded onerous books of the Moscow State of the XVI–XVII centuries: Structure, vocabulary, phraseology. St. Petersburg, 2000. 236 p. (In Russ.)
4. Zinovieva, E. I. Stereotypic formulas of business documents and monuments of common language of Moscow Rus' in 16th and 17th centuries (systematizing approach). *Nauchnyi dialog*. 2023;2:9–26. (In Russ.)
5. Zinovieva, E. I., Lobeeva, M. S. Stereotypical formula *bit' chelom* in the Old Russian language of the 16th–17th centuries. *Social and Humanitarian Communications*. 2024;2(8):124–135. (In Russ.)
6. Mzhelskaya, O. S. Vocabulary of the everyday spoken language of Moscow Rus of the XVI–XVII centuries. St. Petersburg, 2003. 218 p. (In Russ.)
7. Nikitin, O. V. Business writing in the history of the Russian language (XI–XVII centuries). Moscow, 2004. 266 p. (In Russ.)
8. Rogozhin, N. M. Embassy books of the XVI–XVII centuries. Moscow, 1994. 221 p. (In Russ.)
9. Sudakov, G. V. The evolution of oral speech etiquette in Russia in the 14th–17th centuries. *Tomsk State University Journal*. 2018;429:51–57. (In Russ.)
10. Vashchuk, D. P. Diplomatic analysis of Ukrainian act sources of the late XV – first half of the XVI centuries. *Special historical disciplines: questions of theory and methodology: Collection of scientific papers*. Kiev, 2013. P. 238–258.
11. The Lutsk Castle Book of 1560–1561. (V. M. Moisienko, V. V. Polishchuk, Eds.). Lutsk, 2013. 733 p.
12. Moisienko, V. M., Nika, O. I. The “simple language” in Ukraine and Belarus of the XVI century. (A. S. Onishchenko et al., Eds.). Kiev, 2013. 25 p.
13. Palyashchuk, N. B. Formulas with the grace component in Polotsk documents. *Scientific and methodological thought in Belarus: proceedings of the regional scientific and practical conference (with international participation) dedicated to the 100th anniversary of B. Tarashkevich's “Belarusian Grammar for Schools”, Vitebsk, 5 December 2018*. Vitebsk, 2018. P. 150–155.
14. Palyashchuk, N. B. Etiquette units in Old Belarusian business writing. Language, culture, and written traditions of the Grand Duchy of Lithuania. Vilnius, 2009. P. 276–284.

Received: 20 October 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ ЕЛЫШЕВ

аспирант

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук»

ассистент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики

Удмуртский государственный университет

(Ижевск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0009-3482-5944; elyshev.vladimir2016@yandex.ru

ГОВОРЫ ДЕРЕВЕНЬ БАННОЕ, КАТЫШИ И ЧЕРНЫЙ КЛЮЧ В ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА (на материале фонетики)

А н н о т а ц и я . Анализируется фонетическая система говоров деревень Банное Завьяловского района, Катыши и Черный Ключ Воткинского района Удмуртской Республики с целью определения их статуса в диалектном пространстве удмуртского языка. Актуальность работы обусловлена пограничным положением данных идиомов между ареалами среднеижских и средневосточных говоров, что требует уточнения границ распространения исследуемых диалектных групп. Кроме того, в настоящее время наблюдается процесс нивелировки лингвистических особенностей удмуртских диалектов, поэтому важной задачей становится работа по фиксации диалектного материала для проведения исследований диахронического характера. В процессе научного изыскания было установлено, что диалекты населенных пунктов Банное и Катыши характеризуются сходством фонетической структуры со среднеижскими говорами удмуртского языка, тогда как речь жителей деревни Черный Ключ обнаруживает признаки принадлежности к средневосточной группе диалектов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : удмуртский язык, среднеижские говоры удмуртского языка, средневосточные говоры удмуртского языка, фонетические особенности

Д л я ц и т и р о в а н и я : Елышев В. В. Говоры деревень Банное, Катыши и Черный Ключ в диалектной системе удмуртского языка (на материале фонетики) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 24–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1331

ВВЕДЕНИЕ

Удмуртская диалектология на протяжении своего развития уделяла особое внимание изучению говоров и диалектов. На сегодняшний день наиболее исследованным является севернoudмуртское наречие, особенности которого освещены в четырех монографиях Л. Л. Карповой¹ [3], [4], [5]. Несмотря на достигнутые результаты, большинство диалектов и говоров удмуртского языка по-прежнему не получили системного описания. К числу таких относятся и срединные говоры. На данный момент из пяти срединных говоров удмуртского языка (среднезападный, средневосточный, водзимоньинско-омгинский, нылгинский, среднеижский [8: 43–44]), расположенных на довольно обширной территории Удмуртской Республики, фрагментарно исследованы лишь средневосточные² и прикильмезские (среднезападные) говоры³. Среднеижские говоры становятся объектом исследования лишь в последние годы [2].

Ареал распространения среднеижских говоров охватывает Завьяловский, северную часть Малопургинского и юго-восточную часть Воткинского районов Удмуртской Республики [8: 47]. Данная классификация носит условный характер, так как в удмуртской диалектологии отсутствуют работы, содержащие научное обоснование границ указанных говоров. Все эти факторы обуславливают актуальность нашего исследования.

В данной работе остановимся на рассмотрении фонетической системы говоров деревень Банное Завьяловского района, а также Катыши и Черный Ключ Воткинского района Удмуртской Республики. Выбор этих населенных пунктов обусловлен их приграничным положением между ареалами среднеижских и средневосточных говоров. Решение вопроса диалектной принадлежности исследуемых говоров в дальнейшем позволит четко очертить границы соответствующих диалектных ареалов.

Источником исследования послужили записи, собранные во время полевых экспедиций 2025 года в деревнях Банное (информанты: А. Н. Гаврилова 1946 г. р.; Н. Ф. Ефремов 1951 г. р.; Л. П. Никитина 1953 г. р.), Катыши (информанты: В. Р. Евсеев 1954 г. р.; В. Л. Леонтьев 1959 г. р.; А. А. Петров 1954 г. р.; Ф. П. Петрова 1957 г. р.) и Черный Ключ (информанты: Г. И. Перевощикова 1945 г. р.; Е. Е. Перевощикова 1960 г. р.; В. В. Широбокова 1962 г. р.; Л. А. Широбокова 1962 г. р.). Все языковые материалы, используемые в исследовании, публикуются с согласия информантов.

ВОКАЛИЗМ

В вокалической системе исследуемых нами говоров функционируют семь гласных: *и, ы, у, э, ё, о, а*. Представленные фонемы акустически и артикуляционно идентичны системе фонем литературного удмуртского языка. Рассматриваемый строй гласных в целом характерен для всех срединных говоров, а также представлен в нижнечепецком и верхнечепецком диалектах североудмуртского наречия [3: 89–90].

Лингвистическая система, свойственная носителям говоров деревень Банное, Катыши и Черный Ключ, при предварительном рассмотрении обладает сходной структурой, но вместе с тем в каждом из них присутствуют ярко выраженные уникальные черты. Далее остановимся на рассмотрении наиболее ярких лингвистических явлений, присутствующих в описываемых нами говорах.

1. Корреспонденция гласных – одно из самых частых фонетических явлений в изучаемых говорах. К числу регулярных междиалектных соответствий в исследуемом ареале относятся следующие типы:

1.1. Корреспонденция гласных южн. *ы* // сев. *и*. В большинстве срединных говоров, а также в среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия удмуртского языка после велярного согласного, а также перед согласными *ш* (*щ*), *ж* или после них употребляется гласный *и*, в то время как в южной диалектной зоне в данной позиции выступает фонема *ы*: сев., черн. *гинэ* // южн., бан., кат. *гинэ* ‘только, лишь’; сев., бан., кат., черн. *иш(щ)ка* // южн. *ышка* ‘рвать, дергать’; сев., бан., черн. *жил’ы* // южн. кат. *жыл’ы* ‘цепь’.

Данный тип корреспонденции в среднеижских говорах носит вариативный характер, поскольку в них функционируют формы, характерные как для северных (*жил’ы* ‘цепь’, *жингыртэ* ‘звонит’), так и для южных (*гинэ* ‘лишь’, *ычкыны* ‘рвать, дергать’) диалектных систем. Средневос-

точные говоры по своим характеристикам больше тяготеют к северному наречию (*гинэ* ‘лишь’, *ишкыны* ‘рвать, дергать’).

Согласно гипотезе В. К. Кельмакова, междиалектное соответствие гласных *ы* // *и* (// *ь*) представляет собой рефлекс праудмуртской фонемы **э*, утрата которой привела к диалектному расхождению: в северном языковом пространстве фонема заместилась гласным *ы*, в южном – *и*, в южных закамских говорах спорадически сохранилась в исходном виде [7: 157].

1.2. Корреспонденция южн. *и* // сев. *ы*. В северных диалектах удмуртского языка перед палатальными согласными корневых морфем употребляется гласный *ы*, в то время как в южных диалектах в этой же позиции функционирует гласный *и*. В исследуемых нами говорах данное явление представлено следующим образом: сев., черн. *вил’* // южн. бан., кат., *вил’* ‘новый’; сев. черн., кат., бан. *ыз’ы* // южн. *из’ы* ‘шапка’; сев. черн., кат., бан. *быз’э* // южн. *биз’э* ‘бежит, выходит замуж’.

Данный тип корреспонденции в корневых морфемах в срединных говорах довольно неоднороден. В частности, в среднеижских говорах для речи диалектоносителей молодого и среднего возраста более характерным является северный вариант – *вил’* ‘новый’, что обусловлено, скорее всего, влиянием литературного языка. В то же время в речи старшего поколения чаще фиксируется южный тип – *вил’* ‘новый’.

Рассматриваемое фонетическое явление также проявляется в следующих суффиксальных морфемах и, на наш взгляд, с точки зрения территориального распространения имеет более последовательный характер:

а) показатель элатива: сев., черн., кат. *-ыс’* // южн., бан. *-ис’*:

бан. *н’ыл’ нылйос, соос н’ыл’ эиййос вылил’ам тати, сопал ул’чаис’* ‘Четыре девочки, четыре подружки, они были здесь, из той улицы’; кат. *ба’ин’а пуктизы и чылкыт ву, а то пудо-животлы ву шурыс’ туптыло вал.* ‘Башню поставили и чистая вода (появилась), а то скотине воду из речки поднимали’; черн. *чай отыс’ ик, шур дурис’ ик, м’ата да мар завариват’то, душицца.* ‘Чай там же, около речки, мяту да что заваривали, душицу’.

Помимо суффикса *-ис’*, для говора деревни Банное также характерно употребление элатива на *-ыс’*:

бан. *клубыс’ потком кэ дак, милам гуртис’ пиосмы ик шуо вал.* «*кы р’эалэ, нылйос*». ‘Из клуба если выходили дак, мальчики из нашей деревни говорили: «Пойте, девочки»; бан. *качи кутэ вал, сөрэ жёк сэргыс’ тазы вуэн марым карэ вал, кыскэ вал.* ‘Брала ножницы, потом водой из угла стола так это делала, тянула’.

Аналогичное непоследовательное функционирование суффикса элатива наблюдается в говоре деревни Катыши, где под ассимилятивным влиянием согласного *-й-* последующий гласный *-ы-* переходит в *-и-*:

кат. *азло с'эрмэт надо, в пэрвуйу о-чэрэт' кол'ышнойис' поттыны, гйдазбарыс'-а там*. 'В начале уздечку надо, в первую очередь, чтобы из **хлева** вывести или из двора там';

б) суффикс эгрессива:

сев., кат., черн. *-ыс'эн* // южн., бан. *-ис'эн*: бан. *куин' арэсис'эн, мамээ таччы быз'эм*. 'С **трех лет** (живу здесь), мама сюда вышла замуж'; кат. *пуныйыр та кыд'окыс'эн пра-к сычэ пунылэн мыгорыс кад' аткэ част'и-чно, а чэрэз промэжуток како'й то йыр кад' ини – кыд'окыс'эн учкыса озы*. '(Лес) Пуныйыр (букв. Собачья голова) **издалека** прямо как тело собаки выглядит, а если уйти подальше (букв. через промежутки), как голова уже – если смотреть издалека так'; черн. *собэрэ гурт пумысэн машинэ: пукс'э, и тан'и: ал'и лыктыкуды гурээ уга татын вал, вот очы обэза-т'эл'но-обэза-т'эл'но вэчки кондон куйан солдат туба вал*. 'Потом в конце деревни (букв. с **конца**) садится в машину, и вот, когда вы ехали, был же там холм, вот туда обязательно-обязательно мелкие деньги солдат бросать поднимался'.

Корреспонденции южн. *и* // сев. *ы* также подвержены конечные гласные основ перед суффиксальными морфемами:

а) в исследуемых нами говорах под воздействием согласного *-й-*, элемента суффикса иллатива *-йэ*, предшествующий ему корневой гласный звук *-ы-* подвергается регрессивной ассимиляции:

бан. *и картошка бакчэ уг мэртто вылэм – бусийэ* 'И картошку в огород не садили – на поле'; кат. *сий-эс чыртийас через голову дисало*. 'Хомут **на шею** через голову надевают'; черн. *чыртиазы марым поно вал, ч'у'чкон*. '**На шею** это вешали, полотенце';

б) трансформации подвергается конечный гласный *ы* основы перед суффиксом местного падежа *-ын* под ассимилятивным влиянием гласного *-й-*:

бан. *шыт п'ос'то вал пурти'ын, жук п'ос'то вал*. 'Суп варили в **котелке**, кашу варили'; кат. *буси'ын будэ вал, пэин'а-а мар-а шуо, к'уака мул'ы мил'ам шуо вал, вот сойэ бичаса пирошки но п'орало вал*. '**На поле** рос, пешня что ли называли, куакамульты (морозка) у нас называли, вот его собирали и пирожки стряпали'; черн. *гуртын вочко, со чэскыт ов'олы, бусыын кад' ов'олы*. 'Дома держу (душицу), она не вкусная, не как **на поле**'.

В говоре деревни Черный Ключ также зафиксированы случаи перехода гласного *-ы-* в гласный *-и-* под ассимилятивным влиянием согласного *-й-* так, что показатель местного падежа имеет маркер *-ин*:

черн. *баз'ым бакча'ин, отэ, трос картошка ук*. 'В большом **огороде** ведь много картошки'; черн. *пудо фэрма'и-н мында вордим, сил'тэк ом йормэ*. 'Скотину как **на ферме** держали, без мяса не страдали'.

Появление корреспонденции *и* // *ы* как в корневых, так и в служебных морфемах В. К. Кельмаков объясняет палатализирующим воздействием последующего согласного на первичное *-ы-*. По мнению ученого, процесс *ы > и* предположительно имел место в XVI веке [7: 159–160].

Говоры деревень Катыши и Черный Ключ тяготеют к шарканскому говору средневожжских говоров, для которого характерно преобладание суффикса *-ыс'*. В то же время говор деревни Банное, где в большей степени наблюдается употребление суффикса *-ис'*, примыкает к средневожжским говорам удмуртского языка.

1.3. Корреспонденция *у* // *ы* в говорах деревень Банное, Катыши и Черный Ключ наблюдается в деепричастиях, где вместо литературного и северноудмуртского *-ку* функционирует *-кы*, характерное для южных диалектов и срединных говоров:

бан. *отис' бэртыкызы, сычэ турым отын жэужыт луэ вал, мон ай бэрло марцас'кыны вэтли но, это, тоди ни турым жэужыт шуса, и со кыноосо дото кыр'заса бэрто вал*. '**Возвращаясь** отсюда (из поля), там такая высокая трава была, я позже ходила сгребать сено и, это, узнала, что трава такая высокая, и эти девушки, так красиво запевая, шли'; кат. *ти'ни оти ван', пыркы д'эрэ'вн'э и тан'тати ван'*. 'Вот там есть, заезжая в деревню, и здесь есть (речка)'; черн. *мон со гынсапэгзэ зиртыкым, куштыкым ачим йыруллан'уси*. '**Снимая**, снимая валенок, я сама головой вниз упала'.

По мнению Д. В. Бубриха, суффикс деепричастия *-кы* является первичным и берет свое начало от допермской формы *-(ы)кы-к*: *вэтыкы-к* 'во время хождения'. Деепричастия на *-ку* исследователь относит к более позднему образованию, связывая их появление воздействием вопросительного слова *ку?* 'когда?', например, *вэтыку* 'во время хождения' [1: 70]. Данной точки зрения также придерживается Б. А. Серебренников [9: 302].

В. К. Кельмаков возводит корреспонденцию *у* // *ы* к рефлексу праудмуртского гласного **и*, который отражается в современных диалектах тремя фонемами: *ы* (ѳ), *у*, *ү* [7: 157].

2. Синкопа – выпадение звука или группы звуков внутри слова⁴. В исследуемых нами говорах синкопе подвергаются следующие фонемы и их комбинации:

2.1. Выпадение группы звуков на *-ис'* наблюдается в показателе настоящего времени *-ис'ко* / *-с'ко* глагола I и II лица единственного и множе-

ственного числа как в утвердительных, так и отрицательных формах:

бан. *губианы вэтком, ал'и но вэтком*. 'За грибами ходим, и сейчас ходим'; бан. *с'эмон шуком, сычэ ик куат'туш кад' ик т'од'ыэс' соос*. 'Семон называем, они такие же, как пескари, белые'; кат. *тулыс ай н'одгэс – коркан пукком да мар да*. 'Весной еще грязно – дома сидим да что да'; кат. *бэртком ини, валйо-сты то ваз'гэс вайо, в часоф, мо'жэт, н'ат'-иэс'*. 'Возвращаемся уже, лошадей-то раньше пригоняли, в часов, может, пять-шесть'; черн. *ой, вот созэ ук то'ткы*. 'Ой, а вот это не знаю'; ал'и *вит' арлы окпол карком ини со гу'л'бицэмэс*. 'Сейчас раз в пять лет проводим гульбише'.

Как показывают наши наблюдения, форма настоящего времени глаголов может функционировать в исследуемом нами ареале как с маркером *-ко* (см. выше), так и *-ис'ко / -с'ко*. Последняя чаще используется в говоре деревни Черный Ключ, что указывает на его близость со средне-восточными говорами, спорадически – в деревне Банное, что позволяет относить данный говор к среднеижским:

бан. *чи'жикэн но мар но шудис'ком вал, мэ'жэсарэмэн но шудис'ком*. 'В чижики да что играли, в лапту играли'; черн. *т'эсто' н'ан'лы марым карком вал, чыр'сатис'комы вал, а то йумал н'ан' вэт' со чэскыт' б'в'л*. 'Тесто для хлеба квасили, а то хлеб из недостаточно прокишенного теста ведь невкусный'.

В большинстве срединных говоров удмуртского языка распространено явление, при котором для обозначения настоящего времени в глаголах I спряжения I и II лица с односложной основой используется лишь суффикс *-к*: *с'и-к-о* 'ем', *йу-к-о-д* 'пью', *пук-к-о* 'стою', *сыл-к-о-д* 'стоишь'. Данный вопрос требует более детального исследования с привлечением материала из финно-угорских языков.

2.2. Наиболее частому выпадению подвергается гласный звук *-ы-* в следующих случаях:

а) в инфинитивных формах глагола I спряжения:

бан. *туш кэма, это, дис'тил'л'амтэ мынны воткинскэ' но, ижэ'фскэ' но*. 'Очень долго, это, не отваживались идти ни в Воткинск, ни в Ижевск'; кат. *сил' тушасы кирос, пэ, пуртэн карком вал – соос, пэ, вырны кутко вал*. 'На мясные туши крест, говорит, ножом делали – они, говорит, двигаться начинали'; черн. *скалийос б'в'л ни ч'б'жыэн табан' с'ины*. 'Коров уже нет, чтобы с молозивом табани есть'.

Подобное явление в целом характерно для срединных говоров удмуртского языка, а также встречается в верхнечепецком диалекте североудмуртского наречия [6: 464];

б) перед суффиксом деепричастий на *-са, -тэк* и *-кы (-ку)*, образованных от глаголов I спряжения:

бан. *эйийос то шутса вэтло, ки'н'лэн б'в'л з'а'зэгэс, а тон з'а'зэг отын воз'мас'код*. 'Друзья-то играя ходят, у кого нет гусей, а ты там гусей сторожишь'; бан. *со вэсэ ужантыс' бэрткыс марым карэ вал, шоколад вайылэ вал о'зы*. 'Он всегда, возвращаясь с работы, это делал, шоколад приносил так'; кат. *малы-о калыкэн кэрэтса улод?* 'Почему же с народом ссорясь жить?'; кат. *куин' кычпуос сыло б'з'зымэс', чэбэрэс', с'урэс дурын дак, о-о-й, д'эрэ'вн'э пыркы ик*. 'Три березы стоят большие, красивые у дороги, дак, ой, при входе в деревню'; кат. *н'улэскы мынтэк ук чидас'кы*. 'Не могу усидеть, не сходит в лес'; черн. *и солэс' пэпэ' пыжео вал ин табан' карса*. 'И из него (мерзлой картошки), сделав лепешки, пеки пепе (лепешки)'.

В говоре деревни Черный Ключ встречаются примеры, когда гласный *-ы-* сохраняется:

черн. *сэрэ куч сюрэсэ но потыкызы со сылалэз йыразы пи'чийак понкот*. 'Потом при выходе в дальнюю дорогу эту соль на голову немножко кладешь'; черн. *табан' пыжыкызы мурийозэс пыццан но зэт'то вал*. 'Когда пекли табани, дымоход даже закрывали'; черн. *йэн луэтэк-а?* 'Как же не являясь (приносящим) пользы?'.

2.3. Выпадение гласного *-о-* происходит в суффиксе множественного числа существительных *-ос* в говоре деревни Черный Ключ и Катыши:

черн. *ал'и б'в'л ни русской пэчка'с но, трос ик б'в'л ни*. 'Сейчас уже нет русских печек, немного уже'; черн. *обэдэ бусыосын кыскис'ком вал, бусыын обэдэ, машинэн нуо вал фл'агасы'н но*. 'В обед на поле доили, на поле в обед, на машине везли вместе с флягами дак'; черн. *ма мон йуай вал книгасэсэ но вну'чкасызлэс', ос с'отэ*. 'Да я спрашивала книги у их внушек, не дали'; черн. *нырыс' чи'сто макэн пазал'л'ало вал коркасты*. 'Раньше всё маком посыпали дома'; кат. *пудо но ум во'рдис'кэ ни, бакчасэсэ но уг ни' турнало ни*. 'И скотину уже не держим, и огороды уже не косят'; кат. *й'ол выламы нуллис'ком вэд' вал вэдрасын*. 'Молоко на себе носили ведь в ведрах'; кат. *сычэ' фэрмасмы вал – сэр'ттизы*. 'Такие фермы у нас были – разобрали'.

2.4. Выпадение конечного гласного *-а-* основы слова наблюдается в следующих случаях:

а) во всех исследуемых нами говорах у существительных единственного числа с конечной гласной основы на *-а* наблюдается выпадение данного звука перед суффиксом винительного падежа *-(й)эз*:

черн. *ну макэн о'зы пазан косо ук коркэ'с кулэм мурт бэрэ*. 'Ну маком заставляют посыпать дом после покойника'; черн. *пичи бакчэс фс'о коразы', чи'ст'ит' каризы' и очы картошка мэр'ттизы'*. 'Маленький огород (сад) весь срубил, почистили и туда картошку посадили'; черн. *сэрэ сы'вортокэс кыл'э кэ, марымйослы, ола'д'йослы но ко'т'малы мынэ*. 'Если сыворотка остается, на это, оладьи и на все идет'; бан. *та ул'чэз шуо вал покшурэ'эр, значит пичи шур с'эрын ул'ча*. 'Эту улицу называли покшурсер, значит улица за маленькой речкой'; кат. *кыз'ы-о шуот, марымэс, кочэгаркэ'с пушкытиз обд'элыват'тис'ко*. 'Как сказать,

это, в **кочегарке** (букв. **кочегарку**) изнутри отделку делаю»;

б) для говоров деревень Катыши и Черный Ключ характерно выпадение конечного гласного **-а-** основы слова перед суффиксом творительного падежа **-(й)эн**:

черн. *то книгээн, то вот гынсапэг зырайас'ком ва* 'То книгами, то вот валенки кидали'; черн. *ма краскээн кӧчэ кэ, то эгырэз гурьыс' куткод но, баззын гур эстыкы отын чын потэ ук*. 'Ну красками какими-то, то берешь из печки золу, когда топили большую печку, оттуда ведь дым шел'; черн. *силос ваннээн нуллис'ком вал, тазээн* 'Силос с **ванной** носили, с тазом'. кат. *собэрэ валэктил'лам: «иконэн йүртйэр котыртид орчы дак»*. 'Потом объяснили: «Пройди с **иконой** вокруг дома дак»'; кат. *машинээн та ваццы дугдо вал, и л'укас'ком*. 'На машине (букв. с **машинной**) остановивались напротив этого, и мы складывали'; кат. *сил'ын но можно сины, кубыстэн но можно с'ины, но мынам пиналл'л'осы бол'шэ губиэн йарато но, губиэн пышко*. 'И с мясом можно есть, и с **капустой** можно есть, но раз мои дети больше с грибами любят, с грибами пеку';

в) выпадение конечного корневого гласного **-а-** перед суффиксом иллатива **-(й)э** наблюдается во всех описываемых нами говорах:

черн. *фэрмэ, пэтнацэт' л'эт тырмиз йанварэ, и фэрмэ искал кыскыны вас'ки*. 'На ферму, пятнадцать лет исполнилось в январе, и на ферму коров доить спустилась'; бан. *дак со школэ но мил'ам өвӧл вэтлэмын*. 'Дак он у нас в школу даже не ходил'; кат. *марьмэ но вэтли, пӧс'тыны нуллизы оти, пихто фкэ вал*. 'И туда ходил, варить возили туда, в **Пихтовку**'.

Подобные явления (см. а, в) нами зафиксированы в говоре села Норья Малопургинского района Удмуртской Республики, входящего в ареал среднеижских говоров: нор. *солэн гра-мотэз ой вал*. 'У него грамоты не было (был безграмотным)'; нор. *москвэ со вэтса дис'кут бас'йа вьлэм*. 'В Москву ездив, он одежду покупал'.

3. Апакопа – отпадение конечного безударного гласного **-ы**, элемента суффикса инфинитива глаголов I и II спряжения, наблюдается в говоре деревни Черный Ключ:

черн. *ми вэтком вал сиз'ыл картошка октын*. 'Мы ходили осенью картошку **собирать**'; черн. *л'укан выр-код сойэ, штоп чи'сто ровно мэд луос*. 'Сложить стараешься их, чтобы все ровно было'; черн. *дорат, пэ, вуом йуал'л'ас'кын*. 'К тебе придем, говорят, **поспрашивать**'; черн. *пэтро'в д'эн' бэрэгэс турнан кутко вал ин, двэнацэттой ийул' бэрэгэс*. 'Примерно после Петрова дня начинали **косить**, примерно после двенадцатого июля'; армийэ' *кэл'ам бэрэ но уг лэ'з'о пол мис'кын*. 'После проводов в армию тоже не разрешают полы **мыть**'.

Данное явление характерно для средневосточных говоров удмуртского языка и встречается, например, в говоре деревни Кенеровой

Якшур-Бодьинского района: *сос с'ис'кил'л'ам но чӧдэткын полат'азы тубил'л'ам*. 'Они покупали и отдохнуть на полати залезли'.

4. Для говоров деревень Банное и Катыши характерна прогрессивная ассимиляция, при которой гласный **-о-** в суффиксе множественного числа **-ос** уподобляется предшествующему гласному **-а-** основы слова:

бан. *со цэрк'овной книгаасын гожйамын дак, как вро'д'э толон гожйамын, сычэ' чэбэр*. 'И в этих церковных книгах так написано, как вроде вчера писали, так красиво'; бан. *корт лопаткаас вьлил'л'амтэ, ну лопаткээн музйэмэс, пэ, ум быгаткэ вал копаны – бжыт нэ*. 'Железных лопат не было, деревянной лопатой, говорят, не могли копать – только немного'; бан. *аз'лон жэ потолокйосты мис'ко вал, л'акэмын коркаас ой вал*. 'Раньше потолки мыли, дома не были обклеены'; кат. *к'уат' штука ини мынам вну'чка, пра'внучкаасы*. 'У меня уже шесть внучек, **правнучек**'; кат. *скаскаас лопшо пэдун' туж умой вэра вал радионын*. 'Сказки Лопшо Педунь хорошо рассказывал по радио'.

Подобные примеры, описывающие это явление, приведены С. К. Бушмакиным при описании средневосточных говоров: як.-бод. *korkaas* 'дома', *partaas* 'парты'⁵.

Как уже отмечалось выше, для говора деревни Катыши также характерна синкопа гласного **-а-** основы перед суффиксом множественного числа **-ос**: черн. *ал'и өвӧл ни русской пэчка'с но, трос ик өвӧл ни*. 'Сейчас уже нет русских **печек**, немного уже' (см. 2.3).

5. Особенность говора деревни Черный Ключ проявляется в функционировании этимологического конечного гласного **-ы** в ряде вспомогательных глаголов:

черн. *мынам аслам ба'бушкэ озы шуэ валы*. 'Моя бабушка так **говорила было**'; черн. *пумис'кис'кот кэ одиг мэстаыгн, вот сокы то'жэ умой өвӧлы шуо*. 'Если встречаешься на одном и том же месте, это **не есть хорошо**, говорят'; черн. *аз'ло вэт' пэсо'к трос ой валы*. 'Раньше же сахара много **не было**'.

Подобные явления в среднеижских говорах не зафиксированы, но имеют место в среднезападных, например, в говоре деревни Суроново Шарканского района Удмуртии: *монэ с'иыны тон эн мал'па, / мон тынад өвӧлы кырныжэ*. 'Ты есть меня не вздумай, я **не твоя**, ворон'.

КОНСОНАНТИЗМ

Консонантная система исследуемых нами говоров представлена 30 фонемами: *б, в, г, д, д', ж, жэ, з, з', э, й, к, л, л' м, н, н', п, р, с, с', т, т', ф, х, ц, ч, ч', ш, ш'*. Фонетические явления в области согласных в описываемой диалектной зоне в целом имеют схожий характер, но наряду с этим обладают некоторыми, на наш взгляд, существенными различиями.

1.4. Фонологическая система данных говоров также характеризуется противопоставлением аффрикаты *жс* и щелевого *жс*:

бан. *оти* 'со проулок мил'ам отын, оти **выжс** вылти поткод чэрэз рэчку. 'Там вот проулок у нас, там по мосту через речку проходишь'; кат. *о дак, ужс тырмэ*. 'О дак, работы хватает'.

В говоре деревни Черный Ключ в аналогичных случаях функционирует щелевой *жс*:

заводын полтара: *го'да ужай но, сэрэ мужикмэ а'рмиэ кэл'амлэс' аз'ло пинал ваи кэ, вот гуртэ бэрти мамасы доры*. 'На заводе полтора года **проработала**, потом раз родила до того, как мужа в армию проводила, вот домой к родителям вернулась'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фонетической системы говоров деревень Банное, Катыши и Черный Ключ позволяет выделить в их диалектной системе особенности, с одной стороны, сближающие данные идиомы, с другой – свидетельствующие об уникальности каждого из них. Полученные результаты указывают на значительную близость фонетического строя говоров деревень Банное и Катыши, что позволяет объединить данные говоры

в единый диалектный комплекс и отдельно выделить говор деревни Черный Ключ в рамках исследуемого ареала.

Совокупность наиболее ярко выраженных фонетических черт, например корреспонденция гласных *ы* // *и*: черн. *гинэ* // южн., бан., кат. *гынэ* 'только, лишь'; показатель элатива на *-ыс*: *шурьыс* 'из речки'; апакопа гласного *-ы* в инфинитивных формах глагола: *октын* 'собирать'; функционирование в ряде вспомогательных глаголов этимологического конечного гласного *-ы*: *ой валы* 'не было', позволяет относить говор деревни Черный Ключ к группе средневосточных говоров удмуртского языка.

Говоры деревень Банное и Катыши по своим фонетическим характеристикам: корреспонденция гласных *ы* // *и*: черн. *гинэ* // южн., бан., кат. *гынэ* 'только, лишь'; выпадение группы звуков на *-ис* в показателе настоящего времени *-ис'ко* / *-с'ко* глагола I и II лица единственного и множественного числа *сико* 'ем', *пукком* 'сидим'; выпадение гласного *-ы* в инфинитивных формах глагола: *мынны* 'идти' – обнаруживают наибольшее сходство со среднеижскими говорами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
- 2 Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 с. + [Приложение] 350 с.
- 3 Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. 16 с.
- 4 Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
- 5 Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка...
- 6 Aminoff T. G. Votjakin äänne-ja muoto-opin luonnos // JSFOu. Helsinki, 1896. Vol. 14/2. P. 1–48.

СОКРАЩЕНИЯ

бан. – говор деревни Банное; бур. – говор деревни Бураново; кат. – говор деревни Катыши; сев. – северное наречие удмуртского языка; сунд. – говор деревни Сундуково; черн. – говор деревни Черный Ключ; южн. – южный диалект удмуртского языка; як.-бод. – говор села Якшур-Бодья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка: (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 110 с.
- 2 Елышев В. В., Кондратьева Н. В. О некоторых фонетических особенностях сундуковского говора Малопургинского района Удмуртской Республики // Вестник угроведения. 2025. Т. 15, № 2 (61). С. 224–237. DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-224-237
- 3 Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
- 4 Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект / РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск, 2013. 600 с.
- 5 Карпова Л. [Л.] Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
- 6 Карпова Л. Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17, № 4. С. 462–473. DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473

7. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2 / Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 395 с.
8. Максимов С. А. Комментарий к картам «Диалектное членение удмуртского языка» и «Принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам» // Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Останова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 42–48.
9. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.
10. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. 376 p.

Поступила в редакцию 24.11.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Vladimir V. Elyshev, Postgraduate Student, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Assistant, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0009-3482-5944; elyshev.vladimir2016@yandex.ru

DIALECTS OF THE VILLAGES OF BANNOYE, KATYSHI, AND CHYORNY KLYUCH IN THE DIALECT SYSTEM OF THE UDMURT LANGUAGE (a phonetic study)

Abstract. The study examines the phonetic system of the dialects spoken in the villages of Bannoye (Zavyalovo District), Katyshi, and Chyorny Klyuch (Votkinsk District) to determine their status within the Udmurt dialect space. The relevance of the study stems from the borderline position of these dialect formations between the geographic areas of the Middle Izh and Middle Eastern subdialects, which requires a more precise delineation of the boundaries between these dialect groups. Furthermore, the linguistic features of Udmurt dialects are currently being eroded, making it important to document dialectal material for diachronic research. The study revealed that the dialects spoken in the villages of Bannoye and Katyshi are phonetically related to the Middle Izh subdialects of the Udmurt language, while the dialect of Cherny Klyuch is related to the Middle Eastern subdialects.

Keywords: Udmurt language, Middle Izh Udmurt dialects, Middle Eastern Udmurt dialects, phonetic features

For citation: Elyshev, V. V. Dialects of the villages of Bannoye, Katyshi, and Chyorny Klyuch in the dialect system of the Udmurt language (a phonetic study). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):24–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1331

REFERENCES

1. Bubrikh, D. V. Historical phonetics of the Udmurt language: (compared with the Komi language). Izhevsk, 1948. 110 p. (In Russ.)
2. Elyshev, V. V., Kondratyeva, N. V. About some phonetic features of the Sundukovo subdialect of the Malopurginsky District of the Udmurt Republic. *Bulletin of Ugric Studies*. 2025;15(2(61)):224–237. DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-224-237 (In Russ.)
3. Карпова, Л. Л. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Izhevsk, 2020. 563 p. (In Russ.)
4. Карпова, Л. Л. Vocabulary of the Northern dialect of the Udmurt language: the Middle Cheptsä dialect. Izhevsk, 2013. 600 p. (In Russ.)
5. Карпова, Л. Л. Phonetics and morphology of the Middle Cheptsä dialect of the Udmurt language. Tartu, 1997. 224 p. (In Russ.)
6. Карпова, Л. Л. Phonetic markers of the Upper Cheptsä dialect of the Udmurt language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(4):462–473. DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473 (In Russ.)
7. Кельмаков, В. К. Dialectal and historical phonetics of the Udmurt language. Part 2. Izhevsk, 2004. 395 p. (In Russ.)
8. Максимов, С. А. Commentary on the maps “Dialectal division of the Udmurt language” and “Affiliation of support points to territorial dialects”. *Nasibullin, R. Sh., Maksimov, S. A., Semenov, V. G., Ostanova, G. V. The dialectological atlas of the Udmurt language: maps and commentary*. Izhevsk, 2009. Issue I. P. 42–48. (In Russ.)
9. Серебренников, Б. А. Historical morphology of the Permian languages. Moscow, 1963. 391 p. (In Russ.)
10. Bartens, R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000. 376 p.

Received: 24 November 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

ПОЛИНА ВИТАЛЬЕВНА СИНИЦКАЯ

младший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
polsinicka99@mail.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А н н о т а ц и я . Цель статьи – выявление существующих пробелов и определение перспективных направлений развития карельской лексикографии с учетом запросов языковой общественности. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть основные этапы развития карельской словарной традиции с XVIII века до наших дней; описать известные лексикографические издания на карельском языке, содержащие лексику на ливвиковском наречии; проанализировать изменения, которые словари претерпели с течением времени. Сегодня лингвистами ведется большая работа, направленная на создание новых словарей карельского языка электронного типа. Актуальность исследования обусловлена важностью осмысления опыта в области карельской лексикографии прошлых лет, поскольку без ретроспективного анализа данной темы невозможно дальнейшее последовательное развитие лексикографической традиции. Новизна статьи заключается в том, что в ней впервые целенаправленно и комплексно рассматриваются издания, фиксирующие ливвиковскую лексику, а также определяются качественные изменения в подходах к ее отбору и описанию, происходившие на разных этапах. В работе использовались филологические и лексикографические методы анализа. Сделаны выводы о том, что за последние триста лет формирование лексикографической традиции прошло несколько этапов: от письменных заметок до создания школьных и двуязычных академических словарей и появления современного электронного ресурса – Открытого корпуса вепского и карельского языков «ВепКар». Сегодня карельская лексикография находится на том этапе своего развития, когда существующие достижения и потенциал корпусных исследований позволяют перейти к разработке электронных словарей, в частности словаря синонимов карельского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельский язык, ливвиковское наречие, практическая лексикография, двуязычные словари, корпусная лексикография, электронный словарь

Б л а г о д а р н о с т и . Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Синицкая П. В. Лексикография карельского языка: история и перспективы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 32–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1332

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня словари языков малых народов играют ключевую роль в сохранении культурного наследия, фиксируя в том числе изменения в языке и отражая его развитие и адаптацию к новым реалиям. Словари обеспечивают доступ к языковым ресурсам исследователям, педагогам и носителям языка. Лексикографическая работа призвана решать актуальные вопросы литературного языка ранее бесписьменного народа и служит средством создания и совершенствования письменной культуры. В этом случае

создание словаря синонимов карельского языка представляет огромный интерес с точки зрения преподавания, а также в контексте активно развивающейся сферы переводческой деятельности. В данной статье особое внимание уделяется словарям ливвиковского наречия карельского языка¹.

СТАРОПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД КАРЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Одним из наиболее ранних старописьменных лексикографических памятников, в котором представлена лексика на ливвиковском наре-

чии карельского языка, является словарь тезаурусного типа «Сравнительные словари всех языков и народов» (в двух частях), изданный по поручению Екатерины II в 1787–1789 годах под редакцией академика П. С. Палласа. Словарь включает 285 слов русского языка, переведенных на 200 языков мира («европейские и азиатские языки»). Понятия объединены в лексико-семантические группы. При создании словаря Паллас опирался на материалы, ранее собранные Г. Л. Х. Бакмейстером, однако основная часть лексики, вошедшей в словарь, была отобрана составителем в ходе академической экспедиции 1768–1774 годов [2: 28]. Исследователь также разослал по губерниям России программу по сбору слов и образцов различных языков, что позволило обрести бесценный лингвистический материал: полученные в ответных письмах «глоссарии, анкеты, образцы переводов текстов, книги, словари» [3: 355] частично вошли в итоговую версию словаря. Карельские соответствия представлены в нем «по карельски» и «по олонецки». Это указывает на то, что зафиксированная лексика относится к собственно карельскому и ливвиковскому наречиям карельского языка [12: 288]. Словарь был переиздан в 1790–1791 годах в дополненном и исправленном виде.

Основой для «олонецкого» раздела словаря стал реестр русских слов с переводом на ливвиковское наречие карельского языка, который был обнаружен сотрудниками сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (далее – ИЯЛИ КарНЦ РАН) в 2025 году в ходе работы с материалами фонда финно-угроведа Андрея Михайловича Шегрена² в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук³. Список русских лексем и их карельских соответствий оцифрован и опубликован в открытом доступе на сайте лингвистической платформы Лингводок (см. таблицу)⁴.

Подробный карело-финский словарь содержит исследование финляндского лингвиста А. Генетца «*Tutkimus Aunuksen kielestä*» («Исследование языка олонецких карелов»), увидевшее свет в 1885 году. Работа основана на материалах, собранных на территориях проживания карелов-ливвиков – в Тулдозерской, Ведлозерской, Сямозерской волостях во второй половине XIX века. В словаре можно обнаружить лексику из волостей Импилахти и Суоярви, в западных частях которых говорили на южнокарельских говорах собственно карельского наречия. Впоследствии А. В. Старчевский использовал этот лексический материал в своем русско-карельском сло-

варе из «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России».

В начале XX века в Выборге был издан «Русско-карельский словарь» (1913), составленный учителем видлицкой школы В. И. Королевым. Словарь предназначался для учителей, работающих в карельских деревнях Олонецкой губернии. В диалектном отношении его лексический материал относится к ливвиковским, видлицким и рыпушкальским говорам. Слова в словаре приводятся по алфавиту, у некоторых помимо формы единственного указана также форма множественного числа, а у глаголов – отдельные лично-числовые формы. В предисловии автором даны рекомендации, касающиеся правильности произношения и постановки ударения в карельском языке.

В 1914 году переводчиком Карельского православного братства⁵ священником и миссионером В. М. Никольским был подготовлен «Русско-карельский словарь», написанный от руки на 262 листах на ливвиковском наречии карельского языка на основе русского алфавита. Рукопись хранится в Научном архиве Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ РАН)⁶. Никольский осуществлял активную собирательскую деятельность: в словаре представлена богатая лексика, относящаяся к крестьянскому быту, флоре и фауне, медицинская и религиозная терминология, а также разговорная лексика. Помимо этого, в нем зафиксированы типичные словообразовательные модели и словообразовательные парадигмы, демонстрирующие словообразовательный потенциал карельского языка.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Вторая половина – конец 1920-х годов были отмечены усилением процессов «финнизации», в связи с чем большинство образовательных учреждений в национальных районах Карелии было переведено на финский язык обучения. Уже в 1929 году руководством республики финский язык был утвержден в качестве письменного и литературного языка карельского населения [8: 26].

На базе основанного в сентябре 1930 года Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) начала работу этнографо-лингвистическая секция, деятельность которой была направлена на систематическое изучение языков и культур прибалтийско-финских народов Карелии. Одной из главных задач стало создание финско-карельского словаря, основу которого составили бы экспедиционные материалы, собранные сотрудниками секции. С 1933 по 1936 год

под руководством В. Я. Евсеева, известного фольклориста и финноугроведа, велась подготовка такого издания, получившего название «Карело-финско-русский словарь». Словарь так и не был издан, его рукопись хранится в НА КарНЦ РАН⁷.

Словник представлен лексемами от А до I. В перечне условных сокращений, помимо диалектных вариантов карельского языка (lv – ливвиковское наречие, ld – людиковское, kk – средний карельский, rk – северный карельский), содержатся указания на населенные пункты, послужившие местами сбора материала, и соответствия между географическими названиями и говорами (например, Vieljärvi (Ведлозеро) – lv). В словаре представлены практически все карельские говоры [8: 27].

В некоторых случаях заголовочные слова относятся к одному наречию, говору или населенному пункту (например, bil'iettu 'билет' – ливвиковский карельский; batugaine 'палка, трость' – Лояницы), в других в качестве соответствий предлагаются варианты из разных говоров карельского языка (например, humähtiä 'улыбнуться, усмехнуться' – Вохтозеро, humähtyä – Вокнаволоок, Юшкозеро, humähtädä – людиковский карельский). Эквивалентами диалектных карельских слов выступают лексемы финского и русского языков.

Параллельно со словарем специалисты этнографо-лингвистической секции разрабатывали «Русско-карело-финский справочник» – еще один неопубликованный труд, содержащий лексику флоры и фауны, традиционных ремесел карелов, профессионализмы и др. Прекращение работы над обоими изданиями было обусловлено окончанием этапа «финнизации» и утверждением курса на создание единого литературного карельского языка [8: 28].

В следующие годы лексикография карельского языка развивалась последовательно и активно. Так, в 1947 году в Хельсинки вышел «Salmin murteen sanakirja» («Словарь салминского говора карельского языка») под редакцией П. Похьянвало. Издание снабжено изображениями, призванными облегчить понимание некоторых лексем (например, схема расположения деревянных брусочков в традиционной карельской игре кууккя, напоминающей городки). В 1950 году свет увидело дополненное издание словаря.

Диалектные материалы, собранные финляндскими лингвистами и этнологами с конца 1800-х по 1970-е годы [5: 101], были использованы в шеститомном словаре «Karjalan kielen sanakirja» («Словарь карельского языка») (1968–2005), изданном в сотрудничестве с Институтом родных

языков Финляндии⁸ (Kotimaisten kielten keskus, Kotus) и Финно-угорским обществом (Suomalais-Ugrilainen Seura) и содержащем в общей сложности около 4 тысяч страниц и почти 83 тысячи словарных статей. Главными редакторами словаря выступили П. Виртаранта (части 1–3) и Р. Копонен (части 4–6), однако в работе над изданием на протяжении десятилетий принимали участие многочисленные редакторы и составители. Во введении к Словарю приведена сводная таблица с указанием имен исследователей, собравших материал, имен и возраста информантов, места проведения беседы и годы, когда это происходило. Примеры использования слов, приведенные в словаре, представляют собой отрывки из личных интервью, а также фольклорные материалы, в том числе из издания «Suomen kansan vanhat runot» («Древние руны финского народа»)». В 2009 году открыта электронная версия словаря (см. таблицу).

Среди работ финляндских исследователей следует выделить также лексикографическое издание «Impilahden karjalan sanakirja» («Словарь карельского говора Импилахти») (1998) М. Пунттила. Словарь относится к типу дифференциальных и включает только слова, отличающиеся от нормы финского литературного языка по форме, происхождению, значению или употреблению. Помимо введения и собственно словаря издание содержит обратный список поисковых слов.

В российском финно-угроведении ведущим центром карельской лексикографии стал сектор языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ко второй половине XX столетия его сотрудниками был накоплен богатый материал по карельскому языку¹¹, что позволило приступить к созданию диалектных словарей – хранителей не только разговорной карельской речи, но и культуры народа.

В 1975 году был издан «Русско-карельский словарь» на 10 тысяч слов, составленный Г. Н. Макаровым и предназначенный

«прежде всего для учащихся-карел, учителей и воспитателей в детских учреждениях с карельским составом детей. Им могут пользоваться также лица, интересующиеся лексическими богатствами карельского языка и общающиеся с карельским населением»¹².

В словарь включены преимущественно русские слова, имеющие эквиваленты в карельском языке. Перевод русского слова представлен на ливвиковском наречии карельского языка. При этом указываются и диалектные формы (при наличии таковых).

В 1990 году вышел еще один словарь Г. Н. Макарова – «Словарь карельского языка (ливви-

ковский диалект)», в основу которого положена лексика коткозерского говора, что обусловлено его наибольшей распространенностью. Словарь охватывает «всю лексику диалекта, включая и отложившиеся в нем заимствования из русского и финского языков». Редакторы указывают, что

«в предлагаемом виде Словарь включает около 20 тысяч словарных статей и содержит богатый иллюстративный материал, представляющий интерес не только для диалектологов, но и для историков языка, фольклористов, этнографов»¹³.

Материалы издания были активно использованы в процессе разработки ливвиковского новописьменного варианта карельского языка.

В 2000 году был издан «Фразеологический словарь карельского языка» (составитель – В. П. Федотова). Работа над словарем велась более 20 лет, его лингвистическая база была собрана во время экспедиций в различные районы Карелии. Издание также содержит материалы из фондов НА КарНЦ РАН и Архива Института родных языков Финляндии. Иллюстрации к примерам даны по возможности на диалектах трех наречий карельского языка. Заглавное слово представлено на том наречии, в котором зафиксировано, и сопровождается информацией о конкретном ареале его бытования. В 2001 году был выпущен «Краткий фразеологический словарь карельского языка: собственно-карельское и ливвиковское наречия». В обоих словарях приведены переводы фразеологических единиц на русский язык, что делает их доступными не только для носителей языка, но и для любого интересующегося карельской культурой: фразеологизмы отражают модели поведения, быт, традиции, нормы и стереотипы карельского народа.

В 2002 году В. П. Федотовой опубликован словарь «Дескриптивные глаголы в карельском языке», содержащий максимально полный список дескриптивных глаголов (≈ 1 тысяча лексических единиц), являющихся общими для большинства карельских говоров. Такой словарь может быть полезен как изучающим язык, так и тем, кто знает язык, но хочет обогатить и разнообразить свою речь специфическими глаголами, описывающими различные аспекты действий и ощущений.

В 2007 году вышел «Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков», материалы для которого собирались лингвистами ИЯЛИ КарНЦ в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Ливвиковский языковой материал был собран в д. Кондуши, д. Проккойла, с. Колатсельга, с. Ведлозеро, с. Видлица, г. Олонец. Важность

издания такого словаря обусловлена в большей степени многолетними дискуссиями о том, будет ли создан единый карельский язык или формирующиеся письменности останутся самостоятельными вариантами [9: 71]. В связи с этим вопрос о соотношении диалектов стал приоритетным, а создание сопоставительно-ономазиологического словаря оказало значительное влияние на формирование в дальнейшем орфографических норм и атрибутирование статуса диалектов в период языкового строительства [9: 71]. К позитивным последствиям создания данного словаря можно отнести несомненную значимость в решении вопросов языкового строительства, конкретнее – в утверждении теории о единстве карельского языка [10: 90].

НОВОПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД КАРЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Во второй половине XX века стало очевидно, что граница между теоретической и прикладной лингвистикой стремительно размывается, а развитие прикладной лингвистики, в свою очередь, подразумевает переосмысление многих традиционных теоретических проблем с целью решения соответствующих прикладных задач и напрямую связано с преобразованием всего теоретического аппарата [7]. Одной из важнейших задач прикладной лингвистики стало описание бесписьменных и младописьменных языков, но и по мере углубления исследований в этой сфере именно прикладные исследования продолжают играть важнейшую роль [7]. К достижениям прикладной лингвистики, безусловно, относится и создание словарей. Отметим, что работа над словарями новописьменных языков с недавно сложившейся литературной традицией требует особых условий, речь о которых пойдет далее.

Большой вклад в становление карельской лексикографии внесли сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН. После состоявшейся в Петрозаводске конференции «Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР» (1989) [6], ознаменовавшей собой начало процесса ревитализации карельской письменности, практическая лексикография карельского языка вышла на новый этап развития. Сегодня можно с уверенностью сказать, что именно лексикографическая деятельность, проводимая исследователями с конца 80-х годов прошлого столетия, заложила основы карельской лексикографии в области литературного карельского языка.

В 1996 году вышел в свет первый словарь новописьменного карельского языка «Карельско-

русский словарь» («Karjal-ven'alaine sanakniigu») Л. Ф. Маркиановой и Т. П. Бойко. Издание, составленное авторами в том числе на материале учебных пособий, издаваемых с начала 1990-х годов, не только содержало исконную лексику карельского языка, но и было дополнено ранее отсутствовавшей в языке лексикой (в том числе терминологической). В этом словаре была продолжена работа по формированию и закреплению орфографических норм карельского языка.

Важным этапом в развитии карельской лексикографии стала работа Республиканской термино-орфографической комиссии, созданной в 1998 году, над специальными бюллетенями, послужившими основой для больших двуязычных словарей карельского языка. К числу основных задач комиссии относятся

«развитие и упорядочение лексического запаса карельского и вепсского языков, совершенствование орфографических и орфоэпических правил, образование новой политической, экономической и другой тематической лексики, грамматическая адаптация заимствований, внедрение созданной лексики в социальную практику»¹⁴.

В бюллетенях, разработанных ливвиковской подкомиссией, содержатся неологизмы по следующим темам: лингвистическая терминология, школьная лексика, общественно-политическая лексика, лексика по флоре и фауне.

В период с 2007 по 2011 год Л. Ф. Маркиановой и Т. П. Бойко велась работа над «Большим русско-карельским словарем (ливвиковское наречие)», в который вошло порядка 20 тысяч слов, значительная часть из которых – новообразования (второе издание словаря вышло в 2016 году). Практически сразу был выпущен «Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие)» (составитель – Т. П. Бойко), содержащий 18 тысяч слов и выражений (переиздан в 2019 году). Данные лексикографические издания стали самыми крупными, посвященными новописьменному карельскому языку. Лексика, вошедшая в них, является обобщением фонетических и грамматических особенностей диалектов ливвиковского наречия карельского языка. В словарях представлена общественно-политическая и экономическая лексика, а также техническая терминология. Можно с уверенностью говорить о том, что они являют собой наиболее полное собрание как исконной, так и новейшей лексики из всех областей жизни, отражая изменения в различных сферах деятельности человека. Все материалы из этих изданий представлены в словаре лемм Открытого корпуса вепсского и карельского языков «ВепКар» (далее – ВепКар) (см. таблицу).

Издание в 2022 году «Грамматико-орфографического словаря карельского языка» (далее – ГОСКЯ) ознаменовало собой «окончание первого этапа языкового строительства по урегулированию основных правил и норм ливвиковского новописьменного варианта карельского языка» [11: 462]. Словарь содержит более 23 тысяч лексем. В словнике ГОСКЯ представлена не только исконная лексика в литературном варианте ливвиковского наречия карельского языка, но и новейшая лексика, ранее не входившая ни в один словарь (см. таблицу). Словарь полезен в первую очередь изучающим язык, а также тем, чья работа связана с языком, – преподавателям, писателям, журналистам. Важно отметить, что все лексемы в словаре переведены на русский язык. Приведенные в издании морфологические сведения позволяют быстро и правильно образовать любую грамматическую форму имени или глагола. В конце даны подробные таблицы склонений и спряжений. Обширные данные о грамматике, орфографии и толковании слов, представленные в словаре, позволяют говорить о том, что он «способен заменить сразу несколько словарей: справочник по орфографии, карельско-русский и толковый словари» [11: 462].

Итак, за тридцатилетний период развития карельской письменности было издано большое количество словарей, содержащих лексику новописьменного варианта языка. Сегодня карельская лексикография активно развивается также в Финляндии. Этому способствовало включение правительством Финляндии в 2009 году карельского языка в список официальных языков малых народностей, а также деятельность отдельных организаций, таких как Общество карельского языка (Karjalan Kielen Seura), которое занимается проектами по развитию устного и письменного карельского языка, а также Университет Восточной Финляндии (Itä-Suomen yliopisto) (г. Йонсуу), в котором широко изучается карельский диалектный материал. В связи с этим следует упомянуть «Sanakirja suomi-karjala» («Финско-карельский словарь», Л. Ф. Маркианова, Р. Пюоли) и «Sanakirja karjala-suomi» («Карельско-финский словарь», Р. Пюоли) (см. таблицу). Словари содержат лексику современных финского и карельского языков, а также специальную и сленговую лексику.

Создание словарей новописьменного карельского языка стало важным этапом в развитии карельской лексикографии. Они явились инструментом для стандартизации и обогащения лексики, закрепляя норму и утверждая письменную форму языка, что в конечном итоге благоприятно

сказалось на его статусе. Эти словари и сегодня помогают беречь языковое разнообразие, сохраняя диалектные формы и термины, которые могли исчезнуть без должной фиксации. Кроме того, они фиксируют новые слова и выражения, тем самым отражая изменения в обществе и культуре, и становятся ресурсами для изучения языка, способствуя его развитию и адаптации к современным реалиям.

ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ И КОРПУСНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Для современного этапа развития гуманитарного знания в целом и лингвистики в частности характерно появление «глубинных сетевых структур процесса производства знаний и продуктов научного труда» [4: 92], а также использование цифровых технологий в качестве научного инструментария. Работа исследователей в области Цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) направлена на оцифровку различных видов информации, разработку цифровых инструментов для ее обработки. Появление такого междисциплинарного феномена повлияло и на методологический аппарат лингвистики. Возникла так называемая корпусная лингвистика, которая сегодня может предложить материал для проведения различных лингвистических исследований, в том числе для создания новых словарей. В связи с этим появилась и новая область лексикографии – компьютерная, или электронная лексикография, предполагающая создание электронных словарей.

В последние годы в исследовательскую практику сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН все активнее внедряются методы корпусной лингвистики. Создание Корпуса вепского языка, трансформированного в проект «ВепКар», позволило карельским лексикографам идти в ногу со временем. Именно с помощью методов компьютерной лексикографии возможен анализ полевого материала, накопленного на протяжении десятилетий. Система «ВепКар» является полноценным полнотекстовым национальным корпусом вепского и карельского языков и содержит значительное количество лингвистических материалов на ливвиковском наречии. Она позволяет выполнять импорт и экспорт данных в различные форматы, производить их тестирование и проверку, а также получать выборки для анализа [1: 111]. Кроме того, на базе корпуса получает развитие ресурс «Мультимедийный словарь карельского языка LiPaS» (см. таблицу). Словарь содержит лексику ливвиковского наречия в ее нормативном написании. В каждой

словарной статье приводится слово на карельском языке со всеми грамматическими формами, перевод значений и примеры их использования.

Относительную популярность приобрели постепенно пополняемые студентами Петрозаводского государственного университета карельско-русский и русско-карельский словари с сайта Glosbe.com, содержащие в том числе ливвиковские карельские материалы (см. таблицу). Диалектная принадлежность лексем не уточняется. На данном ресурсе можно найти перевод слов с карельского языка на русский, однако обратный перевод представлен не всегда. Также редко удастся найти примеры употребления конкретных лексем.

Появление подобного рода электронных лексикографических систем – закономерный процесс, который способствует развитию лингвистического знания в эпоху цифровизации. Создание электронных словарей на базе корпусных данных необходимо. Современные электронные словари расширяют объем и возможности электронных источников информации и приближают их к «депозитариям информации тезаурусного типа, что сближает их со способом хранения информации о словах в ментальном лексиконе человека» [13: 92]. При этом задача составителя такого словаря и проще, и одновременно сложнее, так как, например, образцы живой разговорной речи обычно не используются в цитациях к бумажным словарям, объектом наблюдения является лишь литературная, нормализованная письменная речь, а в корпусе они могут встречаться. Однако наличие таких особенностей в корпусе как источнике для будущего электронного словаря вполне способствует новой манере лексикографической интерпретации языковой семантики [14: 2] и введению новых продуктивных идей, не востребованных в словарях бумажного типа [15]. Анализ прежде всего отдельного лексического значения, а не морфологической лексемы кажется наиболее перспективным направлением в компьютерной лексикографии [15].

В настоящее время карельская лексикография находится на той стадии развития, когда особо актуальным и важным представляется подготовка словаря синонимов наиболее развитого на данный момент новописьменного варианта ливвиковского наречия карельского языка. Предполагается, что электронный словарь синонимов, составленный на базе словаря лемм корпуса «ВепКар», будет представлять собой незаменимый как в прикладном, так и в теоретическом аспекте тип лексикографических изданий. Он станет важным инструментом для решения

проблем корпусной лексикографии и автоматической обработки текстов. Без него невозможно автоматическое расширение поисковых запросов (поиск по смыслу), семантическая разметка корпуса и извлечение коллокаций. Таким образом, синонимический словарь послужит фундаментом для комплексологии миноритарного языка.

Потенциально словарь синонимов, в соответствии с антропоцентрической направленностью современной лексикографии, не только окажется востребован в практике преподавания карельского языка, его изучении и активном использовании (например, помогая в выборе наиболее точного слова в зависимости от контекста и развивая общую языковую компетенцию говорящих), но и будет отражать лексическую систему современного языка и станет важным источником для анализа системных отношений в лексике, а также основой для сравнительно-исторических и типологических исследований, помогая в изучении универсальных и специфических явлений в организации лексико-семантической системы карельского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа над любым словарем новописьменного или исчезающего языка – это большой труд, результатом которого должна стать фиксация и документация редких лингвистических материалов. За последние три столетия становление ливвиковской карельской лексикографической традиции прошло несколько этапов: от первых письменных заметок, содержащих лишь основной словарь, к созданию школьных словарей и дву-

язычных словарей академического типа и, наконец, к появлению современного цифрового ресурса – «ВебКар», снабженного электронным словарем. Проследив долгий путь эволюции словарей карельского языка, хочется выразить надежду на то, что и в будущем труды исследователей, направленные на составление таких (бумажных или уже, скорее, электронных), не потеряют своей актуальности. Создание словарей является важным шагом в условиях сложившейся языковой ситуации, когда многие языки малых народов сталкиваются с угрозой исчезновения. Выпуск таких изданий способствует проведению целенаправленной и научно обоснованной языковой политики. Карельский язык, имеющий богатую историю и культуру, как и любой другой язык, нуждается в систематизации и стандартизации. Это значимый этап на пути его сохранения.

Карельская лексикографическая традиция сегодня представлена большим количеством переводных словарей, однако в ней отсутствуют толковые словари. Словарь синонимов станет важным инструментом для понимания точных значений слов через сопоставление единиц синонимического ряда, демонстрируя также смысловые оттенки, сочетаемость и стилистические различия лексем. Активный словарный запас карельского языка заметно сужается с течением времени, равно как сужается и круг его носителей. Синонимический словарь выступит доказательством многообразия словарного состава языка, фиксируя и кодифицируя его лексическое богатство.

Паспортные данные словарей карельского языка
Karelian language dictionaries: identification details

Название словаря (год создания / издания) [составитель / автор]	Язык (диалект) словника / графика	Объем словника (лексем)	Ссылка на электронную версию
Карельско-русские словарные записи из списков «Азбучного патерика» библиотеки Соловецкого монастыря (1667 г.) [Архимандрит Феофан]	с.к/кир	85	https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11501/1/perspective/11501/2/view?page=1
Карельско-русский словарь «Сказание о преведении корельскаго речения на слов(н)ский» из «Цветника» Прохора Коломнятина (1668 г.) [П. Коломнятин]	с.к/кир	600	https://psv4.userapi.com/s/v1/d/TBHd_YZX6GrzNauL-BSIH8n1kUTxLloKz6WM7qyIUUOfwkGO_FTacBjdsUPnuKsxD7Ka6juwhjABuF1AzeGICpX5-v9zOXp7F-M3zKEFOG7SJ0zrGj7ig/kolomnjatin-2023.pdf
Русско-карельский словарь из собрания П. П. Вяземского (нач. XVIII в.)	с.к (срд)/кир	116	http://resources.krc.karelia.ru/library/doc/transactions-ussr/23-1961.pdf
Список русских слов с переводом на олонекский (1784–1785 гг.) [А. М. Шегрен]	ливв/кир	283	https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/12525/1/perspective/12525/2/view
Сравнительные словари всех языков и наречий. Ч. 1, 2 (1787 г., 1789 г.) [П. С. Паллас]	с.к, ливв/кир	754	https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4976/1/perspective/4976/2/view https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4977/1/perspective/4977/2/view
Карело-финский словарь из книги «Tutkimus Aunuksen kielestä» («Исследование языка олонекских карелов») (1885 г.) [A. Genetz]	ливв (тлз, влз, смз)/лат	≈ 4000	https://opastajat.net/luve/dk/index.html

Название словаря (год создания / издания) [составитель / автор]	Язык (диалект) словника / графика	Объем словника (лексем)	Ссылка на электронную версию
Грамматико-орфографический словарь карельского языка (ливвиковское наречие) (Karjalan kielen grammatiekku-orfograafine sanakniigu (livvin murreh)) (2022 г.) [Т. П. Бойко]	ливв/лат	> 23000	https://avtor.karelia.ru/elbibl/boiko/karjalan_kielen/3/index.html
Словарь лемм Открытого корпуса вепского и карельского языков «ВепКар» [сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН]	с.к, ливв, люд/лат	> 65000	http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru
Людиковский диалектный лексикон [сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН]	люд/лат	> 7000	http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/ldl
Мультимедийный словарь карельского языка LiPaS (Livvin paginan sanasto) [сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН]	ливв/лат	> 7000	http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/olodict
Словарь из пособия «Miun harpaukset karielan kieleh. Tverinkarielan algukursa» [И. П. Новак, И. Ю. Комиссарова]	с.к, фин/лат	≈ 2000	https://karielankieleh.ru/lexicon
Карельско-русский и русско-карельский словари Glosbe ¹⁵	с.к, ливв, люд, рус/лат		https://ru.glosbe.com/krl/ru
Карело-русско-финский словарь	ливв, фин, рус/лат	≈ 11000	http://sanakniigu.onego.ru

Примечание. Условные сокращения: вдл – видлицкий говор, всг – весьегонский говор, влз – ведлозерский говор, имп – говор Импилахти, кир – кириллица, кнд – кондушский говор, ктк – коткозерский говор, лат – латиница, ливв – ливвиковское наречие карельского языка, люд – людиковское наречие карельского языка, ред – редактор, рпш – рыпушкальский говор, рус – русский язык, свт – святозерский говор, с.к – собственно карельское наречие карельского языка, СКД – севернокарельские диалекты, слм – салминский говор, смз – сямозерский говор, срд – говоры Средней Карелии, тлз – тулмозерский говор, тлм – толмачевский говор, фин – финский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В карельском языке выделяют три наречия: собственно карельское (распространено в центральной и северной частях Республики Карелия, а также в Тверской и Ленинградской областях), ливвиковское (распространено в южных районах Карелии) и людиковское (распространено в юго-восточной части Республики Карелия, в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах). Полный перечень словарей на всех карельских наречиях см. в таблице.
- ² Список русских слов с переводом на олонецкий // СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 2. Д. 87: 1–3.
- ³ Работа осуществляется в рамках проекта Российского научного фонда № 25-78-20006 «Язык памятников прибалтийско-финской письменности XVII–XIX вв.: комплексный анализ на базе лингвистической платформы Лингводок» (2025–2028 гг., рук. д. ф. н. И. П. Новак).
- ⁴ Особая значимость таблицы заключается в том, что в ней представлены все известные на сегодняшний день словари карельского языка – как печатные, так и электронные. Словари перечислены в хронологическом порядке с указанием ссылки на их электронную версию (при наличии таковой). Для удобства после таблицы дан список принятых сокращений.
- ⁵ Православное Карельское братство во имя святого великомученика Георгия Победоносца (1907–1917) – церковное православное братство, осуществлявшее деятельность на территории Олонецкой и Архангельской губерний, а также Великого княжества Финляндского.
- ⁶ Русско-карельский словарь // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Д. 205.
- ⁷ Карело-финско-русский словарь // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Д. 190.
- ⁸ До 2012 года – Исследовательский центр родных языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus).
- ⁹ Подробнее об этом см.: Suomen kansan vanhat runot. Helsinki, 1907–1997.
- ¹⁰ До середины XX века говор был распространен на территории северного побережья Ладожского озера. Относится к говорам ливвиковского наречия карельского языка.
- ¹¹ В секторе хранится богатая научная коллекция – «Диалектная картотека карельского, вепского, саамского и финского языков» (> 900 тысяч единиц хранения).
- ¹² Русско-карельский словарь: Около 10 тыс. слов / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1975. С. 3.
- ¹³ Словарь карельского языка (Ливвиковский диалект): Ок. 20000 слов / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 4.
- ¹⁴ Положение о республиканской терминологической комиссии при Главе Республики Карелия // Официальный интернет-портал Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gov.karelia.ru/gabochie-organy/3659/> (дата обращения 12.12.2025).
- ¹⁵ Указать точное количество лексем в словаре не представляется возможным. Словник постоянно редактируется и пополняется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко Т. П., Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б., Крижановский А. А., Новак И. П., Пеллинен Н. А., Родионова А. П., Трубина Е. Д. Лингвистический

- корпус ВепКар – «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2021. № 7. С. 100–115.
2. Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции Императорской Петербургской академии наук в Сибирь в XVIII–XIX вв.: вклад в становление отечественного языкознания в области языков сибирских народов // Ученые записки Санкт-Петербургского академического университета. 2016. № 1 (53). С. 23–34.
 3. Волошина О. А. «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6. С. 354–361.
 4. Журавлева Е. Ю. Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой среде // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 91–98.
 5. Зайков П. М. Рец. на кн.: Словарь карельского языка: В 6 т. «Karjalan kielen sanakirja». – Helsinki, 1968–2005 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 4 (97). С. 101–103.
 6. Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования международных отношений в СССР (Тезисы докладов) / Отв. ред.: Ю. А. Савватеев, Г. М. Керт и др.; КФАН СССР. Петрозаводск: Изд-во КФАН СССР, 1989. 67 с.
 7. Кибрик А. Е. Неотделимость прикладных и теоретических задач языкознания // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11–16 ноября 1974 г.): Тез. докл. секционных заседаний. М., 1974. С. 106–107.
 8. Нагурная С. В. История языковой политики в Карелии по документам научного архива КарНЦ РАН // Социолингвистика. 2024. № 2 (918). С. 22–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-22-35
 9. Нагурная С. В. Практическая лексикография карельского языка в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН // Вопросы лексикографии. 2023. № 30. С. 64–80. DOI: 10.17223/22274200/30/4
 10. Новак И. П. Базовая лексика карельского и вепского языков в лингвогеографическом аспекте // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 1. С. 90–101. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-90-101
 11. Новак И. П. Итог тридцатилетней работы по нормированию ливвиковского наречия карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, № 3. С. 460–463. DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-3-460-463
 12. Новак И. П., Нагурная С. В. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 287–300. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300
 13. Палкова А. В. Основные понятия электронной лексикографии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 88–93.
 14. Перванов В. Я. Заметки по электронной лексикографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/1107.1753.pdf> (дата обращения 01.11.2025).
 15. Селегей В. Электронные словари и компьютерная лексикография [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tref.ru/torolo/zaceel/ghe> (дата обращения 01.11.2025).

Поступила в редакцию 17.11.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Polina V. Sinitskaya, Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
polsinicka99@mail.ru

KARELIAN LANGUAGE LEXICOGRAPHY: HISTORY AND PROSPECTS

Abstract. The purpose of this article is to identify existing gaps and promising areas for the development of Karelian lexicography, taking into account the needs of the linguistic community. To achieve this goal, the paper addresses the following tasks: reviewing the main stages in the development of the Karelian dictionary tradition from the XVIII century to the present day; describing known lexicographic publications in the Karelian language containing vocabulary in the Livvi dialect; and analyzing the changes these dictionaries have undergone over time. Currently, linguists are working hard to create new electronic dictionaries of the Karelian language. The relevance of this article stems from the importance of understanding the experience of Karelian lexicography in past years, since without a retrospective analysis of this topic, the further consistent development of the lexicographic tradition is impossible. The novelty of this article lies in its first focused and comprehensive examination of publications recording Livvi vocabulary, and its identification of the qualitative changes in approaches to its selection and description that occurred at different stages. The research, which employed philological and lexicographic methods of analysis, led to the conclusion that over the past three hundred years, the formation of the lexicographic tradition has gone through several stages: from written

notes through the creation of school and bilingual academic dictionaries, and ultimately to the emergence of a modern electronic resource – VepKar, the Open Corpus of the Veps and Karelian Languages. Today, Karelian lexicography is at a stage in its development where existing achievements and the potential of corpus research make it possible to move on to the development of electronic dictionaries, in particular, a dictionary of synonyms of the Karelian language.

Key words: Karelian language, Livvi dialect, practical lexicography, bilingual dictionaries, corpus lexicography, electronic dictionary

Acknowledgements. The paper was written as part of a state research task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Sinitskaya, P. V. Karelian language lexicography: history and prospects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):32–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1332

REFERENCES

1. Boyko, T. P., Zaitseva, N. G., Krizhanovskaya, N. B., Krizhanovsky, A. A., Novak, I. P., Pellinen, N. A., Rodionova, A. P., Trubina, E. D. The linguistic corpus VepKar is a language refuge for the Baltic-Finnish languages of Karelia. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2021;7:100–115. (In Russ.)
2. Bondar', L. D. Linguistic expeditions of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences in Siberia in the XVIII–XIX centuries: contributions to the development of domestic linguistics in the field of languages of Siberian peoples. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo akademicheskogo universiteta*. 2016;1(53):23–34. (In Russ.)
3. Voloshina, O. A. “The Comparative Dictionary of All Languages” by Peter Simon Pallas. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;6:354–361. (In Russ.)
4. Zhuravleva, E. Yu. Modern models of the development of the humanities in digital environment. *Voprosy filosofii*. 2011;5:91–98. (In Russ.)
5. Zaikov, P. M. Book review: Dictionary of the Karelian language: In 6 vols. “Karjalan kielen sanakirja”. – Helsinki, 1968–2005. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2008;4(97):101–103. (In Russ.)
6. Karelians: ethnicity, language, culture, economy. Problems and ways of development in the context of improving interethnic relations in the USSR. (Yu. A. Savvateev, G. M. Kert et al., Eds.). Petrozavodsk, 1989. 67 p. (In Russ.)
7. Kibrik, A. E. The inseparability of applied and theoretical problems of linguistics. *All-Union Scientific Conference on Theoretical Issues of Linguistics*. Moscow, 1974. P. 106–107. (In Russ.)
8. Nagurnaya, S. V. History of language policy in Karelia according to documents of the scientific archive of KarRC RAS. *Sociolinguistics*. 2024;2:22–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-22-35 (In Russ.)
9. Nagurnaya, S. V. Practical lexicography of the Karelian language at the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Russian Journal of Lexicography*. 2023;30:64–80. DOI: 10.17223/22274200/30/4 (In Russ.)
10. Novak, I. P. Basic vocabulary of the Karelian and Vepsian languages in the linguistic and geographical aspect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;1:90–101. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-90-101 (In Russ.)
11. Novak, I. P. The result of thirty years of work on the normalization of the Livvi-Karelian. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2024;18(3):460–463. DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-3-460-463 (In Russ.)
12. Novak, I. P., Nagurnaya, S. V. Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas’s dictionary. *Finno-Ugric World*. 2023;3:287–300. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300 (In Russ.)
13. Palikova, A. V. Basic definitions of electronic lexicography. *Herald of Tver State University*. Series: Philology. 2015;4:88–93. (In Russ.)
14. Pervanov, V. Ya. Notes on electronic lexicography. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1107.1753.pdf> (accessed 06.11.2025). (In Russ.)
15. Selegey, V. P. Electronic dictionaries and computer lexicography. Available at: <https://7ref.ru/torolo/zaceel/ghe> (accessed 06.11.2025). (In Russ.)

Received: 17 November 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА ВОЛОШИНА

кандидат филологических наук, доцент
Совместный университет МГУ-ППИ в г. Шэньчжень
(Шэньчжень, Китайская Народная Республика)
доцент филологического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0009-0004-1359-5987; oxanav2005@mail.ru

СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А н н о т а ц и я . Целью статьи является сопоставительный анализ словарей лингвистических терминов середины XX века, позволяющий продемонстрировать понятийно-терминологическую базу различных направлений развития науки о языке. Актуальность работы заключается в необходимости описания и сопоставительного изучения метаязыка науки о языке, а именно лингвистической терминологии. Новизна представленного исследования состоит в том, что для анализа отобраны три словаря середины XX века, созданные представителями пражской, французской и американской лингвистических школ. Они отражают различные научные концепции трех важнейших направлений развития европейской и американской лингвистики середины XX века, словари переведены на русский язык. В работе используются описательный и сопоставительный методы. Каждый словарь репрезентирует терминосистему определенной лингвистической школы, что позволяет сквозь призму лингвистической терминологии показать фрагмент научной теории различных направлений науки о языке. «Лингвистический словарь пражской школы» Й. Вахека отражает фонологическую теорию пражского кружка, главными терминами, определяемыми в словаре, являются *фонема*, *архифонема*, *фонология* и др. «Словарь французской лингвистической терминологии» Ж. Марузо представляет теоретическую базу французской науки о языке, ориентированной на понятия французской социологической школы, в рамках понятийной системы которой не различаются термины *фонема* и *звук*, *фонетика* и *фонология*. «Словарь американской лингвистической терминологии» Э. Хэмпса решает задачу описания терминологической базы дескриптивной лингвистики середины XX века, в словнике представлены такие термины, как *дескриптивный анализ*, *дистрибуция*, *аллофон*, *алломорф*, *аллосема*, *модель*, *метаязык* и др. Сопоставительное исследование словарей лингвистических терминов середины XX века позволило продемонстрировать развитие конкретных научных теорий в рамках национальных лингвистических школ, поскольку, как показал анализ словарей, метаязык науки о языке фиксирует определенный этап развития и конкретное ее направление.

К л ю ч е в ы е с л о в а : словарь лингвистических терминов, научная школа, развитие языкознания

Д л я ц и т и р о в а н и я : Волошина О. А. Словарь лингвистических терминов как лексикографический памятник истории языкознания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1333

ВВЕДЕНИЕ

Становление новой научной парадигмы сопровождается формированием понятийно-терминологической базы и лексикографическим описанием сложившейся терминосистемы. Словарь лингвистических терминов консервирует научную теорию, закрепляет новый набор понятий и служит необходимой опорой для дальнейшего развития научного знания. Термин, по словам П. Флоренского, есть «сжатая в одно

слово... формула изучаемой вещи», которая «служит остановкою мысли на некоторой вершине»¹, причем «наука начинает верить в достигнутую вершину как в окончательность»². Словарь лингвистических терминов фиксирует в лексикографическом описании эту «остановку» на пути развития научного знания.

Новый понятийно-терминологический аппарат складывается постепенно, часто значение старых терминов переосмысливается, меняется

их роль в системе понятий. Построение стройной терминосистемы может формулироваться как задача сознательной терминологической деятельности на этапе уже сложившейся научной теории. В создании статичной понятийно-терминологической системы проявляется «архаизирующая» функция термина, о которой писал О. Н. Трубочев в работе «Ремесленная терминология в славянских языках» [8: 368].

В первой половине XX века, как известно, сформировались различные направления науки о языке, предопределившие дальнейшие пути развития лингвистики. На смену старым научным теориям, в частности сравнительно-историческому языкознанию XIX века, пришла новая лингвистика, то есть произошла методологическая переориентация науки о языке, что явилось причиной ревизии старой терминологии и формирования нового понятийно-терминологического аппарата. В связи с этим насущной задачей стало создание словаря лингвистических терминов.

* * *

В нашей работе предпринимается попытка сопоставительного анализа трех словарей лингвистических терминов середины XX века, которые законсервировали определенный этап развития науки, представив «моментальный снимок» лингвистики своего времени, научной школы и даже научного идиолекта конкретного ученого³. Для сопоставления мы выбрали три словаря середины XX века, а именно «Лингвистический словарь пражской школы» Й. Вахека (рус. пер. 1964), «Словарь французской лингвистической терминологии» Ж. Марузо (рус. пер. 1960) и «Словарь американской лингвистической терминологии» Э. Хэмпса (рус. пер. 1964). Наш обзор, конечно, не претендует на полноту, материал словарей представлен в разном объеме, для анализа были выбраны ключевые термины, которые наиболее полно репрезентируют отраженную в словаре научную традицию (таким является, например, термин *фонема*).

Выборка словарей отражает идею представления концепции научной школы в формате «синхронного» среза в истории науки о языке. Сопоставительный анализ выбранных словарей демонстрирует отражение в системе терминов научной теории определенного времени и конкретной научной школы.

Как известно, для успешного выполнения функции обозначения специального понятия термин должен быть однозначным, однако эта однозначность закреплена за определенным научным контекстом, за функционированием

в рамках понятийной системы конкретной научной школы или направления. Попадая в разные научные теории, в разные «системы координат», один и тот же термин может приобретать различные значения, например, как мы увидим далее, термин *фонема* в рассматриваемых нами словарях. В статье «К вопросу о специфике терминов» Н. З. Котелова пишет: «Для полисемии терминов характерно расслоение значений в зависимости от употребления слова в разных отраслях знаний», ср. «*модальность* в логике и языкознании» [2: 26]. Обусловленные функционированием в разных понятийных системах, все более развивающиеся и отдаляющиеся друг от друга различные значения термина способствуют формированию «терминологических омонимов», о которых писал А. А. Реформатский, обсуждая варианты значения термина *речь* в контексте лингвистики, психологии, медицины, нейрофизиологии, риторики и других дисциплин. Анализ значения термина в контексте различных наук показал, что «разные “координатные сетки” соотносимых понятий и позволяют говорить об идиоматичности терминологического поля для каждой терминологии» [5: 51]. Речь в лингвистике и медицине, судебной экспертизе и риторике «следует считать терминологическими омонимами, не подлежащими унификации в межнаучном плане» [5: 52]. При таком подходе каждый словарь лингвистических терминов представляет систему понятий конкретного научного направления, законсервировав ее, оказывается своеобразным памятником истории языкознания.

Сопоставим фрагменты понятийно-терминологических систем выбранных нами словарей, к анализу привлечем некоторые ключевые термины, маркирующие принадлежность к определенной лингвистической школе.

Первый из рассматриваемых словарей — «Лингвистический словарь пражской школы» Й. Вахека⁴ содержит термины, отражающие концепцию пражской фонологической школы. Стоит отметить, что свойство терминов группироваться в терминосистемы для отражения цельной системы научных понятий определенной области знаний или научной школы может быть представлено в научных текстах разного типа, не только в словарях, но и в описательных трактатах. Эти два формата обусловлены друг другом: описание научного объекта использует термины, зафиксированные в терминологических словарях, а словарь терминов, в свою очередь, строится на выборке и структурировании терминов определенной научной школы, основные положе-

ния которой сформулированы в текстах. Чтобы понять авторский научный текст, исследователь должен выявить ключевые термины (смысловые вехи текста), отражающие базовые понятия авторской теории, выстроить стоящую за этими терминами понятийную систему и объяснить авторскую терминологию, составив словарь терминологии. Словник словаря Й. Вахека состоит из терминов пражской школы, выбранных из теоретических работ ученых-фонологов пражского лингвистического кружка. Лингвистический словарь Й. Вахека является «энциклопедией идей Пражской школы и систематическим путеводителем по трудам ее приверженцев» [б: 7–8], в нем собраны не только термины, но и дефиниции, формулировки, а иногда обсуждение специальных понятий представителями этого направления. «Этот словарь не преследует цель упорядочения лингвистической терминологии и тем самым чужд идее нормативности. В нем термины не отобраны, а собраны» [б: 7]. Иногда в словаре словарная статья имеет вид вопроса: *Лексика – это система?* (Вахек: 111) или *Фонетика и фонология – это две науки или одна?* (Вахек: 244–245).

Поскольку в трудах Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона – активных представителей пражской школы – наибольшее развитие получила фонология, огромное внимание словарь уделяет определению фонемы, ее свойствам и функциям. Достаточно перечислить словарные статьи, сгруппированные вокруг термина *фонема*:

«Фонема, Фонема – ее абстрактный характер, Фонема – фактор времени в ее определении, Фонема и психология, Фонема и семантическая функция, Фонема как значимость, Фонема как различительный признак, Фонема как совокупность различительных признаков, Фонема нулевая» (Вахек: 230–234).

Словарная статья *Фонема* включает несколько определений, среди которых:

«фонема – это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию»; «член сложной фонологической оппозиции»; «простейшие смыслообразительные акустико-двигательные образы в данном языке (фонемы)» (Вахек: 230–231) и т. п.

Й. Вахек не пытается сформулировать определение, которое соответствовало бы пониманию фонемы в концепции ученых пражской школы, он просто перечисляет все авторитетные контексты, в которых была определена фонема (со ссылкой на источники, данные в словаре). Можно сказать, что этот терминологический словарь составлен по текстам, репрезентирующим теорию представителей пражской школы. В сло-

варе Й. Вахек предложил определения устаревших, вышедших из употребления терминов, при этом пометив их специальным значком †. Например, «† под “архифонемой” мы понимаем совокупность различительных признаков, общих для двух фонем... (термин вышел из употребления после 1939 г.)» (Вахек: 37). На страницах словаря предлагается обсуждение того или иного термина, высказывается мнение о большем или меньшем удобстве термина, о разнице между называемыми терминами понятиями. Например, пражские структуралисты не могли принять бодуэновский термин *психофонетика* как синоним термина *фонология*:

«При всех обстоятельствах следует отклонить предложенный Бодуэном де Куртенэ термин “психофонетика”, ибо психическими процессами в большей мере занимается фонетика (которую Бодуэн де Куртенэ предлагает называть “физиофонетикой”), чем фонология, предметом которой являются надындивидуальные, социальные значимости» (Вахек: 174).

Как уже было сказано, терминологический словарь, отражающий определенную научную школу, делает акцент на наиболее разработанных этой школой положениях, игнорируя другие. Так, сравнительно-историческое языкознание совсем не нашло отражение в словаре, потому что пражцы компаративистикой не занимались, а важный для компаративистов термин *праязык* определяется в словаре с точки зрения социолингвистического подхода:

«праязык обладает единством – в той мере, в какой диалекты способны переживать общие изменения... О “праязыке” можно условно говорить там, где конвергенция преобладает над дивергенцией» (Вахек: 164).

А вот как выглядит определение основной единицы языка:

«Слово – это минимальная единица значения, реализуемая определенной последовательностью фонем и способная перемещаться в пределах предложения» (Вахек: 201).

Терминологические словари, отражающие систему понятий определенной научной школы или направления, конечно, не претендуют на универсальность, однако представленная в них концепция целостная и непротиворечивая, они не эклектичны, так как не претендуют на охват противоречащих друг другу понятий различных школ. Московская и петербургская (ленинградская) фонологические школы по-разному понимают фонему, терминологические системы этих школ репрезентируют разные фонологические теории.

Рассмотрим, как репрезентировал научную теорию своего времени «Словарь французской лингвистической терминологии» Ж. Марузо⁵.

Словарь отражает лингвистическую теорию французской социологической школы середины XX века, что демонстрирует выбор и толкование наиболее значимых для французской науки о языке терминов. Интересно заметить, что термин *лингвистика* в словаре не определяется, а из словосочетаний с прилагательным *лингвистический* представлен лишь термин *лингвистическая география*, называющий отдельное направление французской науки о языке начала XX века (Марузо: 147). В центре внимания французских лингвистов находится учение о значении, не удивительно, что со ссылкой на М. Бреалья Ж. Марузо приводит отдельные статьи для *семантики* – науки о значениях (Марузо: 261), для *семантемы* и *семы* как элементов значения (Марузо: 261).

Поскольку сравнительно-историческое языкознание не получило широкого распространения во французской лингвистике, термин *звуковое (фонетическое) изменение* трактуется широко и используется

«для обозначения любого изменения, которому подвергается звук в процессе развития языка; в более определенном смысле – реализация тенденций, наметившихся в языке в предшествующий период его жизни» (Марузо: 108–109).

В словарной статье звуковые изменения классифицируются на *мутации* и *постепенные изменения*, возникающие в результате эволюции; на *спонтанные* и *обусловленные (комбинаторные) изменения* и т. п., термин *звуковой закон* не представлен вовсе. Интересно отметить полное безразличие Ж. Марузо к противопоставлению звука и фонемы. Термин *звук*, согласно Ж. Марузо,

«используется для обозначения всякого элемента звукового языка», «однако за этим понятием часто сохраняют наименование *фонемы*», а собственно *звуком* называют «фонему, содержащую звучание музыкального характера: гласный или дифтонг, сонант, носовой или плавный согласный» (Марузо: 108).

В системе терминов словаря такому звуку противопоставляется *шумный звук*.

Фонема определяется как

«элемент, выделяемый в результате анализа членораздельной речи и определяемый, с одной стороны, расположением речевых органов и движением, сопровождающим или обуславливающим течение выдыхаемого воздуха, с другой – слуховым впечатлением, которое он вызывает» (Марузо: 327).

В словаре есть термины *фонетика* и *фонология*, но определяются они совсем не так, как принято в пражской фонологической школе. Фонетика –

«изучение звуков и фонем, составляющих членораздельный язык и рассматриваемых или самостоятельно, или в их отношении к различным лингвистическим явлениям... Слово “фонетический” служит для обозначения того, что имеет отношение к звукам языка» (Марузо: 328).

Редактор отмечает, что «в этой статье соединены два понятия, различающиеся терминами *звук* и *фонема*» (Марузо: 328). В статье *Фонология* сообщается, что

«этот термин, употребляемый иногда в качестве синонима фонетики, часто применяется различным образом (в зависимости от страны и автора) для обозначения разных отраслей науки о звуках языка» (Марузо: 329).

Таким образом, смешение двух важнейших для фонологии терминов *звук* и *фонема* подчеркивает безразличие лингвистов французской школы к сформировавшемуся в начале XX века новому направлению структурной лингвистики – фонологии.

В большом количестве терминов, заимствованных из древнеиндийских грамматик, проявился интерес французских ученых к индийскому языкознанию. В словаре определяются термины *висарга* (Марузо: 54), *врddхи* (Марузо: 62), *сам-прасарана*, *сандхи*, *сварабхакти*, *сварита* (Марузо: 259–260) и др., причем Ж. Марузо вовсе не пытается использовать эти термины в рамках французского языкознания, он просто отмечает термины, «заимствованные у индийских грамматиков». Интерес французских лингвистов к древнеиндийской грамматической терминологии объясняется популярностью многочисленных работ знаменитого французского индолога Луи Рену по ведийскому языку, санскриту, индийской лингвистической традиции.

В «Словаре американской лингвистической терминологии» Э. Хэмп⁶ отражена терминологическая система, сформировавшаяся в трудах представителей американской лингвистики. В словаре Э. Хэмп базовыми терминами, формирующими особый метод исследования языка, являются термины *дескриптивная лингвистика*, *дескриптивная грамматика*, *дескриптивный анализ* (Хэмп: 62), *дистрибуция* (Хэмп: 66), *аллофон*, *алломорф*, *аллосема* (Хэмп: 34–35)³, *модель*, *моделирование* (Хэмп: 113), *модификации* (Хэмп: 114), *порождающая грамматика* (Хэмп: 157) и др. Как и в словаре пражской школы, Э. Хэмп ссылается на авторитетные тексты. Так, он предлагает дефиницию основной единицы языка – *слова* со ссылкой на Блумфилда: «...минимальная свободная форма является словом» (Хэмп: 195). Термин *фонема* определяется также

по контекстам американских лингвистов, например Л. Блумфилда, Ч. Хоккета и др. Процитировав многочисленные примеры функционирования термина в авторитетных научных текстах, Э. Хэмп приводит следующее предварительное определение: фонемы –

«контрастирующие единицы модели... такие классы элементов, называемые аллофонами, которые находятся в дополнительной дистрибуции, фонетически сходны и встречаются в согласующихся (друг с другом) моделях» (Хэмп: 237).

Таким образом, в дефинициях приведены перекрестные ссылки между словарными статьями, в частности, определение термина *фонема* отсылает к понятиям, называемым терминами *аллофон* и *дистрибуция*. Э. Хэмп определяет термины *метаязык* и *металингвистика*. Приведем пример его комментария к термину *метаязык*:

«...изобретены новые термины, цель которых сделать исследовательскую технику наглядной с тем, чтобы мы могли не только говорить о языке, но также говорить и о том, как мы говорим на языке» (Хэмп: 110).

Интересно также определение термина *металингвистика*:

«в настоящей статье я нахожу удобным называть *металингвистикой* тот вид исследований, который вызвал появление таких новых терминов, как *фон*, *морф*, *замещение*, *состав*, *фокусный класс* и *тактика*. Эти слова являются частью нового метаязыка, изобретенного американскими лингвистами, который может поставить в тупик исследователей языка, знакомых только с терминологией традиционных грамматических школ» (Хэмп: 110).

В этой же статье Э. Хэмп приводит еще два контекста употребления этого слова:

«Обсуждение техники лингвистического исследования является не лингвистикой... а *металингвистикой*» или «Полное установление всех поточечных и структурных соответствий между языком и любой другой культурной системой будет содержать все “значения” языковых форм и будет образовывать *металингвистику* этой культуры» (Хэмп: 109).

Таким образом, в словаре Э. Хэмпа отражается уровень развития американской лингвистики середины XX века, отчетливо проявляются интересы американских ученых – стремление к синхронному описанию живых языков на основе дистрибутивного анализа, попытки разработки формализованного языка описания, который позволит осуществлять автоматическую обработку текстов. Не случайно Э. Хэмп ввел в свой лингвистический словарь термин *математика* и поставил задачу: «Мы должны сделать нашу

“лингвистику” особым видом математики...» (Хэмп: 108).

Как показал приведенный анализ, определение *фонемы* в терминологических словарях XX века убедительно демонстрирует принадлежность автора к определенной лингвистической школе. Можно сослаться на Н. Б. Гвишиани, которая продемонстрировала различные определения фонемы, сформулированные в рамках национальных лингвистических традиций и научных направлений, например, фонема – «пучок дифференциальных признаков» (пражская фонологическая школа); «семья звуков» (английская фонетическая традиция); «точка пересечения сети функции» (глоссематика) и т. п.⁷

Таким образом, один и тот же термин в теоретических построениях различных научных школ получает разное толкование, обозначает по-разному понимаемый объект. Как писал Ф. де Соссюр, «в лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения, напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый объект» [7: 46]. В этой связи уместно вспомнить высказывание А. А. Реформатского о «терминологическом ключе», который, аналогично скрипичному или басовому ключам в нотной графике, в контексте терминосистемы задает однозначное прочтение термина [5: 46].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термин фиксирует научное понятие, сформулированное в рамках конкретной теории определенной лингвистической традиции. Дефиниция термина строится на характерных признаках обозначаемого понятия, по-разному определяемых в зависимости от научного подхода, метода исследования и теоретической платформы. В этом смысле терминосистема оказывается отражением научной теории. И. А. Мельчук утверждает:

«...разработка научной терминологии... предполагает прежде всего разработку СТРОГОЙ (последовательной + формальной) СИСТЕМЫ ПОНЯТИЙ. Однако такая понятийная система для предметной области X равносильна для нас ТЕОРИИ области X» [3: 17].

В системе разных теорий один и тот же термин может получать разные значения, то есть соответствовать разным понятиям. Если автор словаря стремится отразить разное понимание термина в контексте разных научных теорий, дефиниция термина оказывается перегруженной, теряет стройность и необходимую для правильного понимания термина однозначность. Этим проблемы избегают словари одного научного направления или научной школы, однако у этих

словарей есть другой недостаток – неуниверсальный характер, ведь такие словари отражают терминологическую систему определенного направления, иногда одной научной теории.

Сложная, иерархически выстроенная система терминов, отражающая научную теорию, наиболее успешно может быть представлена в формате словаря тезауруса [1]. Тезаурус репрезентирует модель структуры соответствующей науки, так как

«тезаурус – способ описания и представления не только терминологии, но и семантического синтаксиса языка науки... тезаурусная форма является средством связи между логико-философским и лингвистическим описаниями научного языка» [4: 5].

Создание словаря лингвистической терминологии в идеале решает задачу унификации понятийно-терминологического аппарата на опре-

деленном уровне развития научного знания. Научная терминология время от времени подвергается ревизии специалистов, пытающихся выстроить стройную систему терминов, соответствующую современной науке. Особенно актуальна задача составления новых терминологических словарей во время смены научной парадигмы, становления нового направления в науке. Новая терминосистема либо отвергает старые термины, как не соответствующие новым научным понятиям, либо организует и структурирует старые термины, пытаясь найти место каждому понятию в жесткой понятийной системе. В результате такой перестройки создается новый понятийно-терминологический аппарат, фиксирующий этап развития науки как своеобразный «лексикографический памятник» эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Флоренский П. А. Термин // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 128.

² Там же. С. 125.

³ Чрезвычайно интересной задачей, на наш взгляд, является лексикографическое описание языковой личности выдающихся ученых: И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, Е. Д. Поливанова, Н. Я. Марра и др., поскольку анализ лексики и стилистики их произведений позволит говорить об их личном вкладе в развитие языка современной им науки, о влиянии на язык ученого понятийных областей различных направлений культуры, политики и т. п. Литературоведы исследуют язык писателей и поэтов, анализируют ключевые слова, композиционные особенности и т. п. художественных произведений, но, вероятно, не менее интересным окажется лингвистический и стилистический анализ конкретных научных текстов отечественных и зарубежных ученых.

⁴ Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы. М.: Прогресс, 1964. 350 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием фамилии и через двоеточие страницы в круглых скобках.

⁵ Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 439 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием фамилии и через двоеточие страницы в круглых скобках.

⁶ Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М.: Прогресс, 1964. 263 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием фамилии и через двоеточие страницы в круглых скобках.

⁷ Гвишиани Н. Б. Метаязык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 297–298.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошина О. А. Энциклопедический лингвистический словарь и словарь-тезаурус лингвистических терминов: сопоставительный анализ (к 105-летию со дня рождения М. В. Панова) // Русский язык в школе и дома. 2025. № 2. С. 15–19.
2. Котелова Н. З. К вопросу о специфике термина // Котелова Н. З. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 25–29.
3. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. М.: Языки рус. культуры; Вена: Прогресс, 1997. 416 с.
4. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 146 с.
5. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. 25–29 мая 1959 г. / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 46–54.
6. Реформатский А. А. Предисловие // Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы. М.: Прогресс, 1964. С. 5–12.
7. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 35–270.
8. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции. М.: Наука, 1966. 416 с.

Поступила в редакцию 22.09.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Oksana A. Voloshina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, China), Postdoctoral Researcher, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0009-0004-1359-5987; oxanav2005@mail.ru

DICTIONARIES OF LINGUISTIC TERMS AS LEXICOGRAPHIC MONUMENTS OF THE HISTORY OF LINGUISTICS

Abstract. The article aims to presents a comparative analysis of linguistic dictionaries from the mid-twentieth century, demonstrating the conceptual and terminological foundations of various directions in the development of language science. The study relevance stems from the need for a description and comparative examination of the metalanguage of linguistics – that is, linguistic terminology itself. Its novelty lies in the selection of three dictionaries from the mid-twentieth century, compiled by representatives of the Prague, French, and American linguistic schools and translated into Russian. These works reflect the scientific concepts underlying the three most influential dimensions of European and American linguistics in the middle of the XX century. The study employs descriptive and comparative methods. Each dictionary represents the terminological system of a particular linguistic school, making it possible to examine a fragment of scientific theory across different branches of language science through the prism of linguistic terminology. *Dictionary of the Prague School of Linguistics* by Josef Vachek reflects the phonological theory of the Prague school; its central terms include *phoneme*, *archiphoneme*, *phonology*, etc. *Dictionary of French Linguistic Terminology* by Jean Marouzeau presents the theoretical foundations of French linguistics, which does not distinguish between the terms *phoneme* and *sound* or between *phonetics* and *phonology*, in keeping with the concepts of the French sociological school. *A Glossary of American Technical Linguistic Usage* by Eric Hamp focuses on describing the terminological framework of descriptive linguistics in the mid-twentieth century, including terms such as *descriptive analysis*, *distribution*, *allophone*, *allomorph*, *alloseme*, *model*, *metalanguage*, etc. The comparison of these dictionaries demonstrates the development of specific scientific theories within national linguistic schools. As the analysis shows, the metalanguage of linguistics reflects both a particular stage in the development of language science and its specific orientation.

Key words: dictionary of linguistic terms, scientific school, development of linguistics

For citation: Voloshina, O. A. Dictionaries of linguistic terms as lexicographic monuments of the history of linguistics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1333

REFERENCES

1. Voloshina, O. A. Encyclopedic linguistic dictionary and thesaurus of linguistic terms: a comparative analysis (on the 105th anniversary of the birth of M. V. Panov). *Russian Language at School and at Home*. 2025;2:15–19. (In Russ.)
2. Kotelova, N. Z. Revisiting the specifics of terminology. *Kotelova, N. Z. Selected works*. St. Petersburg, 2015. P. 25–29. (In Russ.)
3. Mel'chuk, I. A. A course in general morphology. Vol. I. Moscow; Vienna, 1997. 416 p. (In Russ.)
4. Nikitina, S. E. A semantic analysis of language of science. A study of linguistic material. Moscow, 2014. 146 p. (In Russ.)
5. Reformatsky, A. A. What is term and terminology? *Issues of terminology: Proceedings of the All-Union Conference on Terminology*. (Yu. D. Desheriev, Ed.). Moscow, 1961. P. 46–54. (In Russ.)
6. Reformatsky, A. A. Preface. *Vachek, J. Dictionary of the Prague School of Linguistics*. Moscow, 1964. P. 5–12. (In Russ.)
7. Saussure, F. A course in general linguistics. *Saussure, F. Works on linguistics*. Moscow, 1977. P. 35–270. (In Russ.)
8. Trubachev, O. N. Craft terminology in Slavic languages: Etymology and experience of group reconstruction. Moscow, 1966. 416 p. (In Russ.)

Received: 22 September 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА ЛУКЬЯНОВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института лесного бизнеса и инноватики

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

lykianovaludmila@mail.ru

«ОПЫТ ЛЕСОВОДСТВЕННОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» П. Н. ВЕРЕХИ В СТАНОВЛЕНИИ НАУЧНОГО ЯЗЫКА РУССКОГО ЛЕСОВОДСТВА

А н н о т а ц и я . Русская лесоводственная терминология является малоисследованной и актуальной областью научного познания. До настоящего времени «Опыт лесоводственного терминологического словаря» П. Н. Верехи, первый в России крупный лесоводственный терминологический словарь рубежа XIX–XX веков, не был предметом специального описания и изучения. Словарь П. Н. Верехи опирается на обширную базу научных данных своего времени и отражает процесс становления специального языка русского лесоводства. В статье рассматриваются предпосылки создания словаря, его состав, основные принципы построения, типология словарных статей, характер и способы презентации материала. Результаты сравнительно-исторического и лексикографического анализа свидетельствуют о попытке П. Н. Верехи создать терминологический словарь энциклопедического типа и унифицировать специальную лесоводственную лексику на основе ресурсов русского народного языка. Спецификой исследуемого лексикографического труда являются интертекстуальность, интерес составителя к лингвистической (этимологической) и лингвокультурологической проблематике, полемический стиль изложения. Материалы словаря в перспективе более детального изучения могут помочь реконструировать лакуны в истории научного языка русского лесоводства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история русской лексикографии, металексикография, русская лесоводственная терминология XIX века, русская лесная терминология, терминологический словарь, специальная лексика, П. Н. Вереха

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лукьянова Л. В. «Опыт лесоводственного терминологического словаря» П. Н. Верехи в становлении научного языка русского лесоводства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 50–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1334

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно принято считать, что первая треть XVIII века – время общего интенсивного формирования языка русской науки, ее научной терминологии и стиля [7: 7], [13: 218]. Основные принципы географической и астрономической терминологии, как свидетельствуют недавно введенные в научный оборот данные о переводческой деятельности книжников под руководством Епифания Славинецкого, закладывались, вероятно, еще в более ранний период, в середине XVII века [9]. Однако в отечественной лесной сфере и в конце XIX века ощущались потребность в систематизации научного знания, отсутствие единой русской терминологии и достоверной фиксации специальной лексики в справочных изданиях. Эти проблемы достаточно четко были обозначены на заседании

Санкт-Петербургского Лесного общества в конце 1879 года в выступлении профессора Лесного института Александра Фелициановича Рудзкого, инициировавшего масштабную задачу по созданию русской лесоводственной терминологии:

«...чуть не каждый автор держится своеобразной терминологии. Все это в сильной степени затрудняет изучение лесоводственных сочинений. Не было ли бы поэтому полезно позаботиться об установлении однообразной терминологии. Без сомнения, что недостаток многих терминов мог бы пополниться многими народными, местными или общими выражениями, теперь многим вовсе неизвестными...»¹.

Давно назревшая проблема получила, как представляется, незадолго до описываемых событий еще и дополнительное обоснование актуальности: по поручению Совета Лесного института А. Ф. Рудзкий с профессором Петром

Николаевичем Верехой составляли каталог первого издания «Литературы русского лесоводства»². Предложение по созданию свода русской лесоводственной терминологии явилось в том числе и следствием полученного опыта работы над каталогом, а затем – побудительным мотивом к составлению лексикографического труда. Результатом двадцатилетней работы стал подготовленный П. Н. Верехой и вышедший в 1898 году первый в России «Опыт лесоводственного терминологического словаря»³, о котором составитель во Введении писал:

«Настоящим трудом, я полагаю, решается отчасти задача, поставленная почтенным членом лесного общества в собрании 8 декабря 1879 года. Составленный мною словарь, думаю, может послужить некоторым пособием для установления однообразной и чисто русской лесоводственной терминологии» (V).

МАКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ СТРУКТУРНЫЙ ПРИНЦИП

«Опыт лесоводственного терминологического словаря» до настоящего времени не был предметом специального описания и изучения и, к сожалению, до сих пор, несмотря на оригинальный и достойный внимания метаязык словаря, не оценен должным образом.

Как известно, в словарях содержатся элементы, объясняющие концепцию, принципы отбора, расположение и презентацию языковых единиц, расширяющие и углубляющие информацию словника [3]. В этой функции обычно выступают разного рода предваряющие и заключающие тексты: посвящение, предисловие, список сокращений и условных обозначений, список используемых источников, приложение и т. п.

Состав рассматриваемого труда достаточно скромный и включает три основных компонента: Введение, корпус словаря и перечень замеченных опечаток. Таким образом, единственным предваряющим текстом (исключая титульный лист) является краткое Введение, специфически объясняющее логику и принципы построения словаря. Объемная цитата, отсылающая к уже упомянутому ранее собранию Лесного общества 1879 года и предложению А. Ф. Рудзкого, в самом начале Введения (в сильной позиции текста) является своеобразным камертоном восприятия: открытая интертекстуальность не только проясняет контекст, но и вызывает дополнительные смысловые ассоциации, способствующие обогащению, динамизму и диалогичности текста. Более того, при немногочисленных сведениях

об общих принципах построения словаря и по существу в отсутствии конкретных указаний по его использованию, реминисценции предшествующих текстов, оказавших влияние на концепцию труда П. Н. Верехи, заслуживают отдельного внимания. Не вызывает сомнений, на наш взгляд, аллюзия на первый в России «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного»⁴, составленный в 1843–1844 годах Владимиром Петровичем Бурнашевым⁵. При всей неоднозначности и критичности оценок современниками работы Бурнашева ему

«...принадлежит заслуга составления первого сводного терминологического словаря русского “народного языка”, где наряду с возможными компиляциями (в частности из первого академического словаря русского языка) представлены и сведения, явно выявленные автором (с указанием имен и публикаций, из которых взяты термины)» [6: 275].

В этой связи нельзя не подчеркнуть особенно выделенную и П. Н. Верехой цель к установлению не только однообразной, но и «чисто русской лесоводственной терминологии», источник которой во многом «в языке русского народа», а также многочисленные указания имен и публикаций в тексте словарных статей, что говорит об учете «Опыта терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» составителем «Опыта лесоводственного терминологического словаря».

Заслуживает внимания и специальная оговорка П. Н. Верехи об отборе для словника материала, касающегося водного транспорта:

«Принято, как бы за обычай относить к лесоводству разного рода речные и морские суда⁶. Названия их я не поместил в свое издание и не поместил потому, что не могу уяснить такой связи между лесоводством и судостроением, чтобы считать последнее одною из частей первого» (IV).

Вопрос о целесообразности данной лексики имплицитно отсылает читателя и к выпущенному в 1883 году (вызвавшему не только живой интерес, но и острую полемику до начала 1890-х годов [8]) первому «Русскому толковому лесотоварному словарю» Дмитрия Никифоровича Кайгородова. Профессор Лесного института Д. Н. Кайгородов счел возможным включить в свой словарь лексику, связанную с речным судостроением, как имеющую «несомненно известное лесоторговое значение»⁷, в то время как Вереха ограничил словник некоторыми названиями «лишь таких речных судов, которые служат исключительно для транспорта лесных материа-

лов» (IV). Во Введении дан комментарий по отбору и другой лексики, основанному на принципе «отсечения ненужного», с точки зрения составителя:

«Я не включил в этот словарь терминов из наук основных и вспомогательных для лесоводственного учения, так как такие термины общие для всякого рода знания и не могут считаться исключительно лесоводственными. Равным образом мною не помещены различные местные названия древесных пород, потому что этой цели вполне достиг «Ботанический словарь»⁷⁸ г. Анненкова» (IV–V).

Таким образом, можно рассматривать интертекстуальность Введения как проявление ключевого структурного принципа, отражающего его диалогическую природу, дискуссионность и даже полемичность в отношении к предшествующей традиции. Вместе с тем интертекстуальность Введения оказывается также скрепой между прошлыми и будущими текстами (событиями). Предвосхищением этого будущего движет предположение составителя в финале Введения о том, что словарь

«может послужить некоторым пособием для установления однообразной и чисто русской лесоводственной терминологии. В нем то компетентное учреждение, которое примет на себя труд устранить уясненный в собрании лесного общества недостаток, найдет в словаре немало образных чисто русских выражений, для замены ими переводных, часто неуклюжих терминов» (V).

Думается, что подобный преемственный подход к деятельности являлся чрезвычайно органичным для «книгоописателя» Верехи, как впоследствии его назовут потомки [1]. В историю лесоводственной науки Петр Николаевич Вереха вошел как ученый энциклопедического научного кругозора, первый библиограф российской лесоводственной литературы, составитель библиографических указателей журнальных статей по лесному делу и справочных изданий лесных книг XX века⁹.

«Опыт лесоводственного терминологического словаря», на наш взгляд, рассматривался составителем П. Н. Верехой в качестве попытки установления отечественной лесоводственной терминологии (неслучайно, думается, и слово «опыт» графически выделено на титульном листе).

Приведенные доводы в определенном смысле проясняют специфику предваряющего текста словаря, в котором не описаны специально / однозначно актуальные элементы макро- и микроструктуры словаря: состав основных частей словаря, адресат, объем словника, список сокращений и условных обозначений, список ос-

новных источников, структура (тип) словарной статьи. Этому, вероятно, благоприятствовало и то, что в XIX веке жесткая (закрытая) структура построения словаря еще не сложилась окончательно и не оказывала решающего влияния на создание словаря П. Н. Верехи, чего нельзя сказать о сложившейся языковой и научной индивидуальности составителя, в полной мере, как кажется, проявившейся в его труде.

Известный советский библиограф, составитель классического научного труда «Терминологические словари» И. М. Кауфман в свое время назвал словарь Верехи «большим», «своеобразной энциклопедией, в которой отражены все стороны русского лесоводственного хозяйства, насколько это вообще возможно в словаре терминологического типа» [5: 10]. И действительно, по нашим подсчетам, совокупно словарь и вышедшее в 1915 году дополнение к изданию 1898 года¹⁰ содержат почти 6,5 тысячи единиц различных тематических групп: лесные ресурсы, лесоматериалы, лесоводственные мероприятия и орудия труда, приборы / механизмы, применяемые при их проведении, а также другая лексика, обозначающая важные объекты и понятия, связанные с теорией и практикой лесного дела.

МИКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ. СПЕЦИФИКА НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Рассмотрим построение словарной статьи и презентацию различного рода информации о специальной лексике словаря [12: 8]. Порядок расположения слов в словаре является алфавитным:

«...термины, состоящие из двух и более слов, помещены по алфавиту имени существительного именит. падежа; при отсутствии в термине такового, он помещен по алфавиту глагола неопределенного наклонения» (V).

Заголовочное слово (словосочетание) приводится в левой части словарной статьи полужирным шрифтом и отделяется от правой части точкой, ударение за редким исключением (хв`оя, прор`остень, гал`ы) отсутствует:

«**Бахилы.** Плетеная из бересты обувь, род лаптей» (16);

«**Береста.** Верхний слой березовой коры, до зеленого внутреннего слоя ея» (19).

В словнике фиксируются обнаруженные составителем орфографические / орфоэпические варианты (обычно от двух до четырех):

«**Веко.** Вёко. Лукошко, коробка из луба» (51); «**Вяхель.** Вяхер. Вяхир. Вятель» (81); «**Ванче(о)с.** Ванчук. Ванчус. Ваншос. Дубовый брус, составляющий пред-

мет нашей отпускной лесной торговли и вывозимый в Англию...» (49).

Редкие слова и словосочетания, преимущественно безэквивалентная лексика, даны в латинской графике (*Plantator buxi, Fob, Fundus instructus, Turiones Pini*).

Степень подробности семантической характеристики специальной лексики разнообразна: от актуализации парадигматических отношений (синонимии): «**Замятина**. Перекладина. Бревно» (54); «**Щепань**. Лучина. Дрань» (581), до описания с разной степенью подробности толкования / дефиниции, формы которых так же разнообразны, как разнообразны и значения объясняемых элементов:

«**Завод**. Запань. Перемычка поперек сплавной речки, для задержания сплавляемых лесных материалов – дров и бревен (см. запань)» (150); «**Макароны**. Так называли, в насмешку, лесничие обсеменительные полосы, рекомендованные лесным департаментом, взамен семенных деревьев. – Попытка помочь такими полосами успеху лесовозобновления оказалась неудачною. (Лесн. Журн. 1888. т. 4)» (278).

На основании анализа корпуса словаря можно констатировать, что в «Опыте лесоводственного терминологического словаря» П. Н. Верехи представлены словарные статьи трех основных типов, известных в русской лексикографической практике с начала XIX века [11: 450]: основные, служебные (или отсылочные) и комбинированные. Некоторые статьи, описывающие преимущественно орудия, приборы и механизмы (например, «лопата Степанова» (229), «гипсометр» (84), «древовал швейцарский» (130) и проч.), используемые в лесохозяйственной практике, дополнены ксилографическими иллюстрациями (в основной части словаря – 211, в дополнении – 20 рисунков), что позволяет говорить еще и о включении в словарь статей политематического характера [10: 128].

Полисемия терминов как характерная черта языка русской науки вплоть до конца XIX века [4: 150], в том числе и в лесохозяйственной сфере, последовательно фиксируется в словаре: разные значения внутри одной словарной статьи разделены арабской нумерацией со скобкой, причем в дополнении к изданию 1898 года нумерация продолжается:

«**Подлесок**. 1) Древесная порода, вводимая в насаждение, в дополнение к главной породе, для защиты почвы и для удобрения ее листвою. Для этой цели употребляются различные породы, в зависимости от главной. В дубовых насаждениях Фирнгеймского лесничества употребляется бук, вводимый в насаждения уже

на 35 году жизни дуба. 2) Низкоствольная часть в среднем хозяйстве. 3) Кустарные породы в насаждениях высокоствольных. 4) Мелкий лес на краю крупного» (383);

«**Семерик**. 1) Куль, вмещающий 7 пудов муки; по некоторым указаниям – куль, имеющий в ширину 7 четвертей аршина. 2) Сундук, в который входит, один в другой, шесть сундуков, прогрессивно уменьшающихся размеров. 3) Бревно в 48 фут. длиною (Запад. губ.). 4) Лапоть, плетеный в 7 лык» (463); «**Семерик**. 5) Тес семерик. 6) Доска семерик»¹¹.

Последовательно выдерживается и характер территориальных помет, указанных в круглых скобках после соответствующего значения. Порядок очередности значений является преимущественно логико-семантическим: от общего к частному, диалектному, от прямого к переносному:

«**Икрянка**. 1) Сорт вологодской смолы (Петерб.). 2) Четырехрубевка (смола). (Арх.)» (165); «**Просадка**. **Просадь(ь)**. 1) Натуральная аллея в лесу. 2) Ряд деревьев, посаженных по прямой линии. 3) Просека (Арх.)» (421).

Спецификой некоторых словарных статей можно считать и включение зоны этимологической справки, особый интерес составителя к лингвистической проблематике:

«**Вара**. Лес на возвышенном берегу моря (Арх.). По объяснению А. Н. Шренка, от финского и лопарского слова: ваара, означающего у финов – скала, гора, и у лопарей – гора с плоскою вершиною» (50); «**Тайга**. Тунгусское слово, сделавшееся общеупотребительным в русской речи; то же, что согра; чернолесье, а также еловый лес по низкому месту» (517).

Показательным примером (наряду, например, с «кониферин» (196–197), «лес широколиственный» (276), «насаждение кучковатое» (308), «осочник» (339)) проявления составителем подчеркнуто индивидуальной позиции в интерпретации языкового материала является словарная статья «Артель лесная»:

«**Артель лесная**. Соединение нескольких лесовладельцев для ведения общего хозяйства и установления общего управления в принадлежащих им лесах. Термин этот появился в русской лесоводственной литературе лишь с 1876 года, когда некоторые лесоводы начали предлагать для сохранения русских лесов учреждение *А. Л.*, по примеру прусских, установленных законом 1875 года (*Waldgenossenschaft*). Г. Краузе переводит немецкий термин словами: “лесное товарищество”. По духу языка этот термин вернее, – но все же едва ли вполне соответственный. Под словом артель подразумевается участие собственным трудом; под “товариществом” привыкли понимать нечто торгово-промышленное. Мы, с своей стороны, предложили бы термин *лесной союз* и леса, входящие в состав союза, можно было бы называть “союзными”...» (7).

Однако самой яркой специфической особенностью словаря Верехи является дискуссионность, которая затрагивает достаточно обширный пласт специальной лексики и обращена к широкому кругу современных составителей исследований, упоминающихся в словарных статьях, нередко с конкретными (ясными и актуальными для квалифицированного читателя конца XIX – начала XX века) ссылками.

«**Самооблесение.** Появление леса естественным путем, без всякого содействия со стороны человека. Этот термин, кажется, впервые употребил профессор Докучаев, рассматривая вопрос – были ли леса в южной России (Труды И. В. Э. Общества 1889 г. № 1). Термин употребляет Г. И. Танфильев в своей крайне интересной работе “Пределы лесов на юге России”. Словом С. было бы удобно заменить более длинный термин “естественное лесоразведение” и даже короткий “лесовозобновление”...» (459);

«**Прорыхливание.** Так А. Ф. Рудзкий (Беседы по лесоустройству, журн. “Сельск. Хоз. и Лес.” 1887, VII) называет прореживание. Едва ли нужное и удачное нововведение» (422);

«**Древостой.** В погоне за новшеством некоторые авторы, без всякой надобности, предлагают свои термины, взамен давно установленных и всеми усвоенных. Следуя этому обычаю и г. Краузе (Народохоз. значение деятелей лесного производства. Варш. 1891) предлагает называть *насаждение* – Д., считая этот термин более правильным (?)» (131).

Оценочность и субъективность, затрагивающие как номинацию, так и толкование специальной лексики, проявляются в достаточно широком диапазоне: от формально нейтрального (сдержанного) описания до открытой эмоциональной, чаще критической, реакции, вплоть до острой полемики с современниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что «Опыт лесоводственного терминологического словаря» изучен

не полностью, результаты исследования позволяют сделать некоторые (промежуточные) выводы. Анализируемый словарь является первым крупным терминологическим лесоводственным словарем на русском языке. При подготовке лексикографического труда был использован обширный круг источников, среди которых словари, монографии, журнальные статьи (в том числе и на немецком языке), вероятно, и личная картотека П. Н. Верехи, составляемая еще со времени практического лесоустройства и службы в Лесном департаменте.

Унификация терминологии с целью улучшения научной, образовательной и деловой коммуникации была ориентирована на использование ресурсов русского народного языка. «Опыт лесоводственного терминологического словаря» интересен также и тем, что в нем содержится немало лингвистических и лингвокультурологических сведений о специальной лексике лесного дела. А дискуссионность, пронизывающая весь труд, превращает, на наш взгляд, «забытый» лексикографический источник в безусловно ценный исторический памятник, отражающий процесс становления научного языка русского лесоводства, научную рефлексию определенной личности и определенного периода, периода предыстории отечественной лесной терминологии.

«История науки составляет фон терминологических словарей и всегда отражается в определениях, толкованиях терминов» [2: 9], и материалы анализируемого словаря могут помочь оценить научное предвидение составителя в области терминологического развития, восстановить некоторые детали в истории лесоводства, реконструировать утраченные связи в развитии научного дискурса отечественной лесной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Протокол обыкновенного собрания Лесного общества 8 декабря 1879 года // Лесной журнал. 1880. № 1. С. 23.
- ² Литература русского лесоводства I. Систематический указатель отдельных книг, изданных на русском языке до 1878 года / Сост. Петр Вереха и Александр Рудзкий. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1878. 203 с.
- ³ Вереха П. Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб.: Тип. СПб. Градоначальства, 1898. 588 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.
- ⁴ Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. I–II. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843–1844.
- ⁵ Близость в номинации заглавия, схожие личные побудительные мотивы и практические причины составления словаря, дискуссионность по отдельным частным вопросам (например, в объяснении значения «Лес черный») свидетельствуют об определенной корреляции словаря П. Н. Верехи с трудом В. П. Бурнашева.
- ⁶ Вероятно, «обычай» восходит к популярному и до конца XIX века востребованному «Лесному словарю» (Лесной словарь. Сост. в Деп. кораб. лесов. Ч. 1–3. СПб.: Тип. Фишера, 1843–1845), содержащему подробную статью по речному сообщению и речному судоходству (Ч. 3. С. 316–377).

- ⁷ Кайгородов Д. Н. Русский толковый лесотоварный словарь. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1883. С. XI.
- ⁸ Анненков Н. И. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Новое, испр., пополн. и расшир. изд. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1876–1878.
- ⁹ Вереха Петр Николаевич // Энциклопедия лесного хозяйства: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Родин. Изд. испр. и доп. Т. 1: А–Л. М.: ВНИИЛМ, 2006. С. 83.
- ¹⁰ Вереха П. Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. Дополнение к изданию 1898 года. Пг.: Тип. Петроградского Градоначальства, 1915. 71 с.
- ¹¹ Там же. С. 53.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров Р. В. Книгоописатель П. Н. Вереха // Лесное хозяйство. 1999. № 6. С. 19–20.
2. Герд А. С. «Словарь русского языка XIX века» в свете проблем общей лексикографии // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов / Отв. ред. В. Н. Калиновская. СПб.: Наука, 2008. С. 9–16.
3. Денисов П. Н. Единицы словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 48–52.
4. Итунина А. Л. Особенности формирования языка русской науки в XVIII – начале XIX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 10 (100). Ч. 2. С. 149–151. DOI: 10.23670/IRJ.2020.100.10.064
5. Кауфман И. М. Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с.
6. Королькова М. Д., Соколов Е. Г. «Опыт терминологического словаря...» В. П. Бурнашева как источник специальной лексики // История, теория и практика академической лексикографии: Юбилейный сб. науч. ст. / Ред. коллегия Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приёмшева (отв. ред.), Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 271–283.
7. Куткина Л. Л. Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л.: Наука, 1964. 220 с.
8. Лукьянова Л. В. Собичевский vs Кайгородов: полемика конца XIX века по русской лесной терминологии // Леса России: политика, промышленность, наука, образование: Материалы Всерос. науч.-техн. конф. 22–24 мая 2024 г. / Под. ред. А. А. Добровольского. СПб.: СПбГЛТУ, 2024. С. 169–171.
9. Ниженкова Н. В. Первый этап формирования русской научной терминологии: предшественники М. В. Ломоносова // Русская речь. 2024. № 1. С. 70–81. DOI: 10.31857/S0131611724010063
10. Сергеева Ю. М., Уварова Е. А. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия // Наука и школа. 2014. № 4. С. 128–134.
11. Симоненко А. Ю. Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – 1-й пол. XIX вв. Донецк: Юго-Восток, 2009. 579 с.
12. Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М.: ЛЕНАНД, 2023. 120 с.
13. Сорокин Ю. С. Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения (Термин *растение* и его синонимы) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXV. Вып. 3. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1966. С. 218–225.

Поступила в редакцию 10.07.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Ludmila V. Lukianova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State Forest Technical University named after S. M. Kirov (St. Petersburg, Russian Federation)
lykianovaludmila@mail.ru

**PROTOTYPE DICTIONARY OF FORESTRY TERMINOLOGY BY P. N. VEREKHA
IN THE FORMATION OF SCIENTIFIC LANGUAGE OF RUSSIAN FORESTRY**

Abstract. Russian forestry terminology lexicography is an understudied and relevant area of scientific inquiry. To date, the *Prototype Dictionary of Forestry Terminology* by P. N. Verekhа, the first major Russian terminological dictionary of forestry at the turn of the XX century, has not been the subject of specialized description or research. Verekhа's dictionary draws on an extensive scientific database of its time and reflects the formation of specialized terminology in Russian forestry. This article examines the prerequisites for the dictionary's creation, its structure, fundamental organizational principles, typology of entries, and the nature and methods of presenting the materials. The results of a comparative-historical and lexicographic analysis indicate Verekhа's attempt to create an encyclopedic-type terminological

dictionary and standardize specialized forestry vocabulary based on the resources of the Russian vernacular. Distinctive features of this lexicographic work include intertextuality, the compiler's interest in linguistic (etymological) and linguocultural issues, and a polemical style of presentation. A more detailed study of the dictionary's materials may help reconstruct gaps in the history of the scientific language of Russian forestry.

Key words: Russian lexicography history, metalexicography, nineteenth-century Russian forestry terminology, Russian forest terminography, terminological dictionary, special terms, P. N. Verekha

For citation: Lukianova, L. V. *Prototype Dictionary of Forestry Terminology* by P. N. Verekha in the formation of scientific language of Russian forestry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):50–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1334

REFERENCES

1. Bobrov, R. V. P. N. Verekha, a book describer. *Lesnoe khozyaystvo*. 1999;6:19–20. (In Russ.)
2. Gerd, A. S. *Dictionary of the Nineteenth-Century Russian Language* in the context of common lexicography issues. *The Russian language of the XIX century: dynamics of language processes*. St. Petersburg, 2008. P. 9–16. (In Russ.)
3. Denisov, P. N. Dictionary units. *National specifics of language and its reflection in normative dictionaries*. (Yu. N. Karaulov, Ed.). Moscow, 1988. P. 48–52. (In Russ.)
4. Itunina, A. L. Features of the formation of the language of Russian science in the XVIII – early XIX century. *International Research Journal*. 2020;10(100.2):149–151. DOI: 10.23670/IRJ.2020.100.10.064 (In Russ.)
5. Kaufman, I. M. Terminological dictionaries: Bibliography. Moscow, 1961. 419 p. (In Russ.)
6. Korolkova, M. D., Sokolov, E. G. *Prototype Dictionary of Agricultural Terminology* by V. P. Burnashev as a source of special vocabulary. *History, theory, and practice of academic lexicography: Anniversary collection of research articles*. St. Petersburg, 2022. P. 271–283. (In Russ.)
7. Kutina, L. L. Formation of the language of Russian science (terminology of mathematics, astronomy, and geography in the first third of the XVIII century). Moscow; Leningrad, 1964. 220 p. (In Russ.)
8. Lukianova, L. V. Sobichevsky vs Kaigorodov: the polemic of the late XIX century on Russian forestry terminography. *Forests of Russia: policy, industry, science, education: Proceedings of the all-Russian scientific and technical conference*. St. Petersburg, 2024. P. 169–171. (In Russ.)
9. Nikolenkova, N. V. The first stage of Russian scientific terminology formation: the predecessors of M. V. Lomonosov. *Russian Speech*. 2024;1:70–81. DOI: 10.31857/S0131611724010063 (In Russ.)
10. Sergeeva, Yu. M., Uvarova, E. A. Polycode text: peculiarities of structure and perception. *Science and School*. 2014;4:128–134. (In Russ.)
11. Simonenko, A. Yu. Essays on the history and theory of Russian terminography of the XVIII – first half of the XIX centuries. Donetsk, 2009. 579 p. (In Russ.)
12. Slozhenikina, Yu. V. Fundamentals of terminology: Linguistic aspects of the theory of terms. Moscow, 2023. 120 p. (In Russ.)
13. Sorokin, Yu. S. From the history of Russian natural science terminology and its literary distribution (the term *plant* and its synonyms). *Izvestiya AN SSSR. Seriya literaturny i yazyka*. Moscow, 1966. Vol. XXV. Issue 3. P. 218–225. (In Russ.)

Received: 10 July 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

ПАВЕЛ ТРУЩЕЛЁВ

кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

(Москва, Российская Федерация)

преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации

Российско-Армянский (Славянский) университет

(Ереван, Армения)

pavel.trushchelev@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ НАРРАТИВА ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ

А н н о т а ц и я . Описана языковая структура нарративов, порожденных детьми с нарушениями речевого развития. Материал исследования – 75 устных нарративов объемом 1894 слова, созданных на основе сюжетной серии картинок. Использовались методы количественной оценки лингвистических параметров вербальных данных. Выделены грамматические паттерны организации клауз: длина клаузы, структура зависимостей, частеречная структура, глагольные и субстантивные формы, коммуникативная структура. Охарактеризованы типы клауз, а также средства выражения отношений между ними. Описана актантажная и событийная структура нарративов. Выявлено, что дети стремились описать только основные события, используя короткие нераспространенные клаузы, построенные по модели «субъект-подлежащее – глагол-предикат – объект». При этом обнаружена высокая вариативность в номинации событий. Связность нарративов дети обеспечивали, используя сочинительные союзы и контекстуально связанные субъекты. Такая связность выражала только отношения присоединения. Причинно-следственные или пространственно-временные отношения не получили выражения. Выдвинуто предположение, что дети при порождении нарратива опирались на актантажную структуру картинки-стимула.

К л ю ч е в ы е с л о в а : нарратив, вторичный нарратив, детская речь, недоразвитие речи, грамматика текста, количественный анализ

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (№ 25-28-20503), <https://rscf.ru/project/25-28-20503/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Трущелёв П. Лингвистические параметры нарратива детей с нарушением речевого развития // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1335

ВВЕДЕНИЕ

В работе описываются языковые характеристики устного нарратива, созданного на основе произведения-стимула (серии картинок). Характеристики индуцированного нарратива уже долгое время изучаются специалистами [6], [7], [9], [11], [13]. Установлено, что нарративы отражают навыки и стратегии речепроизводства и организации дискурса [2].

Особое внимание уделяется нарративам, порожденным детьми с нарушением речевого и психического развития. Отмечены их некоторые отличительные признаки: нарративы просты в структурном плане (в них мало эпизодов, короткие предложения, несложная синтаксиче-

ская структура, мало распространителей и др.), в них мало дискурсивов, много ошибок, они малоинформативны из-за повторов и сбоев [1], [5], [10], [15]. Такие характеристики могут отражать специфику когнитивной деятельности. Так, их часто связывают с фактором когнитивной нагрузки и навыками программирования деятельности.

Цель работы – выделить лингвистические параметры нарративов, вызванных у детей с диагностированным нарушением речевого развития. Структура русскоязычных нарративов, порожденных детьми с нарушением речевого развития, не становилась объектом полноценного лингвистического анализа.

Материалом исследования послужили нарративы, порожденные 75 детьми 7–10 лет (из них 22 девочки)¹. Дети проходили комплексное обследование у логопедов-дефектологов, являющихся сотрудниками «Ассоциации родителей детей с дислексией»². Частью обследования было задание рассказать историю по картинкам. Для этого использовалась серия трех сюжетных картинок Н. Радлова *Как кошка сама себя стукнула* (рисунки).

Логопеды на основе проведенного обследования устанавливали виды нарушения речевого развития, а также фиксировали общие психоречевые нарушения (например, трудности в нейродинамическом компоненте деятельности; сложности при переработке зрительно-пространственной информации; трудности планирования, регуляции и контроля). На основе всех данных о психоречевом статусе логопедами были выделены две группы детей:

Визуальный стимул³
Pictorial stimulus

(1) группа с условно незначительными нарушениями (далее – НН; распространенные речевые нарушения: трудности овладения навыками письма и чтения, фонематическое недоразвитие речи, дислалия, дислексия, дисграфия, дизорфография, нарушение фонематического слуха);

(2) группа с общим недоразвитием речи (далее – ОНР; распространенные речевые нарушения (часто в сочетании с нарушениями из группы с НН): ОНР IV уровень, ОНР III уровень, лексико-грамматическая недостаточность).

Характеристика материала с учетом деления на группы представлена в табл. 1.

В работе использовались методы количественной текстовой аналитики. Оценивались следующие характеристики:

- объем единиц текста;
- распределение частей речи, а также глагольных и субстантивных граммем;
- синтаксические характеристики клауз;
- субъектная перспектива текста (см. [4]);
- коммуникативная структура (структура «данное – новое»; см. [12]);
- первый план и фон нарратива (см. [14]);
- событийная структура нарратива (см. [8]).

Применялся рангово-бисериальный коэффициент корреляции для оценки возможной связи между признаками нарратива и группой детей. В тексте статьи значимые связи маркируются звездочкой (*). Анализ материала проводился с учетом семантико-грамматических признаков (см. [3]): основной единицей анализа являлась клауза с вершиной-глаголом. Характеристики устной речи – речевые сбои, повторы, самоисправления и т. п. – не учитывались при анализе.

Количественная характеристика нарративов

Таблица 1

Quantitative characteristics of narratives

Table 1

Характеристики	Группа детей с НН	Группа детей с ОНР	Всего
Количество нарративов	32	43	75
Объем нарративов	894 слова	1000 слов	1 894 слова
Медианный объем нарратива (среднее квартильное отклонение)	23 слова (8 слов)	21 слово (5 слов)	23 слова (6 слов)

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Таблица 2

Морфосинтаксические характеристики

Средние количественные параметры клауз даны в табл. 2. Здесь и далее первой приведена оценка нарративов детей с НН, второй – нарративов детей с ОНР.

Частеречная структура представлена в табл. 3: в ней указаны средняя доля части речи от всех слов и средняя частота вхождения части речи в клаузу.

Количественные параметры клауз

Quantitative properties of clauses

Table 2

Длина клаузы (слова)	Количество зависимостей от вершины клаузы	Глубина зависимостей (расстояние до вершины клаузы)
4,7 / 4,6	2,5 / 2,5	1,1 / 1,0

Таблица 3

Частеречная структура

Table 3

Part-of-speech structure

Единица анализа	Существительное	Глагол	Предлог	Союз	Наречие	Эгоцентрики
Текст нарратива	.36 / .39	.23 / .22	.14 / .14	.11 / .11	.04 / .05	.03 / .01*
Клауза	1,7 / 1,8	1,1 / 1,0	0,7 / 0,7	0,5 / 0,5	0,2 / 0,3	0,15 / 0,05*

Данные отражают типичную для анализируемых нарративов **организацию клаузы**. Опишем ее с помощью примера: (1) *Кактус упал на грабли / А грабли ударили кошку*. Обе клаузы включают вершину-глагол и два зависимых именных актанта. Представлены наиболее распространенные в материале актанты: субъект (средняя встречаемость в клаузах: 0,8 / 0,8), объект (средняя встречаемость в клаузах: 0,4 / 0,3), обстоятельственный актант (средняя встречаемость в клаузах: 0,6 / 0,5). Обстоятельные актанты дети вводили, указывая место, куда упал кактус, а также расположение участников сюжета (напр., *сидела на окне*). В примере есть предлог, а также инициальный союз *а* с функцией текстового коннектора.

В нарративах представлены наречия (напр., *спокойно сидела*). Но частота их встречаемости низкая, а показатель вхождения в клаузу наречного модификатора составляет 0,05 и 0,06.

Дети редко использовали эгоцентрики – преимущественно дискурсивы *ну* и *вот* (см., напр., пример (2) ниже). Но при этом была обнаружена связь между фактором группы и употреблением эгоцентриков (.376 и .365, $p < .05$): в нарративах детей с НН их значимо больше.

Глубина зависимостей в клаузе указывает на то, что дети не распространяли компоненты, зависимые от вершины. Так, практически не используются модификаторы именных групп: средний показатель вхождения в клаузу адъективного модификатора (напр., *небольшой кактус*) составляет 0,008 и 0,001, а субстантивного модификатора (напр., *горшок с кактусом*) – 0,02 и 0,02.

Морфологические признаки глаголов и существительных оценены в табл. 4. В них указаны средние величины доли граммем от общего количества глаголов или существительных в нарративе.

Таблица 4

Граммемы глаголов и существительных

Table 4

Verb and noun forms

Глаголы					
Совершенный вид	Прошедшее время	Финитная форма	Инфинитив	Изъявительное наклонение	Активный залог
.71 / .76	.87 / .83	.91 / .94	.09 / .06	.91 / .94	.89 / .89
Существительные					
Именительный падеж	Винительный падеж	Косвенные падежи	Единственное число		
.39 / .39	.40 / .42	.21 / .20	.84 / .88		

Видно, что повествование организуют активные конструкции с финитными глаголами совершенного вида в форме прошедшего времени и изъявительного наклонения. Глагол в форме инфинитива использовался в качестве распространителя глаголов *хотеть* (напр., *хотела отомстить*) и *решить* (напр., *решил сбросить*), а также фазовых глаголов (напр., *начал падать*).

Примечательно, что конструкцию «*хотеть / решить + инфинитив*» дети часто использовали для описания совершенного действия; например: (2) *Ну, кот хотел уронить на собаку кактус / Но попал на грабли*.

Дети не применяли пассивные конструкции. Глаголам в форме активного залога противопоставлены возвратные глаголы (напр., *горшок разбил*).

Морфологические характеристики существительных отражают типичную структуру клаузы с субъектом в именительном падеже и объектом в винительном. Косвенные падежи репрезентуют преимущественно обстоятельственные актанты (напр., *рядом с собакой, около собаки, по морде, к кактусу*). Дети обозначали конкретные сущности, используя существительные в единственном числе (*кот, собака, окно* и др.). Большая часть употреблений множественного числа приходится на слово *грабли*.

Грамматическая организация текста

Оценка **структурных типов** клауз представлена в табл. 5.

Таблица 5

Типы клауз
Types of clauses

Table 5

Типы клауз по зависимости				
Независимые	Однородные	Изъяснительные	Обстоятельственные	Относительные
.87 / .92	.09 / .06	.01 / .00	.01 / .02	.02 / .01
Типы клауз по полноте				
Полные		Неполные		Эллиптические
.90 / .88		.08 / .06		.02 / .06*

Дети активно употребляли полные независимые клаузы. Неполные клаузы, как правило, были однородными с опущенным субъектом (ср. значения); например: (3) *Грабли отскочили / И ударили по носу кошке.*

Зависимые клаузы употреблялись крайне редко. При этом дети с ОНР не употребили ни одной изъяснительной клаузы. Примечательно, что среди всех зависимых клауз только одна является эксплицитно причинной с однозначным характеризующим маркером каузативности:

(4) *Собака проснулась / Потому что укололась об кактус.*

Хотя эллиптические клаузы употреблялись редко, корреляционный анализ показал, что в нарративах детей с ОНР их больше (.214, $p < .05$). Обычно дети с их помощью описывали удар граблями: (5) *И кошечке по носику бум-бум.*

Для оценки **связности** были рассмотрены типы текстовых коннекторов в клаузах и референциальные свойства именного субъекта. Результаты представлены в табл. 6 и 7.

Таблица 6

Коннекторы
Connectors

Table 6

Клаузы	Нет	Сочинительные союзы	Подчинительные союзы	Время	Место	Причина	Дискурсивный маркер
Все	.36 / .39	.42 / .40	.04 / .001	.05 / .10	.04 / .02	.01 / .01	.10 / .08
Без первой	.33 / .29	.54 / .53	.02 / .002	.06 / .13	.03 / .02	.06 / .05	.01 / .03

Таблица 7

Референциальные свойства субъекта
Referential properties of subjects

Table 7

Клаузы	Первое название	Повторное название	Местоимение	Опущение	Лексический нуль
Все	.32 / .31	.18 / .19	.07 / .05	.14 / .16	.05 / .05
Без первой	.13 / .10	.23 / .25	.08 / .07	.18 / .21	.06 / .06

С одной стороны, данные говорят о высокой связности клауз. Дети активно использовали коннекторы, особенно сочинительные союзы, и референциально связанные субъекты. Примечательно, что без учета первой клаузы почти 90 % следующих клауз имеют контекстуально связанный субъект. С другой стороны, связность сводится преимущественно к отношениям присоединения, нанизывания. Как показывает оценка маркеров времени и места, такое присоединение не опирается даже на хронотоп нарратива. Другие отношения – и прежде всего причинно-следственные – выражались крайне редко. Так, показателен пример (1), в котором не эксплицированы каузативные отноше-

ния между клаузами. Вероятно, дети опирались не на событийную, а на актантную структуру картинки-стимула (см. ниже). В этом случае для них в основе цельности изображения лежал не единый сюжет, а его участники. На это указывает в том числе контекстуальная связанность субъектов.

Можно отметить, что дети использовали в первом предложении дискурсивы (часто инициальный *ну*, как в примере (2), и перцептивные маркеры типа *Я вижу, что...*), которые, вероятно, делали зачин более релевантным ситуации взаимодействия с интервьюером.

Признаки **коммуникативной структуры** нарративов оценены в табл. 8.

Таблица 8
Коммуникативная структура клауз
Table 8
Communicative structure of clauses
(functional perspective)

Маркирующая структура	Организирующая функция глагола	Порядок «субъект – глагол – объект»
.92 / .94	.97 / .89*	.86 / .81

В основном дети использовали маркирующую коммуникативную структуру, при которой феномену (данное) присваивается характеристика (новое). Бытийная структура, при которой презентуется феномен (новое), представлена в нарративах непоследовательно, например: (6) *На книге сидел котик*. Скорее всего, это связано с тем, что картинка являлась частью коммуникативного контекста, доступного ребенку и интервьюеру. В этом случае презентация феномена могла показаться детям избыточной (хотя презентация – важный компонент нарративных жанров).

В большинстве клауз глагол является границей между новым и данным. Однако в нарративах детей с ОНР обнаружено значимо больше отклонений (.292, $p < .05$), например: (7) *А кактус полетел на грабли / И кошке **по носу** попало граблями*.

Обе группы детей чаще всего создавали клаузы, следуя порядку «субъект – глагол – объект». Нарушение этой последовательности не всегда было обусловлено отклонениями типа (7). Так, бытийные коммуникативные структуры строились по характерной модели «глагол – презентуемый субъект» [12: 66]. Кроме того, известная часть глагольной группы может переноситься в препозицию глаголу. Чаще всего такая часть выражена местоимением: (8) *Грабли **ее** [кошку] стучают по носу*.

Содержательные характеристики

На основе категоризации именных групп выделены **актанты повествования**. В табл. 9 указаны доли нарративов с номинацией актантов.

Актанты повествования

Таблица 9

Narrative actants

Table 9

Кот	Собака	Кактус	Грабли	Окно	Дом	Другие места
.97 / .98	.88 / .86	1.0 / 1.0	.94 / .98	.31 / .21	.06 / .00	.13 / .05

Дети фокусировались на четырех актантах, которые претерпевали изменения на картинках (см. [8]). Больше всего внимания уделено кошке, кактусу и граблям. На изображении эти актанты претерпевают наибольшие изменения и взаимодействуют друг с другом. Персонаж-собака обозначен в большинстве нарративов. Однако в 27 нарративах (.34 / .37) связь между основным сюжетом и собакой не эксплицирована (примечательно, что на картинках персонаж-собака не вступает в прямое взаимодействие с другими актантами). В них и персонаж-собака, и ее сюжетная линия являются побочными; например: (9) *Кошка уронила кактус / Он упал на грабли / Собака проснулась / И грабли в кошку отлетели*.

Такая структура сюжета поддерживает предположение о том, что дети устанавливали цельность визуального с опорой на его актантную структуру и описывали, что происходит с актантами. Поэтому для детей было важно рассказать, что произошло с персонажем-собакой. В связи с этим следует отметить, что только два ребенка (из группы детей с НН) детализировали сюжет и обозначили актантов, не представленных на картинках, – персонажа-бабушку и город, где происходили события: (10) *У моей бабушки был котик*; (11) *В маленькой*

деревушке под названием Собацк жил маленький котик. Введение таких актантов может разрушить цельность визуального стимула, заданную актантной структурой.

Актанты, репрезентующие пространственные компоненты, дети указывали редко. Самая большая доля упоминания – .31 и .21 – у окна; например: (12) *Кошка уронила с окна кактус*. Другие пространственные актанты вводились еще реже при описании компонентов экспозиции (см. пример (6)).

Субъектную перспективу нарративов формируют как одушевленные (.51 и .56), так и неодушевленные (.49 и .44) актанты (см. пример (9)). В 72 нарративах развертывание в первой клаузе задает одушевленный субъект (чаще всего субъект-кошка). Это может быть обусловлено в том числе тем, что субъект совершает первое действие.

Самым распространенным типом субъекта является «субъект действия»: .82 и .80. Тип «субъект состояния / признака» представлен в нарративах значительно реже: .16 и .20. Такой тип субъекта часто использовался для описания экспозиции. Авторизованный субъект, выражающий точку зрения актанта, обнаружен только в четырех нарративах детей с НН; например: (13)

Кошка увидела кактус / Что он стоит на подоконнике.

Событийную структуру нарратива репрезентовали глаголы. Ниже представлены глаголы, которые использовали более 10 % детей каждой группы, и частота их индексации. Глаголы из нарративов детей с НН представлены в примере (14), а глаголы из нарративов детей с ОНР – в примере (15); полужирным шрифтом выделены глаголы, общие для обеих групп:

(14) *упасть* (21), *ударить* (14), *попасть* (10), *уронить* (10), *проснуться* (9), *сидеть* (9), *спать* (9), *стоять* (8), *полететь* (5), *кинуть* (4), *опрокинуть* (4), *сбросить* (4), *скинуть* (3);

(15) *упасть* (24), *уронить* (18), *проснуться* (15), *попасть* (11), *падать* (8), *ударить* (7), *дать* (5), *лететь* (4), *опрокинуть* (4), *полететь* (4), *сбросить* (4), *сидеть* (4), *скинуть* (4), *спать* (4).

Дети обозначали преимущественно основные события, изображенные на картинках. Сравнение глаголов показывает, что интерпретация событий разными группами не различается значимым образом. В то же время обнаруживается высокая вариативность в интерпретации событий конкретными детьми. На это указывает вариативность в номинации действий. Самые частотные глаголы употребили только 66 % детей с НН и 56 % детей с ОНР, а следующие по частотности – уже 44 % и 42 % детей. Для обозначения одного действия на первой картинке дети использовали частотные глаголы *уронить*, *кинуть*, *сбросить*, *скинуть*, *опрокинуть*. Одни глаголы называют намеренное действие, а другие – ненамеренное; например: (16) *Кошка случайно уронила кактус на собаку*; (17) *Он решил сбросить кактус на собачку*.

Показательна относительно большая (с учетом общего стимула и размера нарративов) величина лексического разнообразия глаголов: .40 (65 / 176) в группе детей с НН и .36 (69 / 190) в группе детей с ОНР.

Дети использовали мало глаголов для презентации фона нарратива, который формируют длительные (неточечные), нединамичные, неконтролируемые действия (напр., *А под ним спала собака*; см также пример (6) выше). В списках (14) и (15) представлены всего три глагола, описывающие фоновые события: *сидеть*, *стоять*, *спать*. Небольшая доля субъектов состояния / признака, а также небольшая доля глаголов в форме несовершенного вида (см. табл. 4) косвенно указывают на то, что дети мало обозначали фоновые события.

Усредненное деление клауз, формирующих фон и первый план нарратива, показало следующие результаты: в нарративах детей из группы НН 24 % клауз относились к фону, а 76 % – к пер-

вому плану; в нарративах детей из группы ОНР 15 % клауз относились к фону, а 85 % – к первому плану. Как видно, дети больше внимания уделяли описанию событий первого плана, которые «двигают» повествование. При этом дети из группы с НН использовали значимо больше клауз с описанием фона (.307, $p < .05$).

Еще один аспект структуры нарративов – **соотношение картинок и текста**. В табл. 10 указаны средние доли текста (в словах), которые посвящены описанию каждой картинке.

Таблица 10
Соотношение картинок и текста
Table 10
Ratio of pictures to text

Картинка 1	Картинка 2	Картинка 3	Нет на картинке
.34 / .35	.05 / .08	.50 / .52	.09 / .07

Основное внимание дети уделяли описанию третьей картинке. Вероятно, это связано с тем, что на этой картинке отражено больше всего изменений.

Первую картинку дети описывали короче, указывая завязку нарратива и (по возможности) экспозицию повествования (см. примеры выше). Вторую картинку кратко описали 26 детей (из них 11 с НН); например: (18) *Кактус летел*. Вероятно, дети уделяли мало внимания второй картинке, поскольку на ней мало изменений и представлено продолжительное (неограниченное) действие.

В нарративах 25 детей (из них 11 с НН) есть описание событий, не представленных на картинках. Некоторые из них были приведены выше, например в (10) и (11): эти клаузы формируют экспозицию. Примечательны редкие случаи, когда дети представляли мотив кошки сбросить кактус, например: (19) *И она хотела отомстить собаке / Что собака гналась за кошкой много раз*. Однозначно характеризующие маркеры каузативных отношений при этом дети не употребляли.

Три ребенка (из них один с НН) указали, что произошло после событий на картинке; например: (20) *И котик больше никогда так не делал*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Количественные данные показали, что нарративы детей с нарушениями речевого развития отличаются простой (неразветвленной) синтаксической структурой как на уровне предложения, так и на уровне глагольных и именных групп. Используется ограниченный набор маркеров связности – сочинительные союзы, повтор или опущение субъекта. Маркеры выражают отношения присоединения; другие отношения (причинные,

временные) практически не выражены. Развертывание нарративов представляет собой присваивание различных характеристик актантам. Субъектную перспективу формируют номинации субъектов действия; событийную структуру – глаголы, описывающие точечные, отграниченные действия. Эти признаки могут рассматриваться как потенциальные маркеры особенностей порождения нарратива детьми с нарушениями речевого развития.

Статистическое сравнение параметров нарративов, порожденных детьми с разными нарушениями, выявило несколько значимых, хотя

и слабых, различий. В отличие от детей с незначительными нарушениями, дети с общим недоразвитием речи реже использовали эгоцентрики и не использовали приемы авторизации. Дети с общим недоразвитием речи чаще применяли эллиптические конструкции и конструкции с отклонением от типичной коммуникативной структуры с организующей позицией глагола. Кроме того, дети с общим недоразвитием речи реже обозначали фоновые события нарратива. Эти различия могут отражать тенденции в текстопорождении детьми с различными по тяжести нарушениями речевого развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нарративы являются частью базы данных «Устные нарративы младших школьников с нарушениями в обучении». Свидетельство о регистрации № 2024620349.

² <https://dyslexiarf.com/>.

³ Радлов Н. Рассказы в картинках. Л.: Детиздат, 1937. 42 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балчюниене И., Корнев А. Н. Анализ нарративов у детей с недоразвитием речи // Специальное образование. 2017. № 3. С. 32–43.
2. Балчюниене И., Корнев А. Н. Формирование нарратива: от порождения устного дискурса к пониманию письменного текста // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2025. Т. 167, кн. 4. С. 87–105. DOI: 10.26907/2541-7738.2025.4.87-105
3. Бурова Е. Е. Сегментация речи при создании корпуса устных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 9. С. 2657–2663.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз., 2004. 544 с.
5. Корнев А. Н., Балчюниене И., Вишонкина А. А. Особенности овладения жанровым репертуаром устного дискурса у детей 4–6 лет с первичным недоразвитием речи и их сверстников с нормой развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 4. С. 1067–1090. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1067-1090
6. Шишков М. С. Формирование нарративной стратегии в рассказах билингвов на русском языке: корпусное исследование // Русистика. 2023. Т. 21, № 3. С. 321–340. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-321-340
7. Эйсмонт П. М. Стратегии порождения спонтанного нарратива и роль внешнего стимула // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 4, ч. II. С. 192–197.
8. Эйсмонт П. М. Эпизод и событие в устном детском нарративе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2017. № 5. С. 67–76. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-67-76
9. Ягунова Е. В. Структура спонтанного нарратива: мультимедийность исходного дискурса и его отражение в текстах детей и взрослых // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: Сб. ст. к юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Н. Цейтлин / Отв. ред. Т. А. Круглякова. СПб.: Златоуст, 2013. С. 159–177.
10. Altman C., Avraham I., Meirovich S. S., Lifshitz H. How do students with intellectual disabilities tell stories? An investigation of narrative macrostructure and microstructure // Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities. 2022. Vol. 35, № 5. P. 1119–1130. DOI: 10.1111/jar.12997
11. Diehm E. A., Wood C., Puhlman J., Callendar M. Young children's narrative retell in response to static and animated stories // International Journal of Language & Communication Disorders. 2020. Vol. 55, № 3. P. 359–372. DOI: 10.1111/1460-6984.12523
12. Firbas J. Functional sentence perspective in written and spoken communication. Cambridge; New York; Oakleigh: Cambridge University Press, 1992. 240 p.
13. Gagarina N. Anaphoric pronominal reference in Russian and German narratives: Bilingual and monolingual settings // Linguistic Approaches to Bilingualism. 2022. Vol. 12, № 4. P. 407–412. DOI: 10.1075/lab.00035.int
14. Li W. Grounding in Chinese written narrative discourse. Leiden; Boston: Brill, 2018. 280 p.
15. Meritt D. D., Liles B. Z. Narrative analysis: Clinical applications of story generation and story retelling // Journal of Speech and Hearing Disorders. 1989. Vol. 54, № 3. P. 438–447. DOI: 10.1044/jshd.5403.438

Поступила в редакцию 13.10.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Pavel Trushchelev, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation), Lecturer, Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia)
pavel.trushchelev@gmail.com

LINGUISTIC PARAMETERS OF NARRATIVES PRODUCED BY CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS

Abstract. The article identifies linguistic characteristics of narratives produced by children with speech disorders. The material includes 75 oral narratives (1,894 words) based on a three-part picture story. The quantitative linguistic analysis was conducted to assess linguistic parameters of the narratives. Grammatical patterns of clause organisation were examined, including clause length, dependency structure, part-of-speech structure, verb and noun forms, and functional perspective. The analysis also covers clause types and units expressing inter-clausal relations. The actant and event structures of the narratives were examined. The findings show that the narratives tend to describe only the main events employing short non-extended clauses constructed according to the *subject – verb – object* model. Considerable variability was observed in event naming. Textual coherence was primarily achieved through using coordinating conjunctions and contextually related subjects, which marked relations of addition only. Causal and spatio-temporal connections remained largely unexpressed. The article suggests that, in generating their narratives, the children relied not on the event structure of the picture story, but on its actant configuration.

Keywords: narrative, pictorial narrative, children's speech, speech underdevelopment, text grammar, quantitative analysis

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation (grant No 25-28-20503, <https://rscf.ru/project/25-28-20503/>).

For citation: Trushchelev, P. Linguistic parameters of narratives produced by children with speech disorders. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1335

REFERENCES

- Balciuniene, I., Kornev, A. V. Narrative discourse analysis in children with speech underdevelopment. *Special Education*. 2017;3:32–43. (In Russ.)
- Balciuniene, I., Kornev, A. V. Narrative acquisition: from oral discourse production to written text comprehension. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2025;167(4):87–105. DOI: 10.26907/2541-7738.2025.4.87-105 (In Russ.)
- Burova, E. E. Speech segmentation during the creation of an oral text corpus. *Philology. Theory & Practice*. 2021;14(9):2657–2663. (In Russ.)
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
- Kornev, A. N., Balciuniene, I., Vishonkina, A. A. Acquisition specifics of genre repertoire of personal discourse in 4-6-year-old children with developmental language disorder and typically developing peers. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023;14(4):1067–1090. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1067-1090 (In Russ.)
- Shishkov, M. S. Narrative strategy formation in the bilinguals' stories in Russian: corpus study. *Russian Language Studies*. 2023;21(3):321–340. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-321-340 (In Russ.)
- Eismont, P. M. Strategies of speech production and the stimulus influence. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2007;4(II):192–197. (In Russ.)
- Eismont, P. M. Episode and event structure in child oral narratives. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2017;5:67–76. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-67-76 (In Russ.)
- Yagunova, E. V. The structure of spontaneous narrative: the multimedia nature of the source discourse and its reflection in texts produced by children and adults. *Saint Petersburg school of ontolinguistic: Collection of articles dedicated to the anniversary of Professor S. N. Zejtlin*. St. Petersburg, 2013. P. 159–177. (In Russ.)
- Altman, C., Avraham, I., Meirovich, S. S., Lifshitz, H. How do students with intellectual disabilities tell stories? An investigation of narrative macrostructure and microstructure. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2022;35(5):1119–1130. DOI: 10.1111/jar.12997
- Diehm, E. A., Wood, C., Puhlman, J., Callendar, M. Young children's narrative retell in response to static and animated stories. *International Journal of Language & Communication Disorders*. 2020;55(3):359–372. DOI: 10.1111/1460-6984.12523
- Firbas, J. Functional sentence perspective in written and spoken communication. Cambridge; New York; Oakleigh, 1992. 240 p.
- Gagarina, N. Anaphoric pronominal reference in Russian and German narratives: Bilingual and monolingual settings. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2022;12(4):407–412. DOI: 10.1075/lab.00035.int
- Li, W. Grounding in Chinese written narrative discourse. Leiden; Boston, 2018. 280 p.
- Meritt, D. D., Liles, B. Z. Narrative analysis: Clinical applications of story generation and story retelling. *Journal of Speech and Hearing Disorders*. 1989;54(3):438–447. DOI: 10.1044/jshd.5403.438

Received: 13 October 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

ЮЛИЯ ПАВЛОВНА ВЫШЕНСКАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2870-3026; clemence_isaure@rambler.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛИНАРНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ

А н н о т а ц и я . Исследуется выразительный потенциал кулинарной лексики в повести известной чешской писательницы XIX века Б. Немцовой «Babička» («Бабушка»). Кухня Чехии понимается как знаковая система с закодированными смыслами, воплощаемыми в дискурсе (наррации). Кулинаронимы анализируются как средство объективации идеи национальной идентичности и объект трансформаций в тексте литературного произведения, материализованного дискурса абстракции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения некоторых особенностей сложного феномена стиля, связанного одновременно с собственно языковыми и внешними языковыми факторами. Теоретическая значимость работы заключается в выявлении и описании механизма обращения языковых единиц в единицы принципиально иного характера в структуре художественного нарратива в рамках взаимоотношений «текст – стиль – дискурс». Анализ корпуса примеров позволяет выявить пути раскрытия выразительных ресурсов изучаемой группы онимов для воплощения авторского замысла, связи с различными уровнями цельных текстовых структур, а также явлениями за его пределами, ценность кулинаронимов как самостоятельных единиц, так и стилистических маркеров.
К л ю ч е в ы е с л о в а : дискурс, кулинарная лексика, текст, стиль, национальная идентичность, чешская кухня

Д л я ц и т и р о в а н и я : Вышенская Ю. П. Стилистический потенциал кулинарных лексических единиц в художественном нарративе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1336

ВВЕДЕНИЕ

Тема кулинарии прочно вошла в научные исследования и сохраняет свои позиции по сей день, о чем свидетельствует довольно обширная теоретическая литература, эмпирическим материалом для которой служат тексты кулинарных рецептов и книг [1], [4], [7], [8]. Работы, выполненные в этом русле, существуют также в славистике, в частности богемистике¹ [2], [3], [10], [13], [14], [15], [16]. Следуя логике рассуждений Т. Ю. Загрязкиной [7], занимавшейся смежными вопросами на материале французского языка, чешскую кухню, важную составляющую материальной культуры Чехии, можно рассматривать как одну из существенных характеристик страны в сознании людей во многих частях света. Кухня, по мысли К. Леви-Строса, представляет собой знаковую систему с закодированными смыслами, позволяющими обозначить часть того, чем является общество

[9: 17–29]. Некоторые из означенной группы смыслов обретают выражение в дискурсе, интерпретируемом в научном наследии Р. Барта как сообщение (наррация) [1: 443]. Стилистические переосмысления и приращения, получаемые кулинарными языковыми единицами в художественной модификации письменного сообщения, образуют лауну, подлежащую заполнению.

Дальнейшее развитие логической цепочки Т. Ю. Загрязкиной возможно в плоскости координат: текст – стиль – дискурс. Текст (художественный нарратив) понимается как сфера реализации стиля, «способа вербального и невербального выражения некоего содержания, реализуемого носителями/-ем языка при создании устных или письменных высказываний» [5: 181], и одновременно прикосновенной формы дискурса абстракции (некоей идеи) [6: 13–14] (ср.: [12: 113], [17: 224]).

Иллюстративной базой для выявления и описания преобразований, которым подвергаются кулинарные лексические единицы в тексте художественной коммуникации, материализации идеи национальной идентичности, частного проявления кулинарного кода, служит автобиографическая повесть «Babička»² («Бабушка»³) (1855) авторства Б. Немцовой. Анализируемое произведение значимо для творческого наследия писательницы и для чешской литературы в целом как пример воплощения изучаемой идеи, реализуемой посредством яркой лексико-стилистической палитры. Важное место в ней отводится кулинаризму:

«První, co si babička v hospodářství zcela na starost vzala, bylo pečení chleba. Nemohla snést, že služka s božím darem tak beze vši úcty zachází, ani do díže, ani z díže, do pece ani z pece že jej nepřezehnává, jako by cihly v ruce měla. Babička, než kvas zadělávala, kopistem díž požehnala a to žehnání opakovalo se, kdykoli těsto do ruky se vzalo, až byl chléb na stole. Nesměl jí také žádný otevřeba přijít do rány, aby jí “boží dar neuhranul”, i Vilímek, když vešel do kuchyně při pečení chleba, nezapomněl, že má říci: “Pánbůh požehnej!” Když babička pekla chléb, měly vnučata posvícení. Pokaždé dostaly poplamenici a po malém bochánku, švestkami neb jablky plněném, což se jim dříve nestávalo» (10).

(«Прежде всего позаботилась бабушка о выпечке хлеба. Не могла она равнодушно смотреть, как непочтительно обращается кухарка с божьим даром; ставит ли опару, или выливает тесто, сажает ли хлеб в печь, или вынимает его из печи, – ведь и не подумает перекрестить, будто не хлеб в руках держит, а кирпич какой. Прежде чем развести закваску, бабушка чертила мешалкой над квашней знак креста и не забывала крестить тесто всякий раз, как брала его в руки, пока, наконец, хлеб не попадал на стол. Никто не смел стоять около теста разинув рот, чтобы не сглазить “дар божий”. И Вилимек, входя на кухню, уже не забывал говорить: “Господи благослови!” День, когда бабушка pekla хлеб, был для ребят большим праздником. Всякий раз получали они по лепешке и пирожку со сливами или яблоками, чего раньше не водилось в доме») (10).

В процитированном текстовом фрагменте содержится множество деталей старинной чешской традиции *pečení chleba* ‘выпечки хлеба’ и бережного к нему отношения, формируемого во времена древних представлений об этом продукте как священной пище. В язычестве он расценивается как независимое одушевленное существо, иногда и само божество⁴. Тем объясняется старинное предписание целовать оброненные на пол куски:

«Jestli dítě chléb z ruky upustilo, muselo jej pak políbit, jako za odprošení; tak i kdyby kde zrnko hrachu bylo leželo» (10).

(«Уронит кто-нибудь из детей хлеб – должен тут же поднять его и поцеловать, как бы просят прощения») (10).

Хлеб на столе отождествляется с изобилием, богатством, готовностью к приему гостей, почитается символом божественного покровительства и воспринимается как оберег от враждебных сил⁵ [11: 262]. Обозначения хлеба и особенностей его приготовления распределяются по синонимическим рядам. Один из них образуется названиями частей каравай хлеба и разнообразных лакомств из сдобного теста: *chléb* ‘хлеб’, *laskominky zajít* ‘лакомый кусочек’, *maly bochánky* ‘лепешки’, *švestkami neb jablky plněném* ‘пирожки с яблоками’, *drobty patří ohníčku*, *drobečky* ‘крошки хлеба’, *kůrky* ‘корки’, *kousek chleba* ‘кусочек хлеба’.

Анализ корпуса примеров выявляет практическое отсутствие в тексте замысловатых фигур, специфическую особенность художественного стилистического. Исключение составляют единичные случаи метонимического эвфимистического переноса *boží dar* ‘божий дар’ и сравнения *jako by cihly v ruce měla* ‘будто не хлеб в руках держит, а кирпич какой’. Самый процесс выпечки представлен как некое священнодействие, с чем связано наличие в тексте группы слов и выражений, для обозначения которых можно ввести рабочий термин «кулинарно заряженная лексика». Данную группу составляют лексические единицы, в основном глагольные сочетания. Изначально они лишены смысловых связей со сферой приготовления пищи, однако получают некий тематически близкий заряд от собственно кулинаронимов. Часть выделенной лексической разновидности репрезентирована деталями церковных обрядов:

«než kvas zadělávala, kopistem díž požehnala a to žehnání opakovalo se, kdykoli těsto do ruky se vzalo, až byl chléb na stole (здесь и далее выделено курсивом мною. – Ю. В.)» (10).

(«Прежде чем развести закваску, бабушка чертила мешалкой над квашней знак креста и не забывала крестить тесто всякий раз, как брала его в руки, пока, наконец, хлеб не попадал на стол») (10).

Иным примером можно рассматривать заимствования из текстов молитв: «Pánbůh požehnej!» («Господи благослови!»). Особенности частного характера христианских ритуалов комбинируются с соответствующими составляющими языческих культов, отображаемыми в различных приметах:

«Nesměl jí také žádný otevřeba přijít do rány, aby jí “boží dar neuhranul”» (10).

(«Никто не смел стоять около теста разинув рот, чтобы не сглазить “дар божий”»),

а также упоминания обычая сжигать крошки хлеба «*drobty patří ohníčku*» («Крошки сжигать надобно») (10).

Реминисценцией представлений о нераздельности человека и природы выступает упоминание бытующего в крестьянской среде правила отдавать птицам и животным оставшиеся после обеда хлебные корки и несъеденные куски:

«*Kde jaký kousek chleba ležet zůstal, i kůrky, co děti nedojedly, strčila babička do kapsáře; trefilo-li se jít okolo vody, hodila rybám, rozdrobila mravencům, když šla s dětmi*» (10).

(«*Оставшиеся после обеда куски и корки бабушка прятала в карман: когда случилось ей проходить мимо воды, она бросала их рыбам: гуляя с детьми в лесу – муравьям или птицам*») (10).

Пословицы, свидетельства любви и уважения к хлебу, обособляются в автономную группу:

«*Kdo se nesrovnává s chlebem, nesrovnává se s lidmi*» («Кто хлеб режет неровно, с людьми не договорится по-любовно»), «*Když se zakrojuje do chleba, že se ukrajijou Pánubohu paty*» («Кто хлеб кромсает, господу богу пятки подрезает»), «*Po drobečkách se šlapat nesmí, to grý duše v očištění pláčou*» («Не смейте топтать крошки, от этого, говорят, в чистилище души плачут»), «*Važte si božího daru, bez něho je zle, a kdo si ho neváží, toho Bůh těžce tresce*» («Уважайте дар божий, без него худо жить на свете, кто его не чтит, того господь накажет»).

Следует отметить восприятие маленькими детьми процесса выпечки хлеба, прикосновения к наследию предков, и праздника как родственных:

«*Pokaždé dostaly poplamenici a po malém bochánku, švestkami neb jablky plněném, což se jim dříve nestávalo*» (10).

(«*Всякий раз получали они по лепешке и пирожку со сливами или яблоками, чего раньше не водилось в доме*») (10).

Кулинаронимы *malému bochánku* ‘лепешки’ и *švestkami neb jablky plněném* ‘сладкие пирожки с фруктовой начинкой’, получаемые внучатами, встраиваются в лексическую стилистическую конструкцию, превращаясь в аллюзию на древние трапезы.

Тема отождествления хлеба и праздника позволяет дальнейшее развитие по мере разворачивания сюжета повести:

«*Před vánočními svátky střídalo se povídání pohádek a zpívání písní s rozprávkami o pečení vánoček, jak má která bílou mouku, mnoho-li dá másla... děti pak těšily se na vánočku... na Jezulátko a na koledu*» (130).

(«*Перед рождественскими святками сказки и песни начинали перемежаться с рецептами сдобных булок; обсуждали, кто сколько кладет белой муки, сколько масла... Дети с наслаждением мечтали о сладких плюшках... колядах и подарках младенца Иисуса*») (130).

Цитата примечательна сочетанием нехудожественного и художественного регистров стиля.

Так, появление стилистического нехудожественного, репрезентированного лексическими единицами со значением ингредиентов сдобного теста *jak má která bílou mouku, mnoho-li dá másla* ‘кто сколько кладет белой муки, сколько масла’, обусловлено существованием обычая готовить к рождественской трапезе особые виды сладкой снеди. Кулинароним *vánočku* ‘испеченные из теста сдобные булочки’ обретает в тексте символическую функцию. Лакомства в сознании маленьких детей, наряду с рождественскими развлечениями и подарками, неразрывно связываются с одним из важнейших событий христианского календаря. Прочитанный фрагмент текста являет собой пример раскрытия выразительного потенциала кулинаронимов, вовлекаемых в формирование зевгмы, превращения нехудожественного стилистического в художественное.

Нагрузка, возлагаемая на исследуемую разновидность онимов, характеризуется многослойностью. Так, фигура зевгмы вновь встречается на синтаксическом уровне в составе параллельной конструкции, способствуя возникновению эффекта мягкого юмора, привлекая внимание читателя к особенностям детской психологии.

По мере продвижения вглубь повествования становится очевидной доминанта приема репризы, объектом которой становятся художественно обработанные древние обычаи. Таков случай реминисценции оделять рождественской выпечкой не только детей, но и домашних животных:

«*Na Štědrý den štědrě podělen byl kdekdo, i drůbež a dobytek dostaly vánočku*» (130).

(«*В сочельник всех щедро оделяли гостинцами, даже птица и домашний скот получали сдобные булки*») (130).

В тексте упоминается также языческий ритуал умилоствления природных стихий⁶ подношением им хлеба:

«*a po večeři vzala babička ode všeho, co k večeři bylo, po kousku, hodila polovičku do potoka, polovic zahrabala do sadu pod strom, aby voda čistá a zdravá zůstala a země úrodná byla, všecky pak droby sesbírajíc hodila “ohni”, aby “neškodil”*» (130).

(«*После ужина бабушка брала понемножку всего, что подавалось на стол: половину бросала в речку, половину зарывала в саду под деревом, чтобы вода была чиста и прозрачна, а земля плодородна. Крошки она собирала и кидала “в огонь”, а то “наделает беды”*») (130).

Пояснение обычая сжигать хлебные крошки, описанного ранее, *aby «neškodil»*, а то ‘наделает беды’, увенчивает анализируемую реминисцентную цепочку.

Богатство стилистического репертуара проявляется в приводимой ниже цитате, в словах Каспара, сына бабушки:

«—Dost dobře jsem se mnohdy měl u mistra, ale vždy jsem si myslil: Kůž bych seděl raději u matky a měl kaši s medem, buchtičky s makovou odvárkou a hrách se zelím, všeska ta dobrá jídla bych vám za to dal. — “Naše jídla”, usmála se babička a přikývla hlavou; “ale ještě jsi zapomněl sušenou míchaninu (ovoce)”» (132–133).

(«— Как ни хорошо порой было у хозяина, а мысль о родине не покидала меня. За то, чтобы дома у матери поесть каши с медом, пирожков с маком и гороху с капустой, я бы с радостью отдал все вкусные блюда, которыми меня угощали. — ... Это все наши кушанья ... — с улыбкой кивала головой бабушка. — Ты позабыл только о сушеных фруктах») (132–133).

Перечисляемые в тексте названия блюд традиционной чешской кухни *kaše s medem*, *buchtičky s makovou odvárkou*, *hrách se zelím*, *sušená míchanina (ovoce)* ‘каша с медом, пирожки с маком, горох с капустой, сушеные фрукты’ облекаются символической оболочкой, оборачиваясь маркерами родного края, родителей, национальных корней.

Многогранность идеи национальной идентичности наблюдается также в противопоставлении отношения к еде в среде простых людей и знати. Выделенный феномен стилистически закрепляется в комбинации различных регистров (кулинарных рецептов, дидактической прозы и собственно художественного типа), оформляющейся оппозицией «крестьянская еда vs господская еда». Крестьянское меню появляется в тексте первым в ответе бабушки на вопрос графини:

«Komtesa chtěla nalít jí kávu aneb čokolády, ale babička se děkovala řkouc, že nepije kávu ani to druhé. ...

— “Jsem od malička naučena snídat polívku, nejvíc kyselou, na to my v horách držíme. Kyselou a brambory k snídání, k obědu brambory a kyselou a k večeři jakbysmet; v neděli kousek ovesného chleba. To je strava chudého lidu v Krkonošských horách celý rok a děkují pánubohu, když o to pouze není, ale bývá často, že se ani otrubů nenajedí. Více do kraje, to už má každý trochu hrachu, bělejší mouky, zelí a všelicos, také kousek masa do roka; těm je už hej”» (85).

(«Гортензия хотела налить ей кофе или шоколад, но старушка отказалась, говоря, что не пьет ни того, ни другого. ...

— Привыкла с малых лет утром есть похлебку, особенно киселю; так уж у нас в горах повелось. Похлебка да картошка к завтраку, картошка к обеду, а без ужина и обойтись можно... В воскресенье кусок овсяного хлеба. Вот какова бедняцкая пища в Крконошских горах круглый год. Люди благодарят бога, когда в этом нет недостатка. А то часто случается, едят одни отруби, да и то не досыта... У тех, которые живут поближе к долине, найдется немного гороху, пшеничной муки, капусты да разной зелени, а раз в год и кусочек мяса сварят. Им не житье, а масленица...») (84).

Главная героиня отказывается от предложенных *kávu* ‘кофе’ и *čokolády* ‘шоколада’, непривычных ей господских напитков. Меню простых людей в Крконошских горах отличается скудостью и неприязательностью, оно ограничивается *kyselou* ‘похлебкой из хлебного кваса, чаще с грибами’ и *brambory* ‘картофелем’, дополняемыми иногда *kousek ovesného chleba* ‘кусочком овсяного хлеба’ или просто *otruby* ‘отрубями’. Крестьянский рацион в долине немного разнообразнее и включает выращиваемые в огороде овощи: *hrach* ‘горох’ и *zelí a všelicos* ‘разную зелень’, приправленные *bělejší moukou* ‘белой мукой’, а раз в год как гарнир к *kousek masa* ‘кусочку мяса’.

Раскрытие стилистического потенциала кулинарной лексики во многом способствует ее синтаксическая аранжировка:

«Kyselou a brambory k brambory a kyselou a k večeři jakbysmet» (85).

(«Похлебка да картошка к завтраку, картошка к обеду, а без ужина и обойтись можно») (84).

Кулинарные номинативы *kyselou* ‘похлебка’ и *brambory* ‘картошка’ в первой части предложения становятся объектом хиазматической репризы, дублируемой хиазмом названий трапез *k snídání* ‘к завтраку’, *k obědu* ‘к обеду’. Тем самым создается эффект ложного гастрономического изобилия и в то же время привлекается внимание читателя к вынужденной ограниченности подаваемых к крестьянскому столу кушаний.

Ритмичность выделенных повторов нарушается заменой привычного сочетания *kyselou u brambory* контекстуальным синонимом обозначения вечернего приема пищи *jakbysmet*. Возникающий таким образом эффект можно интерпретировать и как разновидность обманутого ожидания, закрепляющего и усиливающего эффект хиазма.

Дидактический регистр представлен в беседе графини и бабушки:

«To se mejlíš, stařenko, taková jídla jsou velmi silná, a kdyby ti lidé mohli mít každý den kus masa a dobrého napití, myslím, že by jim to více síly dodalo než všeska ta jídla, co za celý den snědí» (85).

(«— Напрасно ты так думаешь, матушка: вкусная пища очень полезна. Было бы хорошо, если бы бедные люди могли каждый день съедать кусок мяса и запивать его чем-нибудь питательным. От такой еды они, я думаю, стали бы гораздо здоровее, чем от всего того, что съедают за целый день») (84).

Композиция цитаты строится на основе рамочного репризного варианта. Открывающий эпизод парафраза *taková jídla jsou velmi silná* ‘вкусная пища очень полезна’ в виде назидательно-

го *že by jim to více síly dodalo než všechna ta jídla* ‘от такой еды они... стали бы гораздо здоровее, чем от всего того, что съедают за целый день’ закрывает предложение героини.

Очередным звеном в ряду повторов становится кулинароним *víno* ‘вино’, парафраз *dobrého napití* ‘чего-нибудь питательного’. Отмеченная лексическая единица наблюдается в последующей сцене и сопровождается словами о пользе напитка для здоровья *to žaludku tvému prospěje* ‘полезно для желудка’:

«Княжна... podala babičce malý kalíšek naplněný sladkým vínem, řkouc: “Pij, stařenko, to žaludku tvému prospěje!” – Babička pozdvihnouc kalíšek, pravila: “Na zdraví milostivé paní,” a trochu se napila; také přijmala kousek pečiva, aby hostinnost neurazila» (85).

(«Княгиня... подала... [маленькую рюмку сладкого вина] бабушке и сказала: “Выпей, матушка, это полезно для желудка”. Бабушка приняла рюмку и со словами: “За здоровье вашей милости!” – пригубила ее: чтобы не обидеть гостеприимной хозяйки, она взяла и кусочек бисквита») (84).

Нейтральная форма *kus* в рекомендациях графини создает эффект близости со стилем медицинских трактатов.

Примечательно своеобразие раскрытия стилистического потенциала морфологии, в частности выразительных ресурсов диминутивного суффикса *-ek*. Так, субстантивному сочетанию *kousek masa* в реплике бабушки в словах графини соответствует *kus masa*. Наличие диминутива свидетельствует об уважительном отношении крестьян к еде, достигающейся нелегким трудом. Пример можно истолковывать и как переосмысленный приветственный обычай: традиционный каравай хлеба заменяется контекстуальным синонимическим словосочетанием *kousek pečiva* ‘бисквит’, угощением графини, которое принимается гостьей из врожденного чувства такта.

Следует обратить внимание на зеркальность отношения к еде в разных слоях общества. Зеркальность, дублирование некоторых явлений и обычаев в перефразируемом виде, проявляется в обращении к народной мудрости как крестьянами, так и знатью. Таков, например, комментарий главной героини о различии рациона горцев и жителей долины: *těm je už hej* ‘им не житье, а масленица’. Обнаружив свое заблуждение относительно господского рациона, бабушка резюмирует:

«No vidíme, člověk se 84 vždy něčemu přiučí; jáť vždy myslila, že jsou ti velcí páni jen proto tak bledí a mnohdy i suší, že jedí takové lahůdky, co nepřidá žádné síly» (85).

(«– Недаром говорят: век живи, век учишь; а я-то всегда думала, что господа оттого так бледны и худы,

что кушают одни лакомства, которые не дают ни здоровья, ни сил») (85).

Сходная ситуация представлена в диалоге мальчика и графини:

«“Co je to v těch skořápkách, co paní kněžna jí?” ptal se Jan... pošeptmo. – “To jsou mořská zvířátka a jmenují se ústřice,” řekla komtesa hlasitě. – “To by Cilka nejedla, mýnil Jan. – rozličných je na světě krmí, rozličných chutí, milý Jene,” odpověděla slečna» (85).

(«– Что там в скорлупках, которые ест госпожа княгиня? – спросил шепотом... Ян. – Это морские зверушки, они называются устрицы, – громко ответила графиня. – Их бы и Цилька в рот не взяла, – продолжал Ян.

– Разные есть кушанья на свете, разные вкусы, мой милый мальчик, – отвечала графиня») (85).

Замечание ребенка о несъедобности устриц графиня комментирует пословицей *Rozličných je na světě krmí, rozličných chutí* ‘Разные есть кушанья на свете, разные вкусы’.

Зеркальность, дублирование некоторых явлений и обычаев в перефразируемом виде, выступает своего рода усложняющим элементом повтора, что подтверждается в сцене посещения бабушки Гортензией, воспитанницей графини:

«...babička... a netrvalo dlouho, přišla... nesouc s sebou bílý chléb, med, máslo a smetánku. “Snad by vděk přišlo milostslečně ukrojit si kousek chleba”... komtesa, odebírajíc přinesená jídla. Neupejpalá se pranic, ukrojila chleba, jedla i pila; věděla již, že by zamrzelo babičku, kdyby ničehož nepožila» (184).

(«...бабушка... скоро... вернулась... неся белый хлеб, мед, масло и сливки. – Не угодно ли хлебца... Гортензия [принялась] за угощение. Нисколько не церемонясь, она отрезала себе хлеба и начала пить и есть. Девушка знала, что оскорбила бы бабушку, если б ничего не попробовала») (173).

Структура процитированного эпизода идентична эпизоду завтрака в замке графини, но получает несколько иное сюжетно-тематическое оформление. Текст примечателен и как пример авторской реконструкции древнейшего приветственного обычая преподносить домашний хлеб дорогим гостям. Следует обратить внимание на повтор дидактической детали, традиции непременно отведать предлагаемое угощение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Круг используемых в тексте кулинаронимов довольно ограничен и включает основные продукты питания, доступные крестьянам. Древние представления о мироустройстве репрезентированы описаниями обычаев предков, в том числе сжигать хлебные крошки и отдавать их вместе с корками домашним и лесным животным, а также угощать их по особым случаям праздничной выпечкой. Названия нехитрых кушаний кре-

стьянской кухни в новом текстовом окружении функционируют как символы родного края.

Стилистическая витиеватость в анализируемой повести отсутствует. Ведущим композиционным приемом выступает повтор, обнаруживаемый в сюжетно значимых текстовых узлах. Повтор усложняется зеркальностью ключевых образов и обычаев чешской культуры: древнему подношению хлеба и молока соответствует угощение вином и бисквитами в среде знати.

Характерной особенностью стиля Б. Немцова является использование пословиц и пого-

ворок, что способствует созданию аутентичной национальной атмосферы и единства всех социальных слоев.

Единичные примеры кулинарных лексических единиц иностранного происхождения функционируют как маркеры гастрономических предпочтений высшего общества.

Благодаря особой аранжировке трансформированной кулинарной лексики в тексте повести реализуется идея национальной идентичности и создается неповторимое стилистическое художественное целое.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Bartoš F. Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovidy. Telč, 1892. 328 p.
- ² Němcova B. Babička. 1. vyd. ve Světové četbě. Praha: SNKLHU, 1955. 291 p. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Немцова Б. Бабушка: Картины сельской жизни / Пер. с чеш. Ф. Боголюбовой. М.: Худож. лит., 1982. 222 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. С. 476;
- ⁵ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 1995. С. 75; Slovník nespisovné češtiny. 2 vyd. Praha, 2006. С. 17; Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003. С. 59; Изотов А. И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М.: Дрофа, 2012. 1024 с.
- ⁶ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003. С. 59.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 442–449.
2. Валенцова М. М. Магические функции еды в традиционной культуре славян // Традиционное русское застолье. М., 2008. С. 202–215.
3. Валенцова М. М. Терминология хлебов в календарной обрядности чехов и словаков. Типы мотивации // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М.: Индрик, 1999. С. 99–122.
4. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2009. 320 с.
5. Гончарова Е. А. Стиль как поливалентная категория // Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание. 2023. № 4. С. 180–190.
6. Гронская О. Н. Нарративный фантастический дискурс в немецкой этнокультуре: Монография. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. 424 с.
7. Загряжкина Т. Ю. Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 51–76.
8. Зайцева Н. Король развлекается: парадные обеды, галантная кулинария, сервировка и этикет. СПб.: Серебряные ряды, 2024. 192 с.
9. Леви-Строс К. Мифологии: В 4 т. Т. 2: От меда к пеплу. М., 2000. 442 с.
10. Маркова Е. М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15, № 2. С. 152–174.
11. Нидерле Л. Славянские древности. М.: Новый Акрополь, 2010. 742 с.
12. Смирнова Т. Ю. Прагматическое значение versus дискурсивное значение грамматической единицы // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сб. науч. ст. СПб., 2020. С. 113–115.
13. Bednárík R. Duchovná kultúra slovenského ľudu // Slovenská vlastiveda. 2 diel. Bratislava, 1943. P. 7–121.
14. Mláček J., Baláková D., Kováčová V. Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia. Ružomberok: Vyd-vo Michala Vaška (Slovensko), 2009. 221 p.
15. Václavík A. Výroční obyčeje a lidové umění. Praha, 1959. 580 p.
16. Vaněk F. Kalendářní obyčeje z Jihočeského Sabinova: Tereuní Výzkuni z let 1962–1963. Praha, 1969. 78 p.
17. Šipko J. Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokultúrológie. Prešov: FF PU, 2011. 320 p.

Поступила в редакцию 28.08.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Yuliya P. Vyshenskaya, Dr. Sc. (Philology), Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-2870-3026; *clemence_isaure@rambler.ru*

STYLISTIC POTENTIAL OF CULINARY LEXICAL UNITS IN BELLES-LETTRES NARRATIVE

Abstract. The article explores the expressive potential of culinary vocabulary in *Babička* (*The Grandmother*), a novel by the nineteenth-century Czech writer Božena Němcová. Czech cuisine is treated as a symbolic system whose encoded meanings are realized through narrative discourse. Culinaronyms (culinary names) are analyzed as a means of objectifying the concept of national identity and as an object of textual transformation in the literary work – a materialized discourse of abstraction. The relevance of the study is motivated by the need to clarify certain features of style as a complex phenomenon connected simultaneously with linguistic and extralinguistic factors. Its theoretical significance lies in identifying and describing the mechanism by which linguistic units are transformed into units of a fundamentally different nature within the structure of artistic narrative, in the context of the “text-style-discourse” relationship. Analysis of the collected examples reveals how the expressive resources of this group of onyms serve to articulate the author’s intention, how they connect with various levels of the integrated textual structure as well as with phenomena beyond it, and how culinaronyms function both as independent semantic units and as stylistic markers.

Keywords: discourse, culinary vocabulary, text, style, national identity, Czech cuisine

For citation: Vyshenskaya, Yu. P. Stylistic potential of culinary lexical units in belles-lettres narrative. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1336

REFERENCES

1. Barthes, R. Text linguistics. *Novelties in foreign linguistics*. Issue VIII. Moscow, 1978. P. 442–449. (In Russ.)
2. Valentsova, M. M. Magic functions of food in traditional Slavic culture. *Traditional Russian feast*. Moscow, 2008. P. 202–215. (In Russ.)
3. Valentsova, M. M. Bread terminology in Czech and Slovak calendar rituality. Types of motivation. *Slavic and Balcan general linguistics. Lexicological and semantic problems. Word in the context of culture*. Moscow, 1999. P. 99–122. (In Russ.)
4. Gachev, G. D. Science and national cultures. Rostov-on-Don, 2009. 320 p. (In Russ.)
5. Goncharova, E. A. Style as a relational polyvalent category. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2023;4:180–190. (In Russ.)
6. Gronskaya, O. N. Fantastic narrative discourse in German ethnic culture: Monograph. St. Petersburg, 2012. 424 p. (In Russ.)
7. Zagryazkina, T. Yu. Codes of the French cuisine in the context of narrative texts. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2018;2:51–76. (In Russ.)
8. Zaytseva, N. Royal entertainments: ceremonial dinners, gallant culinary, table setting, and etiquette. St. Petersburg, 2024. 192 p. (In Russ.)
9. Levi-Strauss, C. *Mythologiques: In 4 vols. Vol. 2: From honey to ashes*. Moscow, 2000. 442 p. (In Russ.)
10. Markova, E. M. Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: linguistic and methodological aspects. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 2017;15(2):152–174. (In Russ.)
11. Niederle, L. *Slavic antiquities*. Moscow, 2010. 742 p. (In Russ.)
12. Smirnova, T. Yu. Grammatical unit: pragmatic meaning vs discourse meaning. *Proceedings of the Herzen Readings. Foreign Languages*. St. Petersburg, 2020. P. 113–115. (In Russ.)
13. Bednárík, R. *Duchovná kultúra slovenského ľudu*. Slovenská vlastiveda. 2 diel. Bratislava, 1943. P. 7–121.
14. Mláček, J., Baláková, D., Kováčová, V. *Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia*. Ružomberok, 2009. 221 p.
15. Václavík, A. *Výroční obyčeje a lidové umění*. Praha, 1959. 580 p.
16. Vaněk, F. *Kalendářní obyčeje z Jihočeského Sobinova: Tereuní Výzkuni z let 1962–1963*. Praha, 1969. 78 p.
17. Sipko, J. *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturologie*. Prešov, 2011. 320 p.

Received: 28 August 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0004-0925-5904; mg-babalyk@ya.ru

МАЛОИЗВЕСТНОЕ РУКОПИСНОЕ СОЧИНЕНИЕ «СЛОВО НА УКРАШАЮЩИХ СЕБЯ ПРЕЛЕСТНЫМИ РИЗАМИ»

А н н о т а ц и я . Рассматривается малоизвестное русское рукописное сочинение «Слово на украшающих себя прелестными ризами», осуждающее увлечение нарядной одеждой и относящееся к корпусу произведений против пьянства, табакокурения, европейской моды и сквернословия. В центре внимания исследования – история бытования памятника в рукописной традиции XIX – начала XX века. Новизна заключается в том, что данное произведение впервые вводится в научный оборот. На основе анализа 16 списков из различных собраний и регионов автор выделяет две редакции текста – «Сергиевскую» и «Георгиевскую» (по самоназванию списков), отличающиеся как заглавиями, так и составом мотивов. Рассматриваются варианты «Сергиевской» редакции: краткий и вариант, изложенный в жанре видения. Интерес представляет и список-контаминация, демонстрирующий, как механическое соединение фрагмента «Сергиевской» редакции с главой из «Великого Зеркала» «О прелестных женских урядах» образует новый сюжет. В приложении публикуются обе редакции сочинения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : рукописная книжность, текстология, старообрядчество, повесть, нарядные одежды, демонология

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000077-1).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бабалык М. Г. Малоизвестное рукописное сочинение «Слово на украшающих себя прелестными ризами» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 72–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1337

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на возрастающее значение печатной продукции на рубеже XVII–XVIII столетий, роль рукописной книги, бытовавшей в среде духовенства, старообрядцев, а также среди горожан и крестьян, оставалась значительной. Рукописные сборники нередко служили своеобразными учебными пособиями, так как содержали преимущественно назидательные, поучительные и душеспасительные тексты, формировавшие у читателя представления о христианской морали. В этот период складывается значительный корпус произведений, направленных против пьянства, табакокурения, европейской моды и сквернословия. Он включает несколько десятков текстов разной жанровой принадлежности: здесь и повести, и поучения, и духовные стихи, и поэмы, и сатирические сочинения. Все они дошли до нас во множестве списков, охватывающих

период с XVII по XX век, что свидетельствует о их популярности. В этих памятниках отчетливо запечатлелось мироощущение человека переломной эпохи. По наблюдению М. О. Скрипиля, слияние этих разнородных жанров в единую тематическую группу происходит в XVIII столетии; тогда же они попадают и в лубочную традицию¹.

Формирование данного литературного корпуса обусловлено целым рядом факторов, среди которых на первый план выступает стремление удержать древнерусские нравственные ориентиры в условиях интенсивной секуляризации и европейского влияния, особенно ощутимых в годы петровских преобразований и в последующие десятилетия.

Изучение этих памятников в их совокупности оправдано не только единством затрагиваемых в них тем, но и устойчивым взаимообменом мотивами, а также тем обстоятельством,

что они регулярно включались в состав одних и тех же четких сборников, образуя своего рода циклы. Для исследователя ценность этих текстов состоит и в том, что они служат важным источником для изучения русской религиозной этики, а также эсхатологических представлений, в которых новшества воспринимались как знамения грядущего конца света. Наибольшее распространение подобные произведения получили в старообрядческой письменности.

Если сочинения, обличающие пьянство, табакокурение и сквернословие, обращены преимущественно к внутреннему, духовному образу человека, то осуждение пристрастия к нарядной одежде выводит проблему вовне, указывая на видимую принадлежность миру зла. В старообрядческой рукописной традиции XVIII–XX веков отчетливо выделяется особая группа текстов, осуждающих европейский костюм, женские парики, косметику, брадобритие. Значительное число таких сочинений сохранилось в рукописях, вышедших из среды беспоповских согласий – поморского, филипповского, федосеевского, страннического, укоренившихся на Русском Севере и в Прибалтике. Если приверженцы официального православия были в целом склонны принимать культурные и цивилизационные изменения, то старообрядчество ответило на них решительным отторжением.

Памятники данной тематики неоднократно становились объектом исследования, в частности, в трудах Д. М. Львова², М. И. Успенского³, Д. М. Буланина [3], А. В. Пигина [9], [11], Т. Ф. Волковой [4], Т. В. Бровкиной [2], Т. А. Махновец [8], М. Г. Бабалык [1], [11].

«СЛОВО НА УКРАШАЮЩИХ СЕБЯ ПРЕЛЕСТНЫМИ РИЗАМИ»: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПАМЯТНИКЕ

Объектом исследования является малоизвестное рукописное произведение, получившее распространение в старообрядческой книжности, – «Слово на украшающих себя прелестными ризами» (далее: «Слово...»). Эта небольшая по объему повесть построена в форме беседы старца и беса: старец спрашивает, почему бес имеет такой «мрачный» и «мерзкий» вид, бес отвечает, что inferнальные силы сознательно уступили человеку собственный изначально красивый облик, чтобы через наряды и тщеславие увлечь христианские души в погибель. Увлечение нарядами одеждой осмысливается в эсхатологической перспективе как признак наступления «последних времен».

По нашим наблюдениям, сочинение бытует в рукописной традиции преимущественно в со-

ставе тематических подборок в назидательных сборниках, где соседствует с выписками из Священного Писания, книги «Великое Зерцало» и апокрифическими сказаниями. Текстологический анализ списков памятника позволяет увидеть, как частный бытовой запрет трансформируется в универсальный маркер конфессиональной идентичности, сохраняя актуальность вплоть до XX века.

На сегодняшний день нами выявлено и изучено 16 списков «Слова...» первой четверти XIX – первой трети XX века из хранилищ Санкт-Петербурга и Пскова⁴. Рукописи происходят из разных регионов: из Латгалии, Причудья, Риги, с территории Русского Севера и Ленинградской области. Как нами установлено, списки отчетливо распадаются на две основные редакции – «Сергиевскую» и «Георгиевскую», которые различаются не только упоминаниями в заглавиях Сергиева и Георгиева монастырей, но и комплексом идейно-композиционных признаков. Памятник возник, вероятно, на рубеже XVIII–XIX веков. Его редакции, имея общий архетип, развивались независимо друг от друга. Представим каждую из них.

«СЕРГИЕВСКАЯ» РЕДАКЦИЯ

Редакция названа по заглавию списков *«Повесть из древлеписменной книги Властодержицы Сергиева монастыря»* (Прич-172)⁵. Речь идет о Троице-Сергиеве монастыре, основанном в XIV веке преподобным Сергием Радонежским. В одном из списков чтение уточнено: «Сергия Радонежского монастыря» (Охт-133). К этой редакции мы отнесли 10 полных списков⁶ первой четверти XIX – начала XX века из Латгалии, Причудья, Приладожья, с Северной Двины, из Ленинградской области (Охта); два из них иллюстрированные (Сев-19.2.26 и Лен-26). Существует также краткий вариант «Сергиевской» редакции – список третьей четверти XIX века (Лат-226) и список-контаминация первой трети XX века (Прич-158).

«Сергиевская» редакция включает в себя следующие образы и мотивы:

1. В зачине повествуется о явлении беса иноку и присутствует мотив «отцовской заботы». Монах вопрошает слугу дьявола о причинах его невзрачного вида и получает ответ, что тот, как отец родной, заботится о чадах и украшает их, а о себе не печется.

2. Мотив передачи бесами своей красоты людям, особенно девицам, так как именно они, украсившись, могут увлечь за собой в ад весь род человеческий.

3. Мотив стыда и социального отчуждения. Для неимущих и скромных бес подготовил иную ловушку – страх отверженности. Он вынужда-

ет молодых стыдиться скромной одежды: «...*Тех стыдом пленяю и совесть им творю*» (Сев-585 и др.). Человек вынужден следовать моде, потому что без «*щепетного*» (нарядного) платья невозможно «*с человеки совокупитися*» (общаться).

4. Образы Иродиады и Иуды в царстве сатаны. «Прелестные» ризы приводят человека в «*место то, идеже Иродия пляшет и сам сатана со Иудою царствует*» (Прич-172 и др.). Красивая одежда, обольстительная пляска⁷ и предательство Иудой своего учителя Христа приравниваются друг другу.

5. Мотив радости сатаны и определение степени греха. Увлечение нарядами оказывается страшнее языческого поклонения кумирам, чему радуется сатана.

6. Развернутая речь сатаны с «воинскими» метафорами: «ризное украшение» сравнивается им с бритвой, аспидом, стрелами, мечом и объявляется более смертоносным, чем все эти орудия вместе взятые. На земле идет настоящая война за души христиан. Сатана признает, что благодаря нарядам ему не нужно применять дополнительных усилий для склонения людей ко греху.

7. Заключительная формула передачи бесам своего облика людям: «*весь образ добрыи сами с себе сложили и отдали любящим красоту, и того ради злообразни есмы; обаче радуемся, зря чад ваших в дьявольском образе ходящих и служащих отцу нашему сатане*» (Лен-26). «Ризная» красота является в действительности дьявольским образом: видимость и сущность противоположны друг другу.

«Сергиевская» редакция более психологична: бес действует здесь как манипулятор, использующий человеческий стыд для достижения своей цели.

ВАРИАНТЫ «СЕРГИЕВСКОЙ» РЕДАКЦИИ

В списке 1880–1890-х годов (Опоч-2324) в финале имеется дополнительный фрагмент со ссылкой на святого Мартиниана и царевича Иоасафа: «*В житии Иоасафа царевича святой Мартиниан глаголет: “Лучше со дьяволом быти и с ним беседовати, нежели со женами украшенными”*». Авторитет древнего агиографического текста усиливает общую аргументацию, однако к Житию Варлаама и Иоасафа данная цитата не имеет отношения, в нем есть лишь мотив искушения царевича Иоасафа женской красотой⁸. Этот же мотив соблазнения христианского подвижника женщиной в богатых нарядах содержится в Житии Мартиниана Кесарийского, но и здесь приписываемое святому высказывание отсутствует⁹. Близкий фрагмент обнаруживается в некоторых других

памятниках древнерусской литературы. Например, в первом древнерусском уставе Евфросина Псковского [б: 41] находим сближение высказываний святых Исаака и Маркиана:

«*Тако ж и святой Исаак рече: Лучше тебе есть яд смертен, нежели с женою ясти, аще будет мати или сестра по плоти. И святой Маркиан рече: Боле есть с дьяволом беседовати, паче нежели женам блудницам безсрамным; и с дьяволом часто быти, нежели с благообразными женами, скоро бо преложно есть человеческое естество, и добро небрежие, удобие на зло прелагается*»¹⁰.

В уставе Иосифа Волоцкого также имеются подобные размышления:

«*Тем добре глаголет Божественный Маркиан, яко лучши есть с дьяволом беседовати, нежели женам безсрамным, и с дьяволом часто быти, нежели со женами благообразными и украшенными: скоропреложно бо есть человеческое естество, и добро небрегии, удобь прелагается на злое*»¹¹.

Сходное суждение – в «Цветнике» священноинока Дорофея (глава 37):

«*Лучше с дьяволом беседовать, чище будешь, чем разговаривать и находиться рядом с женщинами блудными, безстыжими, приятными лицом и разряженными*»¹².

Имена Мартиниана и Иоасафа могли появиться в списке «Слова...» (Опоч-2324) в результате ошибочного прочтения в источнике имен Маркиана и Исаака или Иосифа (Волоцкого), а также по схожести мотивов житий Варлаама и Иоасафа и святого Мартиниана.

Краткий вариант «Сергиевской» редакции (Лат-226) озаглавлен «Слово от Старчества». В нем инок назван старцем, в зачине отсутствует мотив «отцовской заботы», передача красоты объединяет второй и третий мотивы (перечень см. выше): «*Мы, беси, весь свой образ отдали человеком, любящим красивыя ризы и щепетное платие*». В заключение упоминаются Иродиада и Иуда, после чего включен мотив радости сатаны и добавлена концовка: «*Богу нашему слава!*» В списке имеются небольшие утраты в местах сгоревших краев рукописи, но он представляет собой законченный текст, находящийся в окружении различных выписок, слов, сказаний, поучений, вопросов и ответов. Известен и писец (возможно, он же автор) данного варианта – старообрядец Григорий Иванов Титов из деревни Лапотихи в Латгалии [7: 431].

Сознательной трансформации «Сергиевская» редакция подверглась в варианте конца XIX – начала XX века, озаглавленном «Сергия Радонежского монастыря. Видение мниха», в котором повествование изложено не от третьего лица,

как в других списках, а от первого: *«Мних рече некий: видих диявола»* (Охт-133). Такой прием добавляет сюжету эмоциональности, и история приобретает характер личного свидетельства, духовного опыта.

Особое место в рукописной традиции памятника занимает контаминированный список (Прич-158) первой трети XX века. В нем фрагмент «Сергиевской» редакции (первый – второй мотивы), оборванной на словах «даровах весь образ красоты», объединен с главой из «Великого Зеркала» о видении неким иноком своей грешной матери, сидящей на смрадном змее («О некоем священноиноке иже о матери своей моляся, и какова ему показася за преизлишнее телесное украшение» [5: 376–378]). Текст этой главы примыкает к «Слову...» в Прич-158 со слов: «...с великими слезами молитву Богови принося узре пред собою мать свою...». Объединение, скорее всего, было механическим, но оказалось настолько органичным, что осталось не замеченным переписчиком. Возможно, перед собой он имел протограф с утратой листов. Так, в одной рукописи из того же территориального собрания между «Словом...» и главой о грешной матери на змее (здесь она имеет заглавие «О прелестных женских урядах, имъже беси смеются»)¹³ имеется еще текст «О прелестных женских украшениях» (Прич-172). Таким образом, фрагмент из «Великого Зеркала» оказался композиционно встроены в сюжет «Сергиевской» редакции, благодаря чему появился новый идейный акцент: не обличение бесовского соблазна, а устрашающий пример необратимой посмертной кары за нераскаянный грех украшения. Можно выделить следующие дополнительные образы и мотивы в этом контаминированном тексте:

8. Мотив видения: инок со слезами молится и видит свою умершую мать на смрадном змее, испытывающую адские муки.

9. Мотив страха. Мать утешает сына и говорит, что ему змей не может навредить.

10. Мотив неполного покаяния перед смертью и забытых грехов юности. Мать рассказывает, за что претерпевает муки. Несмотря на праведную жизнь, в юности она любила украшать себя «прелестными ризами», но забыла покаяться в этом.

11. Мотив тщетности посмертных молитв и приношений за умершую. Мать уверяет сына, что никто не сможет освободить ее от вечных мук, и удаляется в преисподнюю.

Описания мучений матери натуралистичны. Тема ризного украшения в этом варианте устрашает читателя, демонстрируя последствия «заботы» бесов о «своих чадах».

«ГЕОРГИЕВСКАЯ» РЕДАКЦИЯ

Другая редакция названа «Георгиевской» также по заглавию: *«Из древлеписменной книги Властодержицы Георгиева монастыря»*¹⁴. Слово на украшающих себя прелестными ризами, и яко удица дияволя есть ризное украшение». Возможно, речь идет о Новгородско-Юрьевском монастыре или о Георгиевском монастыре в Москве. К этой редакции относятся четыре прибалтийских списка последней трети XIX – начала XX века¹⁵. Заглавие текста в них устойчиво.

Редакция включает в себя следующие мотивы:

1. Мотив «отцовской» заботы беса о людях.

2. Мотив передачи бесами своей красоты людям, особенно девицам и, в отличие от «Сергиевской» редакции, юношам.

3. Мотив внушения бесом похотливых мыслей. Здесь также есть образы неимущих, но бес не стыдит их, как в «Сергиевской» редакции, а отвергает в пучину греха:

«а иже от их нецыи убоги и скудны девы, не имеют чим украшатися, но и о тех пекуся, влагаю им мысли и похоти к блудодеянию, да от того обоготятся и украсят себе от блудных деяний» (Лат-16).

4. В редакции усилены апокалиптические мотивы, присутствует тема «последних времен». Бес говорит, что все, от мала до велика, будут заражены грехом, дети научатся у своих родителей. Он сравнивает людей с современниками ветхозаветного Ноя – жившими до потопа грешниками – и перечисляет основные пороки «последних времен»: пение скверных песен, плясание, блуд и прелюбодеяние, пьянство и многоядение, сластолюбие, всякое нечестие.

5. Мотив воцарения сатаны и его радости вместе с бесами, поскольку люди начнут добровольно творить их волю.

6. Четыре главных признака мнимых христиан: женщины прельщают всех красивыми одеждами, нечувственное пьянство, блуд и нечистота, песни и «плясания».

7. Заключительная формула завершения разговора инок и беса: *«Сия вся демон изглаголаво ко преподобному иноку и тако от очю его исчезе»*.

О ЗАГЛАВИЯХ И ССЫЛКАХ НА ИСТОЧНИКИ

Стоит также отметить некоторые вариации в заглавиях обеих редакций. Произведение может именоваться «словом», «повестью» и «видением». Для общего наименования памятника мы выбрали самое устойчивое заглавие из списков «Георгиевской» редакции – «Слово на украшающих себя прелестными ризами». В вариантах «Сергиевской» редакции встречается один раз его усечен-

ный вариант – «Слово о украшении риз» (Опоч-2324). В заглавиях обеих редакций, как уже было сказано, упоминаются монастыри – «Сергиев» и «Георгиев», но, кроме этого, имеются указания книжных источников – «Властодержжицы», «Старчества», «Патерика», в состав которых повесть якобы входит.

Название книги «Властодержжица» древнерусской письменности неизвестно. Само слово означает «имеющая верховную власть»¹⁶. Ссылки на Старчество и Патерик являются ложными, они свидетельствуют о том, что книжники осознали сходство «Слова...» с повестями из патериков (в поздней традиции название «Старчество» часто используется как синоним слова «Патерик»). Такие ссылки часто встречаются в заглавиях старообрядческих повестей [10], [12: 160].

На данном этапе работы трудно сказать, какая редакция первична, каким было первое заглавие «Слова...». Изученные 16 списков достаточно поздние, и обе редакции – «Сергиевская» и «Георгиевская», по всей видимости, развивались параллельно.

ВЫВОДЫ

Анализ 16 списков «Слова на украшающих себя прелестными ризами» позволил выявить две редакции текста – «Сергиевскую» и «Георгиевскую» с отсылками к Сергиеву и Георгиеву монастырю соответственно.

«Сергиевская» редакция получила более широкое распространение, она представлена

десятью полными списками из Прибалтики, Ленинградской области и Русского Севера. «Георгиевская» редакция представлена четырьмя прибалтийскими списками. «Сергиевская» редакция имеет также краткий вариант и одну контаминацию с главой из «Великого Зеркала».

Редакции отличаются заглавиями, мотивами и образами: «Сергиевская» редакция сближает пристрастие к нарядной одежде с предательством Иуды и пляской дочери Иродиады, акцентируя внимание на образах уловленных бесом девушек и мотиве социального отчуждения в случае отвержения «ризных украшений». В «Георгиевской» редакции усилен эсхатологический акцент: в ней представлены грехи «последних времен» и христиане, добровольно идущие в услужение дьяволу.

Общими для двух редакций являются тема «ризного украшения» и первые два мотива: встреча инока с бесом и передача красоты людям. Редакции восходят, вероятно, к общему архетипу, созданному в старообрядческой среде на рубеже XVIII–XIX веков. Дальнейшее выявление списков позволит уточнить данные о времени и месте возникновения «Слова на украшающих себя прелестными ризами».

Ниже публикуются тексты обеих редакций по спискам Прич-172 и Нем-120, которые принадлежат к числу наиболее исправных. Устаревшие буквы древнерусского алфавита заменяются современными, знаки препинания расставляются в соответствии с правилами русской пунктуации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I «Сергиевская» редакция

Повесть из древлеписменной книги Властодержжицы Сергиева монастыря

Инокую некоему явися бес мрачный и мерский и зело темный, ему же глагола старец: «Что ради, окаянне, выше меры пакостен, мерзок и сквернен есмь?». И отвеща ему диявол, яко «не пекуся о себе, но паче крашу яко отец чад своих, желающих украситися zde, и сего ради не ражу о себе. Пекуся же непрестанно, дабы сынове и дщери века сего, веселяся, украшались ризами прелестными, им же оставих краситися и даровах весь образ красоты моея. Паче же украшаю юных дев, тии бо единым ризным украшением могут погубити и свести во ад весь род человеческий паче нас. А иже в мале неции не имущий моего украшения, обаче и тех стыдом облагаю и совесть им творю, яко невозможно, глаголю им, ныне с человеки совокупитися, не имуще щепеткое платье. И того ради и оных побеждаю и тем красоту свою даю, а их хуждыши образ на ся возлагаю и того ради безобразен есмь. И яко истину вам реку, яко едино украшение ризное и своя им воля может всякаго человека привести в место то, идеже Иродия пляшет и сам сатана со Иудою царствует, и яко паче многих бесов едина красота ризная погубляет зрящих на ню. И мы, зря сию, радуемся, и сатана отец наш паче украшающих кумиры веселится, и глаголет, яко “ни едина бритва, ни едина аспида, ни кой стрелы, ни острый мечь не может тако люто умертвити и заклати человека, якоже ризное украшение, ниже аз сатана и вси дияволи тако кого смутити и соблазнити можем, якоже красивыя ризы”.

И сего ради мы, бесовы, весь образ добрый сами с себе сложили и отдали человеком, любящим красоту. И того ради злообразни есмь, обаче радуемся, зря чад ваших в нашем диявольском образе ходящих и служащих отцу нашему сатане».

II «Георгиевская» редакция

**Из древлеписменной книги Властодержицы Георгиева монастыря.
Слово на украшающих себя прелестными ризами, и яко удица дияволя
есть ризное украшение**

Инокую некоему явися бес зело гнусен, и худу имея ризу и раздранну. И глаголя ему старец: «Чесо ради, окаяние, выше меры сквернен и мерзок еси?»

И отвеща ему диявол, яко «я от себе не тшуся украшатися, но пекуся яко отец чадолюбивый украсити моих послужников от христиан, иже любяще украшатися zde, того ради не ражду о себе. Но токмо дабы сынове и дщери века сего украшались прелестными одеждми, ибо я им передаю свою красоту. Паче же всего более украшаю юных дев и юнош, тии бо единым ризным своим украшением могут свести во ад весь род христианский, паче нас, потщатся прелестити человеки.

А иже от них нецьи убоги и скудны девы не имеют чим украшатися, но и о тех пекуся, вьлагаю им мысли и похоти к блудодеянию, да от того обогатятся, и украсят себе от блудных деяний.

Веси ли о сем, колугере, яко мы пред кончиною века сего уловим весь род христианский и будут всю волю нашу исполняти, не токмо иже в возрасте суть мужие и жены, но и малии дети преуспеют на горшая? От родителей бо навькнут всякому злomu делу и потворством их ко всякому греху. Тогда бо нужно наступити время оное своевольным человеком, иже прежде Ноева потопа живше человецы, яко безсловеснии скотие, тому подобно и на кончине века, будут бо христиане безстрашно жити, о законе своем не радяще нимало, всюду будут петы блядивыя песни и многовертимое плясание, к тому же различнии блуды и прелюбодействы умножатся, таже чрезмерное пьянство вкоренится в христианех мнимых, в мужех и женах, от мала и до велика. Частое ядение и питие сластолюбное за обычай примут, а пост и всякое воздержание возненавидят и всякое нечестие за благочестие возлюбят и примут, а наконец и совратятся от пути истиннаго.

Потом воцарится отец сатана, и царство его велико будет на земли, и возвеличится имя его во всех концех земли и до небес. Тогда и мы вкупе с ним возторжествуем, яко приспе время нашего царства, яко исполнися вся воля наша, пленихом к себе от вашего Христа вся сущия христианы. Потом мы будем опочивати и бес труда пребывати, понеже бо тогда человецы весьма возбужают и умудряются на грехи премного, ибо кроме нас и нашего наущения сами примутся волю нашу творити. А над всеми сими вельми утешится и возвеселится царь наш великообластный сатана.

Тех глаголю мнимых христианех. Первое иже от жен и дев красуются щепетными ризами и льстят людей яко удицею. Второе иже в нечувственном пьянстве всегда будут пребывати. Третье иже во блуде и во всякой нечистоте по вся дни будут калятися. Четвертое иже в песнех и плясаниях всегда будут веселитися».

Сия вся демон изглаголав ко преподобному иноку и тако от очию его исчезе.

БАН, Неманское собрание (фонд 76), № 120, л. 324 об.–327 об., последняя четверть XIX века

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Скрипиль М. О. Повести о хмеле [второй половины XVII в.] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. С. 287–292.
- ² Львов Д. М. Легенда о происхождении табака // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1898. Т. 14. Вып. 6. С. 593–600.
- ³ Успенский М. И. Старообрядческое сочинение XVIII в. об одежде // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 2. С. 18–30.
- ⁴ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотека Российской академии наук, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- ⁵ Варианты заглавий этой редакции: «Выписано из древлеписменной книги Властодержицы Сергиева монастыря» (Калик-62), «Слово о украшении риз из древлеписменной книги Властодежцы Сергиева монастыря» (Опоч-2324), «Повесть сия выписана из древлеписменной гниги (sic!) Властодержицы Сергиева монастыря» (Сев-19.2.26), «Выписано из книги старописменной Властодержицы Сергиева монастыря о одеждах» (Лат-344), «Повесть сия выписана из древлеписменной книги Властодержицы Сергиева монастыря» (Зав-19), «О ризном украшении. Патерик скитский» (Лен-26).
- ⁶ Десять полных списков «Сергиевской редакции»: Прич-172, Сев-585, Калик-62, Опоч-2324, Сев-19.2.26, Лат-344, Зав-26, Зав-19, Лен-26, Охт-133.
- ⁷ В приведенной цитате из повести танцует сама Иродиада. Согласно Евангелиям от Матфея (14: 6) и от Марка (6: 21–22), во время празднования дня рождения Ирода танцевала дочь Иродиады; она угодила своим танцем царю, за что попросила в награду голову Иоанна Крестителя на блюде. Такова была месть Иродиады святому за то, что он осудил ее преступный брак с братом мужа.
- ⁸ Димитрий Ростовский. Книга Житий святых. Сентябрь–ноябрь. М., 1767. Л. 367–379.
- ⁹ Димитрий Ростовский. Книга Житий святых. Декабрь–февраль. М., 1762. Л. 459 об.–465.
- ¹⁰ Древнерусские иноческие уставы / Сост. Т. В. Суздальцева. М.: Северный паломник, 2001. С. 49–50.
- ¹¹ Там же. С. 96–97, 212.
- ¹² Цветник священноинюка Дорофея / Пер. с древнерус. Д. Кантова, ред. и коммент. Н. Ларионовой. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского мон., 2005. 431 с.

- ¹³ В список «Великого Зеркала», изданный О. А. Державиной, повесть с таким названием тоже входит, но имеет другое содержание [5: 326].
- ¹⁴ Стоит заметить, что отсылка к монастырям – Сергиеву или Георгиеву – в заглавиях условна, авторы используют ее для придания тексту авторитетности и достоверности.
- ¹⁵ Нем-120, Лат-16, Лат-455, Лат-321.
- ¹⁶ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: В Тип. Императорской акад. наук, 1847. Т. 1. С. 133.

СПИСОК РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ)

- Зав-19 – ИРЛИ, коллекция Заволоко, № 19. Конец XIX века.
- Зав-26 – ИРЛИ, коллекция Заволоко, № 26. Посл. четверть XIX века.
- Калик-62 – ИРЛИ, коллекция Каликина, № 62. XIX век.
- Лат-16 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 16. 1886 год. Писец – настоятель Рижской Гребенщицкой общины С. С. Попов.
- Лат-226 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 226. 3-я четверть XIX века.
- Лат-321 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 321. 1-я четверть XX века.
- Лат-344 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 344. XIX век.
- Лат-455 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 455. Посл. треть XIX века.
- Лен-26 – ИРЛИ, собрание Ленинградской области, № 26. Начало XX века, лицевая.
- Охт-133 – ИРЛИ, собрание отдельных поступлений, 24, № 133 (Охта). Конец XIX – начало XX века.
- Прич-158 – ИРЛИ, Причудское собрание, № 158. 1-я треть XX века.
- Прич-172 – ИРЛИ, Причудское собрание, № 172. 1-я четверть XIX века.
- Сев-585 – ИРЛИ, Северодвинское собрание, № 585. Конец XIX – начало XX века.

Библиотека Российской академии наук (БАН)

- Нем-120 – БАН, Неманское собрание (фонд 76), № 120. Посл. четверть XIX века.
- Сев-19.2.26 – БАН, 19.2.26. Лицевая рукопись (Северодвинская). XIX век.

Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

- Опоч-2324 – Псковский музей-заповедник, ф. 1067 (Опоческого уезда), № 2324. 1887–1897 годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабалык М. Г. К изучению рукописной традиции «Слова о матерной брани» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 7 (144). С. 66–69.
- Бровкина Т. В. Повесть о происхождении табака из «Летописца греческого» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. Вып. 3 (15). С. 74–88.
- Буландин Д. М. Поучение о матерной брани // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 535–539.
- Волкова Т. Ф. Повести и легенды о табаке в контексте мифо-поэтических представлений о смерти // Смерть как феномен культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1994. С. 75–95.
- Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1965. 439 с.
- Корогодина М. В. Устав Евфросина Псковского: к вопросу об источниках // Русская литература. 2018. № 4. С. 40–47. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-40-47
- Маркелов Г. В. Латгальские рукописные находки 1981 и 1982 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. Т. 39. С. 426–443.
- Махновец Т. А. Повесть о Хмеле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3. С. 212–213.
- Пигин А. В. К изучению демонологических сказаний о табаке: рукописная повесть конца XVIII – начала XIX века «о мнихе и о бесе» // In Umbra. Демонология как семиотическая система: Альманах. М.: Изд-во РГГУ, 2012. № 1. С. 331–344.
- Пигин А. В. «Слово от Старчества»: Беседа инок Захарии с учеником Евфимием об антихристе – малоизвестное старообрядческое сочинение XIX в. // Круги времен: В память Елены Константиновны Рододановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 406–422.
- Пигин А., Бабалык М. «Справедливая критика на табак» (XIX век): вопросы генезиса, поэтики и истории текста // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2017. Вып. 5. С. 7–19.

12. Смирнов Д. Д. Статьи «От Старчества» в рукописных сборниках XVII–XIX вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск: ГПНТБ, 1992. С. 156–174.

Поступила в редакцию 14.01.2026; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Marina G. Babalyk, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0004-0925-5904; mg-babalyk@ya.ru

A LITTLE-KNOWN MANUSCRIPT TALE “THE WORD ON THOSE WHO ADORN THEMSELVES WITH DECEITFUL VESTMENTS”

Abstract. The article examines a little-known Russian manuscript work, “The Word on Those Who Adorn Themselves with Deceitful Vestments”, which condemns the pursuit of ornate clothing and belongs to a corpus of writings against drunkenness, tobacco smoking, European fashion, and foul language. The study focuses on the history of this work’s existence within manuscript culture from the XIX to the early XX century. The scholarly novelty lies in the fact that this work is introduced into academic circulation for the first time. Based on an analysis of sixteen copies from various collections and regions, the author identifies two versions of the text – the “Sergian” and the “Georgian” (named after the self-identification in the manuscripts) – which differ by their titles and the composition of their narrative motifs. The article also examines two variants of the “Sergian” manuscript: a short version and a version written in the genre of a vision. Of particular interest is a hybrid manuscript, which demonstrates how a formal combination of a fragment from the “Sergian” version with a chapter from *The Great Mirror* titled “On Deceitful Female Adornments” creates a new narrative. Both studied versions of the manuscript are provided in the annex.

Key words: manuscript tradition, textology, Old Believers, tale, ornate clothing, demonology

Acknowledgements. This study was funded from the federal budget as part of a state research task (No 124022000077-1) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Babalyk, M. G. A little-known manuscript tale “The Word on Those Who Adorn Themselves with Deceitful Vestments”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):72–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1337

REFERENCES

- Babalyk, M. G. On study of manuscript tradition “Word About Obscene Language”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. Social Sciences and Humanities Series. 2014;7(144):66–69. (In Russ.)
- Brovkina, T. V. “The Tale on the Origin of Tobacco” from the *Greek Chronicler*. *Bulletin of Syktyvkar University*. Humanities Series. 2020;3(15):74–88. (In Russ.)
- Bulanin, D. M. “A Teaching on Foul Language”. *Dictionary of scribes and book culture of Ancient Rus’*. St. Petersburg, 2004. Issue 3 (XVII century). Part 4: T–Ya. Supplements. P. 535–539. (In Russ.)
- Volkova, T. F. Tales and legends about tobacco in the context of mythopoetic conceptions of death. *Death as a cultural phenomenon: Interuniversity collection of research papers*. Syktyvkar, 1994. P. 75–95. (In Russ.)
- Derzhavina, O. A. *The Great Mirror and its fate in Russia*. Moscow, 1965. 439 p. (In Russ.)
- Korogodina, M. V. The monastic rules of Euphrosynus of Pskov: the sources. *Russkaya literatura*. 2018;4:40–47. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-40-47 (In Russ.)
- Markelov, G. V. Latgalian manuscript finds of 1981 and 1982. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. 1985;39:426–443. (In Russ.)
- Makhnovets, T. A. “The Tale of Hops”. *Dictionary of scribes and book culture of Ancient Rus’*. St. Petersburg, 1998. Issue 3 (XVII century). Part 3. P. 212–213. (In Russ.)
- Pigin, A. V. On studying demonological tales about tobacco: a manuscript tale of the late XVIII – early XIX centuries “On a Monk and a Demon”. In *Umbra: Demonology as a semiotic system*. Moscow, 2012. No 1. P. 331–344. (In Russ.)
- Pigin, A. V. “The Word from the Elders”: The dialogue of Monk Zachariah with his disciple Euthymius on the Antichrist – a little-known Old Believers’ work of the XIX century. *Circles of time: In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya*. Moscow, 2015. Vol. 2: Studies. Dedications and memoirs. P. 406–422. (In Russ.)
- Pigin, A. V., Babalyk, M. G. “A Fair Critique of Tobacco” (XIX century): issues of genesis, poetics, and textual history. *Text and tradition: Almanac*. St. Petersburg, 2017. Issue 5. P. 7–19. (In Russ.)
- Smirnov, D. D. Articles “From the Elders” in manuscript collections between the XVII and the XIX centuries. *Russian books in pre-Revolutionary Siberia: Hand-written and printed books in the east of the country*. Novosibirsk, 1992. P. 156–174. (In Russ.)

Received: 14 January 2026; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

ИРИНА ИВАНОВНА МАТВЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент департамента филологических наук Института гуманитарных наук Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3529-3459; matv1@yandex.ru

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ САТИРА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПОЭТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА

А н н о т а ц и я . В творчестве Андрея Платонова 1920–1930-х годов выделяется особый сатирический пласт, связанный с изображением еды и продовольственного обеспечения, который ранее не был предметом системного анализа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнить этот пробел. Цель предлагаемой статьи – выявить новаторский характер гастрономической сатиры Платонова как целостной системы неклассического типа. Для установления ее генезиса привлекаются публицистика, поэзия, ранние тексты Платонова, пьеса «Шарманка». Рассматривается, как тема еды становится ключевым инструментом для социально-политического анализа и выражения философских взглядов писателя на суть коммунистического общества. С опорой на историко-биографический, историко-литературный, контекстуальный и интертекстуальный методы гастрономическая сатира рассматривается в связи с биографией писателя, классической сатирической традицией и культурно-идеологическим контекстом эпохи. Мотивный и сюжетный анализ реализуется в разборе гастрономических мотивов пьесы «Шарманка», которые структурируют ее сюжет и становятся основой для политической аллегории. Доказывается, что в гастрономической сатире Платонова соединились традиционные приемы комизма с диалогическим принципом слияния голоса автора и персонажей, а беспощадная социальная критика – с философской амбивалентностью и сочувствием к «маленькому человеку». Выводы подтверждают, что гастрономическая сатира писателя – это целостная художественная система неклассического типа и особая форма социальной мысли. Значение полученных результатов заключается в том, что они вводят в научный оборот новый аспект сатирического наследия Платонова и создают основу для анализа сатиры подобного типа в русской литературе XX века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Андрей Платонов, неклассическая сатира, диалогическая сатира, пищевой код, искусственная еда, гротеск, «Шарманка»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Матвеева И. И. Гастрономическая сатира Андрея Платонова: поэтика и социальная критика // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 80–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1338

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Андрея Платоновича Платонова (1899–1951) середины 1920-х – начала 1930-х годов воспринималось современниками как социальная сатира. Платонов действительно обладал даром остроумия, «соленой и желчной резкостью» [20: 26], умением «играть словом и образом» [18: 96]. Л. Гумилевский отмечал выраженное «сатирическое начало в этом по-чеховски деликатном и снисходительном человеке» [7: 62]. Платоновский смех мог быть и очень злым, особенно если критика касалась общественных пороков. Но в сочетании с любовным отношением к человеку труда, глубокой укорененностью в философской мысли и традиции

Серебряного века сатира писателя обрела неклассическую «архитектоническую» форму, под которой М. Бахтин понимал особые отношения автора, героя и читателя¹. Вслед за Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и сатириконтцами Платонов пришел к диалогической концепции бытия, о чем мы писали ранее (см.: [15: 36]). Он подверг «сомнению концепцию готового мира, тождественного себе человека и истины как отвлеченной идеи» [19: 27–28]. Его героичудаки ищут истину в области экзистенциальных смыслов, а произведения демонстрируют «сочетание комического и трагического», «экзистенциальную вневременность и внепространственность» [10: 199].

Сатира Платонова диалогична в бахтинском понимании, поскольку, в отличие от монологической сатиры (где автор однозначно высмеивает объект), предполагает синкретизм объекта и субъекта, множественность голосов и разные точки зрения героев и автора. Смеховой код в платоновских произведениях не всегда опознается. Ирония автора настолько зашифрована, а границы между серьезным и комическим так стерты, что авторское высказывание нельзя трактовать однозначно. Оно получает «возможность двоякого истолкования одних и тех же исходных символов. Причем <...> в смысле самом фундаментальном – онтологическом» [12: 212]. Природу платоновской сатиры помогает понять его собственное высказывание: «Сатира – это исключительное искусство идеи и мысли»².

В последние годы гастрономическая тема все чаще становится объектом исследований. Авторы выявляют, что пищевые практики являются отражением религиозных верований народа, маркерами материального состояния, общественного статуса человека [22], определяют ценностные ориентиры эпохи [6], отражают «лингвокультурную картину мира» [5: 708], а гастрономический код «перекликается с рядом иных культурных кодов – растительным, природным, мифологическим и др.» [17: 775]. По мнению И. В. Якушевич, пища человека соотносится с основополагающими библейскими символами, связанными со «здоровьем и жизнью», «почитанием Бога», жертвой [21: 48].

Творчество Платонова с его «скудным» миром и существованием персонажей на грани жизни и смерти, казалось бы, исключает гедонистическое восприятие пищи. Говоря о работах, посвященных теме еды у писателя, следует упомянуть исследования Э. Рудаковской [16], К. Когута и Н. П. Хрящевой [13], Н. Б. Бугаковой [4], Л. И. Румянцевой и др. Исследователи К. А. Баршт и Н. И. Дужина хотя и не рассматривали тему еды у Платонова как самостоятельную теоретическую проблему, однако заложили основу для подобного исследования, связав пищевой код в творчестве Платонова с политическим контекстом [8] и фундаментальными темами жизни и смерти [1]. Особую значимость для понимания платоновской сатиры имеют наблюдения Л. В. Карасева, в трудах которого разработана концепция «онтологической поэтики» [11]. Нельзя не согласиться с автором, что за смеховыми формами в произведениях Платонова скрываются глубинные смысловые структуры. Мысль филолога

о том, что смех у писателя не комический прием, а способ философского постижения действительности, открывает перспективу для анализа его гастрономической сатиры.

Цель настоящей статьи – раскрыть специфику гастрономической сатиры Платонова как целостной художественной системы неклассического типа, для чего проследить ее генезис и эволюцию, исследовать механизмы сатирической типизации в их сочетании с автобиографической, лирической и философской составляющей.

У ИСТОКОВ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ САТИРЫ: БИОГРАФИЯ И РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО

Как инженера-практика Платонова особенно волновала продовольственная проблема. В его произведениях тема еды, преодоления голода и смерти занимает одно из центральных мест. Одна из причин – детство в небогатой многодетной семье, в которой не все младенцы выживали, а он регулярно ходил к состоятельным родственникам Лобочихиным с запиской от матери, «содержащей мольбу об одолжении одного-двух рублей» [14: 35–36].

Платонов относился к еде с бережностью. Но хлеб для него был гораздо больше, чем средство насыщения: полноценная и достаточная пища представлялась основой благосостояния народа. Однако и материальное благополучие было ценно не само по себе, а как способ достичь небывалой высоты, которую Платонов назвал «революцией духа», подразумевая под ней обретение коллективного разума, который «будет тем рычагом, каким человек приподнимет и изменит вселенную»³. Именно поэтому герои Платонова мечтают о породах животных, способных накормить все человечество, думают о создании искусственной еды. Иногда это выглядит трогательно и наивно, а иногда сопряжено с негативной сатирической оценкой.

Показательно, что писатель впервые обратился к сатире в голодный 1921 год, когда он близко соприкоснулся с трагедией Поволжья. Возможно, картины умирающих деревень всколыхнули его собственную боль – утрату брата и сестры, отравившихся грибами в 1921 году. Работая в газете «Воронежская коммуна» и выезжая в поволжские деревни в качестве журналиста, он был потрясен увиденным: «Засуха 1921 года произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление» (из автобиографии Платонова 1924 года)⁴. В это время Платонов в статьях «Коммунист! покажи, что ты коммунист», «Равенство в страдании» выступал с гуманистических позиций, призывая коммуни-

стов разделить с голодающими тяготы, отказаться от дорогих вещей ради спасения людей:

«Вот голод. И кто же, кто из нас, негодных, бьется с ним? <...> Человечество – одно дыхание, одно живое, теплое существо. Больно одному – больно всем. Умирает один – мертвеют все. <...> Распыление волжского страдания по всей России, наложение на каждого человека, от Ленина до грузчика, камня голода <...> вот что надо» (I–II: 203).

В тяжелое время ему были особенно ненавистны «разбрюзгшие на ворованных харчах» «барыни» и «солидные мужчины» – «мертвые души в советских брничках» (I–II: 169). В фельетоне «Душа человека – неприличное животное» (1921) писатель пообещал им скорую народную расправу. Но не меньшее отвращение вызывали рабочие, расхищавшие зерно и муку в голодный 1921 год. Свое негодование Платонов выразил в фельетоне с помощью сатирических образов беременных мужчин, с трудом доходящих с работы домой под тяжестью спрятанного на животе зерна (I–II: 170). Платонов понимал, что сатира в такое сложное время – опасный жанр, но подобно герою-повествователю чувствовал себя «динамитом действительности» и «радовался своей справедливости» (I–II: 168).

Если голод 1921 года вызвал в творчестве Платонова волну публицистических статей, то процессы нового районирования, коллективизация, а также сопровождавший ее голод в ряде мест – уже художественный отклик. В это время появляются такие его произведения, как «Че-Че-О» (1928), «Впрок» (1931), «Заблуждение на родине компота» <1931>, «Ювенильное море» (1932), «Шарманка» (1930–1931), «14 Красных избушек» (1933) и др., а записные книжки пестрят заметками о хлебозаготовках, животноводстве, молочно-овощных совхозах, питании в кооперативных столовых. Платонов возмущался отсутствием поддержки сельского хозяйства со стороны партии: «ЦС ничего не отвечал на самые большие вопросы крайорганизации. Безобразия! Отвечать нужно, безответственность деморализует организацию»⁵. Эта и другие записи – свидетельство того, что Платонова глубоко волновала проблема обеспечения страны продуктами питания, что он серьезно собирал материал, ставший основой его гастрономической сатиры.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ САТИРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Как инженер-практик и человек, имеющий опыт работы в государственных структурах, Платонов видел слабые места в руководстве сельским хозяйством. Автобиографическое начало

продиктовало его сатире диалогические отношения автора и персонажей, поэтому в повести «Город Градов» (1927) главный герой Шмаков неотделим от самого Платонова. Высмеивая попытки бюрократов списать катастрофическое состояние крестьянства на некий «недород», критикуя бесконечные совещания и бессмысленный документооборот, Платонов ни на минуту не забывал полгода, проведенные им в Тамбове в качестве заведующего подотделом мелиорации. Автобиографизм придал повести лирическое исповедальное начало, в значительной степени редуцирующее комизм.

Платонов вслед за Н. Ф. Чужаком и В. Маяковским считал литературу особым способом жизнестроения, инструментом социального проектирования, поэтому в своем сатирическом творчестве не только вел полемику с хозяйственной политикой партии, но и давал практические советы по улучшению продовольственного снабжения страны. Используя этот инструмент, Платонов в финале повести «подсказывает» способ наладить дела в сельском хозяйстве – распустить раздутый бюрократический аппарат.

В духе социального проектирования выстроен и рассказ «Усомнившийся Макар» (1929), в котором главный герой Макар Ганушкин предлагает практические решения продовольственной проблемы: провести от станционной платформы до Москвы «молочную трубу», «чтобы не гонять вагонов с пустой молочной посудой» (IV–II: 47), ускорить возведение зданий новым способом заливки строительных форм. Однако самостоятельность Макара жестко пресекается: горе-рационализатору выдаются деньги на обратный билет в деревню.

Платонов вплетает в повествование сатирические выпады, обращенные к сельскохозяйственной политике. Так, на требование местного «вождя» Чумового сделать ему жеребенка Макар ответил: «Мяса нет, а то бы я сделал» (IV–II: 44). В двусмысленном ответе Макара за наивностью скрывается намек на полуголодное существование деревни. По дороге в Москву безбилетный Макар не обиделся на требования контролера покинуть вагон, поскольку контролер ссаживал крестьянина на полустанке, где есть буфет. Макар увидел в этом заботу власти о нем, раз она «не просто гонит, а предлагает буфет» (IV–II: 44). В действительности «центр» мало заботился о крестьянском пропитании, сконцентрировавшись на снабжении городов и рабочего класса. Не случайно Макар, путешествуя по Москве и видя толпы людей с кожаными мешками под мышками (чиновничьи портфелями),

делает заключение: «Много харчей надо, чтобы питать такое телодвижение» (IV–II: 44).

Еще более крамольные мысли высказывает товарищ Макара Петр, который жалуется на то, что ему «яства хочется, а партия говорит: вперед заводы построим, – без железа хлеб растет слабо» (IV–II: 56). По мнению Петра, хорошее питание получает не народ, а чиновничество: «Иной одну мысль напишет на квитанции, – за это его с семейством целых полтора года кормят» (IV–II: 56). И вновь в финале рассказа писатель, иронически переосмысливая слова Ленина о кухарке, управляющей государством, предлагает возможный проект народного самоуправления, который, как и в повести «Город Градов», сводится к упразднению бюрократии и расширению полномочий простых людей.

Платонов считал, что продовольственную проблему страны можно решить только путем рационального хозяйствования. Так, в рассказе «Автодор⁶ в деревне Увязке» (1929), написанном как иронический ответ на кампанию дорожного строительства в деревне, Платонов «подсказывает» местным крестьянам, живущим подобно щедринским глуповцам бестолково, как преодолеть отсталость деревни и наладить в ней снабжение. Для этого следует использовать выделенные машины не для нерентабельной выработки электричества и откачки воды из колодца, а по назначению – для доставки товаров из города в деревню и из деревни в город.

В рассказе «Заблуждение на родине компота» (1931) объект сатиры – безумные способы решения продовольственной проблемы. Главным героем Журкин получил задание улучшить снабжение рабочих продуктами. Журкин представляет людей в виде котлов, «в которых горит хлеб, овощи и мясо, а постное масло идет на смазку организмов» (IV–II: 112). Упрощенное и механическое представление о человеке рождает у героя столь же примитивные способы заготовок, за что в финале он был понижен в должности.

Таким образом, сатирические произведения Платонова середины 1920-х – начала 1930-х годов становятся средством социального проектирования, где автор, с одной стороны, опирается на партийные директивы и высказывания руководителей государства, а с другой – реализует принцип проективной литературы.

САТИРИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ТЕМЫ ЕДЫ В ПЬЕСЕ «ШАРМАНКА»

Обратимся к пьесе «Шарманка» (1930–1931), в которой еда, практики ее добычи и приготовления, разговоры о еде и пищевые ритуалы

стали средством социальной и политической критики. Платонов использует здесь прием сочетания несочетаемого: библейский мотив кормления народа соединен с элементами карнавального типа и формами «площадной и балаганной народной комики» [2: 487–488]. В центре сюжета – деятельность песчано-овражного кооператива по заготовке продовольствия. Работа его председателя Игната Никаноровича Щоева столь бестолкова, что довела пайщиков до голода. Щоев следит за отчетами по заготовке продовольствия, о самом же продовольствии заботится мало, сетуя на то, что люди слишком много едят:

«Народ нынче прожорлив стал: строит какие-то кирпичные корпуса, огорожи, башни и три раза обедать хочет, а я сиди и угощай каждого! Трудно все-таки быть кооперативной системой!» (IV–II: 210).

О том, что народ в районе живет впроголодь, говорят многочисленные детали: дети, глядящие в окна кооператива, мужики, просящие хоть что-нибудь из еды: «Грыбки, Игнат Никанорович, червиветь начинают. Дозвольте скушать работникам прилавка – иль выдать массе!» (IV–II: 204). Но Щоев отказывается дать даже бросовый продукт, чтобы сохранить для отчетов видимость заготовок:

«Щоев (<...> Евсею). Это ты грыбки мучаешь второй год?

Евсей. Это не грибы, Игнат Никанорович, это соя в виде грибов, а я ее замариновать приказал... <...> люди все могут поесть, а что толку! Пускай лучше материализму побольше будет, а людей и так хватает.

Щоев (задумчиво). Ты прав на все сто с лишним процентов. (В трубу). Не трожь грибов, чертова саранча: пускай лежат в виде фонда!» (IV–II: 204).

Из диалога следует, что Щоеву важны бумаги, а не люди, число которых он вслед за английским экономистом Т. Мальтусом⁷ готов сократить ради собственного благополучия.

Платонов, разумеется, хотел видеть свои пьесы на сцене, а потому пытался сделать их «подцензурными», что «толкало писателя к необходимости их тщательной “шифровки”» [13: 22]. Охранной грамотой он сделал партийные постановления и публикации в центральных газетах, отсылки к которым неизменно включал в свои сатирические произведения. В пьесе «Шарманка» Платонов направил стрелы сатиры на кооперативную систему, которая, будучи ключевым компонентом экономики в годы нэпа, уже к середине 1920-х годов была лишена самостоятельности и подчинена плановым органам государства. Курс на коллективизацию и вовсе вынес кооперативам приговор. Они были объявлены

полукулацкими и превратились в придаток государственной системы. Высмеивая кооперативы как допустимый объект, Платонов использовал двойной код для маскировки критики продовольственной программы СССР.

Раскроем глубже объект сатиры в пьесе. Платонов обратился в ней к проблеме продовольственного кризиса, возникшего на рубеже 1920–1930-х годов. Правительство изыскивало способы накормить страну, поэтому со страниц газет звучали призывы «искать новые пищевые ресурсы» [9: 238]. Платонов видел множество способов решения продовольственной проблемы, но в то же время понимал, что бюрократизм затормозит любое полезное дело. Он обыгрывает это в первом акте, в сцене, где на кооператив буквально с неба сваливаются «альтернативные пищевые ресурсы»: стая гусей и прочих птиц и приплывший косяк рыбы. Но Щоев вместо того, чтобы заготавливать птицу и рыбу, объявляет эти сказочные дары интервенцией:

«Откуда-то эта птица-сволочь еще появилась! Так было покойно и планомерно, весь аппарат взял себе установку на организацию мясных рачьих путин, а тут эта птица мчится – заготовь ее попробуй!» (IV–II: 210).

Доводя до абсурда неспособность Щоева накормить народ, Платонов устами его помощника Евсея предлагает простой выход – вместо внеплановых заготовок мяса пальнуть по птичьей стае из пушки и таким образом «решить» проблему. Но вместо птиц пушка выстрелила в людей, с энтузиазмом перевыполнивших план. Так сцена заготовок превращается в жесткую критику кооперативов и хлебозаготовок 1928–1930-х годов и одновременно в метафору сокрушительного удара государства по потребкооперации.

Еще более жестко гастрономическая тема решена в сцене бала – испытания новых формы еды, в которой она переводится в план «материально-телесного низа» [3: 411]. Платонов и в ней не перестает быть идеологическим писателем, в комическом ключе обыгрывая кампании посева альтернативных пищевых ресурсов: конопля, маки, клещевина, соя («Правда», 1930, №№ 151, 154, 155 и др.). Но в исполнении Щоева содержание передовиц превращается в пародию, поскольку заведующий предлагает есть подножный корм:

«Мы нарвем любых злаков – мы муку из рыбы сделаем, раков вытащим из воды, птичий помет обратим в химию, суп составим из сала от мертвых костей и квас заварим из дикого меда пополам с муравьиной кислотой... <...> Мы всю природу в яство положим, всех накормим дешевым вечным веществом» (IV–II: 216).

Мотив псевдопищи создает гротескное единство карнавального смеха, политического контекста и философской мысли начала XX века. Отметим, что идея искусственной пищи в начале XX века носилась в воздухе. Еще В. Вернадский в своем труде «Научная мысль как планетное явление» предсказывал, что ученые-химики создадут пищу в обход труда крестьян, А. Гастев и В. Хлебников также размышляли об альтернативных способах питания. В романе А. А. Богданова «Красная звезда» (1908) говорится о синтезе белковых веществ, а в антиутопии Е. Замятина «Мы» внедрение искусственной еды привело к войне и гибели крестьянства. Тема псевдопищи в комическом ключе обыгрывается в рассказе Платонова «Заблуждение на родине компота» и пьесе «14 Красных избушек», где американец Стерветсен питается таблетками.

По мнению исследователей, еда и образы, связанные с ней, соотносятся как с языческими верованиями славян, так и с библейскими обрядами и символами. Актив, собравшийся для испытания «новой» пищи – шей из кустарника с дубовым салом, котлет из чернозема, вина из уксуса с махорочной крошкой, – мыслит эту странную еду как приобщение к коммунистической вере и как возможность «одновременно с преображением своего физического тела <...> приступить к одухотворению» [1: 72], к революции духа, о которой Платонов мечтал в начале своего творческого пути. Но причащение псевдопищей оборачивается бессмысленной жертвой и болезнью, которые символизируют невозможность усвоения народом подобной «еды».

Торжественность гастрономического бала подчеркивается ритуальной официальной частью – докладом Щоева, чей стиль имитирует газетные передовицы и сталинские речи⁸. Эта стилизация работает на разоблачение: сцена решена в карикатурном ключе и обнажает идеологическую пустоту ритуала. Сравним речь Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года с выступлением Щоева:

«Сталин: Характерная черта нынешнего состояния народного хозяйства заключается в том, что мы имеем перед собой чрезмерное отставание *темпа развития* зернового хозяйства от *темпа развития* индустрии, как факт, при колоссальном росте спроса на товарный хлеб со стороны растущих городов и промышленных пунктов. <...> *необходим быстрый темп развития* нашей индустрии»⁹.

«Щоев. Ввиду же *роста темпов* аппетита масс перед нашей коопсистемой встала одна *явная необходимость* <...> преодолеть какую-то явную недооценку чего-то... Для сего нужно лишь проглотить пищу <...>. Нынче же мы должны испытать в глубине своих туло-

виш силу новой пищи, которую мы заготовили из *самотечных* природных матерьялов. Да здравствует пятилетка в четыре года» (IV–II: 219).

Речь Щоева сопровождается бурными овациями аплодирующего аппарата – сатирический выпад в адрес торжественных собраний, где аплодисменты были неотъемлемой частью сценария и нередко заранее репетировались подготовленными людьми.

Политический контекст сцены усиливается вводом в действие иностранного профессора-пищевика и его дочери Серены, приехавших в русскую глубинку, чтобы купить «ударную душу» СССР. На вечер испытания новых форм еды профессор принес собственный набор продуктов для его всестороннего изучения. Но на балу «буржуазную» еду «изучают» только Щоев и Евсей, тогда как самому профессору и его дочери приходится есть кашу из саранчи и муравьиных яичек:

«Серена. Папа! Это – саранча! Они едят вредителей. Евсей. Верно, барышня. Мы вредителей прячем в себя. Серена. Тогда вы будете вредным...» (IV–II: 220).

В двусмысленном диалоге профессорской дочери и Евсея писатель обыгрывает созданный в конце 1920-х годов миф о «вредительстве» внутренних врагов. Диалог содержит намеки на политические процессы 1929–1930 годов¹⁰, а также пародирует речи руководителей страны, в которых часто употреблялись слова «вредители» и «вредительство». Например, срыв хлебозаготовок 1928–1929 годов Сталин объяснил вредительством кулаков и специалистов. Г. К. Орджоникидзе, выступая на XVI съезде ВКП(б), привел «показания» некоторых «буржуазных специалистов», объявленных в следствии по делу Промпартии «вредителями»¹¹. В диалоге Серены и Евсея, используя прием игры слов, Платонов развенчивает политическую паранюю: мифологема «вредительство» оборачивается процессом самоотравления системы, где каждый, кто «прячет в себе вредителя», то есть ест (в подтексте: поглощает духовную пищу тотальной подозрительности), сам становится жертвой этой же системы.

Усиливая сатирический эффект, Платонов в сцене бала использовал контраст между «избранными» гостями и людьми, оставшимися за стенами кооператива, но постоянно заглядывающими в окна и просящими хоть какой-нибудь еды: «Нам хоть невкусное... Хоть мутного» (IV–II: 223). Но Щоев и его актив остаются равнодушными к просьбам народа. Успокаивая население, Евсей говорит: «Здесь ведь научный

вечер – тут мучаются из-за вас, братец ты мой» (IV–II: 224).

Постепенно радость насыщения сменяется у гостей ужасом болезни. Танцы превращаются в конвульсии страдающих от отравления людей. Стерветсен еле сдерживает позывы рвоты: «Благодарю, – говорит он. – Пища не вышла, она усвоилась вглубь» (IV–II: 224). На что Евсей отвечает, подводя итог эксперименту: «Если даже вас не вырвало, то наше население сроду не заблюет...» (IV–II: 224). Так Платонов, используя физиологические преувеличения и отказываясь от эстетических норм, показывает трагические изменения в жизни людей, которые не могут переварить «пищу» нового времени.

И все же нельзя не согласиться с Э. Рудаковской, отметившей, что в художественно-философской системе Платонова «прием пищи по своей образности выходит за рамки чистой физиологии» [16: 8]. Поглощение еды у писателя соотносимо с духовным окормлением. Щоев, предлагая гостям несъедобную пищу, таким образом подменяет духовность ее суррогатом, делает народ подопытным кроликом в преступном эксперименте.

Так с помощью гастрономических мотивов Платонов разоблачал абсурд советской системы и пренебрежительное отношение к рядовому человеку. Название пьесы, задающее образ громоздкого устаревшего музыкального инструмента, становится символом бюрократического аппарата, под чью бездуховную механическую музыку вынужденно танцуют граждане Советского государства.

Народ в пьесе вызывает скорее сочувствие (Опорных, Алеша, человек с мусорным голосом, дети). Простые люди могли бы легко решить проблему продовольствия: они с энтузиазмом ловят рыбу, заготавливают птицу, собирают грибы и ягоды. Но попытки централизовать заготовки оборачиваются своей противоположностью: бюрократизм лишает людей инициативы, делает их беспомощными, а задачу кормления народа (материального и духовного) – невыполнимой. Так с помощью гастрономических мотивов Платонов затронул болевые проблемы государства, предсказывая катастрофические последствия репрессивной аграрной политики. Соединение разных планов – конкретно-бытового, социально-политического и образного – сделало сатиру Платонова не только обличительной, но и экзистенциально-глубокой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гастрономическая сатира Платонова – это целостная художественная система и форма социальной мысли. Это сатира неклассического типа,

сочетающая критику государства и его идеологии с гуманистическим посылом. Платонов, опережая свое время, использовал в ней следующие новаторские приемы:

- множественность голосов, когда разные точки зрения сталкиваются без явного доминирования одной, в том числе авторского голоса;
- стирание грани между серьезным и ироническим высказыванием;
- карнавальность народной смеховой культуры, где высмеивание лишено прямого осуждения;
- амбивалентность образов, в которых осмеяние социального порока сочетается с сочувствием к простому человеку;
- автобиографизм и лирическая рефлексия – ироническое обращение к своим прошлым взглядам и опыту;
- «грузофикация» (термин, введенный конструктивистами) – повышенная смысловая нагрузка как на отдельные слова, так и на целые фрагменты текста;

– интертекстуальность в широком понимании термина, отсылки к широкому политическому и философскому контексту;

– отсутствие окончательных оценок и открытость интерпретации.

Своеобразие платоновской сатиры состоит не только в приведенных выше положениях, но и в том, что в ней воплощены важные идеи начала XX века. Платонов связал социальную и политическую критику с идеей жизнестроения, сделав сатиру одновременно инструментом социального воздействия и своеобразным пособием по решению продовольственной проблемы. Его гастрономическая сатира глубоко философична, поскольку связывает материальное благополучие с «революцией духа», о которой грезил поколение молодых воронежских пролеткультовцев. Еда и ее отсутствие становятся у Платонова сложными символами, обозначающими несовершенство мира, духовную пустоту и бездушное отношение власти к человеку.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ К сожалению, М. М. Бахтин в статье «Сатира» для «Литературной энциклопедии» лишь намечил некоторые черты сатиры XX века, но не дал ее развернутого изложения. Однако в труде «Проблемы поэтики Достоевского» в рамках концепции полифонического романа он сформулировал принципы диалогизма, которые могут быть соотнесены с сатирой неклассического типа.
- ² Платонов А. П. Общие размышления о сатире – по поводу, однако, частного случая // Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / Сост., коммент. Н. В. Корниенко. М.: Время, 2011. С. 166.
- ³ Платонов А. П. Сочинения. Научное издание / Под ред. Н. В. Корниенко. Т. I–IV. М.: ИМЛИ РАН, 2004–2020 (Продолжающееся издание). С. 171, 194. Далее тексты цитируются по этому изданию с указанием римскими цифрами тома и через двоеточие страницы в круглых скобках.
- ⁴ Андрей Платонов. Личное дело / Сост. О. Ю. Алейников, М. В. Бычков. Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013. С. 180.
- ⁵ Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. С. 86.
- ⁶ Автодор – общество содействия дорожному строительству и автомобилизации СССР. Существовало в 1927–1935 годах.
- ⁷ Томас Мальтус (1766–1834) – английский экономист. В своем труде «Опыт о законе народонаселения» (1798) он высказал мысль о том, что разрыв между темпом роста населения и производством продуктов питания неизбежно ведет к бедности, голоду и социальным катаклизмам. На этом основании он считал эпидемии и войны сдерживающими положительными факторами.
- ⁸ В конце 1920-х – начале 1930-х годов заголовки газет буквально кричали о темпах развития индустрии и сельского хозяйства, пятилетке и т. д., на разные лады перепевая речь Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года, где он критиковал самотек и требовал стойко преодолевать трудности.
- ⁹ Сталин И. В. Собрание сочинений: В 18 т. М.; Тверь, 1946–2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://grachev62.narod.ru/stalin/index.htm> (дата обращения 12.03.2026).
- ¹⁰ В 1930 году газета «Правда» освещала судебный процесс по делу «Промпартии» в ноябрьских и декабрьских номерах (№№ 324–343). Передовица о вредительстве «Вредители рабочего снабжения расстреляны» опубликована в № 265.
- ¹¹ Орджоникидзе Г. К. Вредительство в советском аппарате // Правда. 1930. № 183. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. 480 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
4. Бугакова Н. Б. Гастрономический код ранних рассказов А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 4 (55). С. 60–66.

5. Волошина Т. Г., Глебова Я. А. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 4. С. 707–714.
6. Вольская Н. Н. Пищевой код в русской литературе XIX века // Актуальные проблемы стилистики. 2024. № 10. С. 136–140.
7. Гумилевский Л. Судьба и жизнь // Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 52–73.
8. Дужина Н. И. Мелодии шарманки // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 514–531.
9. Дужина Н. И. Новые материалы к истории текста произведений Платонова 1930–1931 гг.: «Котлован», «Шарманка», «Ювенильное море» // Архив Платонова. Кн. 1. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 237–269.
10. Заманская В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
11. Карасев Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М.: РГГУ, 1995. 102 с.
12. Карасев Л. В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. 221 с.
13. Когут К., Хрящева Н. П. Поэтика драматургии А. П. Платонова конца 1930-х – начала 1950-х годов: межтекстовый диалог. СПб.: Нестор-История, 2018. 280 с.
14. Ласунский О. Г. Житель родного города: Воронежские годы А. Платонова. 1899–1926. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. 208 с.
15. Матвеева И. И. Неклассическая сатира А. П. Платонова: эстетические принципы, новые смыслы // Вестник МГПУ. 2020. № 3 (39). С. 35–44. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.39.3.04
16. Рудаковская Э. Семиотика пищи в произведениях Андрея Платонова. Тарту: Tartu University Press, 2005. 179 с.
17. Селиверстова Е. И. Единицы культурного кода как выразитель авторского взгляда на мир в романе М. Степновой «Хирург» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. № 3. С. 771–785.
18. Славин Л. Портреты и записки. М.: Сов. писатель, 1965. 255 с.
19. Федяева Т. А. Диалог и сатира. Проблемы поэтики сатиры неклассического типа. СПб.: Союз писателей России, 2013. 284 с.
20. Явич А. Думы об Андрее Платонове // Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 23–30.
21. Якушевич И. В. Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. 2023. № 84 (3). С. 45–57.
22. Яременко Н. Н. Синтаксис стола: гастрономический код русской культуры: Монография. М.: Рус-сайтс, 2026. 144 с.

Поступила в редакцию 30.03.2026; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Irina I. Matveeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Moscow City University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3529-3459; matv1@yandex.ru

ANDREI PLATONOV'S GASTRONOMIC SATIRE: POETICS AND SOCIAL CRITICISM

Abstract. The article explores a distinctive satirical strand in Andrei Platonov's works of the 1920s–1930s associated with the depiction of food and food supply, an aspect that has not previously been subjected to systematic analysis. The relevance of the study is due to the need to fill this gap. The article is aimed at identifying the innovative nature of Platonov's gastronomic satire as an integral system of a non-classical type, drawing on his journalism, poetry, early prose, and the play *The Hurdy-Gurdy*. The article explores how the theme of food functions as a key tool for socio-political criticism and expressing the writer's philosophical vision of the essence of communist society. Employing historical-biographical, historical-literary, contextual, and intertextual methods, the study situates gastronomic satire within Platonov's biography, the classical satirical tradition, and the cultural and ideological context of the era. Motif and plot analysis is applied to the gastronomic motifs of *The Hurdy-Gurdy*, which structure the plot and serve as the foundation for political allegory. The article demonstrates that Platonov's gastronomic satire combines traditional comedy techniques with the dialogical principle of merging the author's and characters' voices, and that it couples unsparing social criticism with philosophical ambivalence and compassion for the "little man". The findings confirm that the writer's gastronomic satire constitutes an integral artistic system of a non-classical type and a distinctive form of social thought. The significance of these results lies in introducing a new dimension of Platonov's satirical heritage into scholarly discourse and in establishing a framework for analyzing satire of this type in twentieth-century Russian literature.

Key words: Andrei Platonov, non-classical satire, dialogical satire, gastronomic code, artificial food, grotesque, *The Hurdy-Gurdy*

For citation: Matveeva, I. I. Andrei Platonov's gastronomic satire: poetics and social criticism. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):80–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1338

REFERENCES

1. Barsht, K. A. Poetics of Andrei Platonov's prose. St. Petersburg, 2005. 480 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. Issues of literature and aesthetics. Studies of various years. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. M. The works of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow, 1990. 543 p. (In Russ.)
4. Bugakova, N. B. The gastronomic code of A. Platonov's early short stories. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2024;4(55):60–66. (In Russ.)
5. Voloshina, T. G., Glebova, Ya. A. Gastronomic code as the mean linguistic and cultural environment reflection (based on the example of African languages and cultures). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2022;41(4):707–714. (In Russ.)
6. Volskaya, N. N. Food code in Russian literature of the XIX century. *Actual Problems of Stylistics*. 2024;10:136–140. (In Russ.)
7. Gumilevsky, L. Fate and life. *Memoirs of contemporaries. Materials for biography*. Moscow, 1994. P. 52–73. (In Russ.)
8. Duzhina, N. I. Hurdy-gurdy melodies. “The country of philosophers” by Andrei Platonov: *Problems of creativity*. Issue 5. Moscow, 2003. P. 514–531. (In Russ.)
9. Duzhina, N. I. New materials on the history of Andrei Platonov's texts of 1930–1931: *The Foundation Pit, The Hurdy-Gurdy*, and “A Juvenile Sea”. *Platonov's archive*. Book 1. Moscow, 2009. P. 237–269. (In Russ.)
10. Zamanskaya, V. Existential tradition in Russian literature of the XX century. Dialogues at the turn of the century. Moscow, 2002. 304 p. (In Russ.)
11. Karasev, L. V. Ontological view of Russian Literature. Moscow, 1995. 102 p. (In Russ.)
12. Karasev, L. V. Philosophy of laughter. Moscow, 1996. 221 p. (In Russ.)
13. Kogut, K., Khryashcheva, N. P. Poetics of Andrei Platonov's dramas in the late 1930s – early 1950s: intertextual dialogue. St. Petersburg, 2018. 280 p. (In Russ.)
14. Lasunsky, O. G. A resident of his native city: Voronezh years of Andrei Platonov. 1899–1926. Voronezh, 2007. 208 p. (In Russ.)
15. Matveeva, I. I. Andrei Platonov's non-classical satire: aesthetic principles, new meanings. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2020;3(39):35–44. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.39.3.04 (In Russ.)
16. Rudakovskaya, E. Semiotics of food in the works of Andrei Platonov. Tartu, 2005. 179 p. (In Russ.)
17. Seliverstova, E. I. Units of cultural code as exponent of the author's view of the world in M. Stepnova's novel “Surgeon”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024;3:771–785. (In Russ.)
18. Slavin, L. Portraits and notes. Moscow, 1965. 255 p. (In Russ.)
19. Fedyaeva, T. A. Dialogue and satire. Problems of poetics of non-classical type of satire. St. Petersburg, 2013. 284 p. (In Russ.)
20. Yavich, A. Thoughts about Andrei Platonov. *Memoirs of contemporaries. Materials for biography*. Moscow, 1994. P. 23–30. (In Russ.)
21. Yakushevich, I. V. The food code in “The Master and Margarita” by M. A. Bulgakov. *Russian Language at School*. 2023;84(3):45–57. (In Russ.)
22. Yaremenko, N. N. Syntax of the table: gastronomic code of Russian culture: Monograph. Moscow, 2026. 144 p. (In Russ.)

Received: 30 March 2026; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petrsu.ru

АКСИОСФЕРА «СОРТАВАЛЬСКОГО ЦИКЛА» Б. АХМАДУЛИНОЙ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются аксиологические доминанты стихотворений Б. Ахмадулиной, написанных летом 1985 года в Карелии, предложен подход к их анализу, учитывающий своеобразие позднего творчества поэтессы. Особого внимания заслуживают авторские стратегии в области выражения системы ценностей, своего рода «поэтика умолчаний», когда о важных для лирической героини ценностях (этических, эстетических, религиозных) говорится не прямо, а метафорически и перифрастически. Среди поэтических приемов, которые приоткрывают для читателя аксиосферу этих стихотворений, – использование поэтических топосов и повторов, указывающих на их особую значимость в картине мира поэта. В числе таких топосов – часто встречающиеся противопоставления своего и чужого, верха и низа, света и тьмы, образ сада (восходящий к Эдему) и образ монастырского острова Валаама, а также имена, представляющие русскую и мировую культуру, – Державин, Пушкин, Блок, Набоков, Менделеев, Врубель, Ибсен и др. Нетривиальность поэтического языка дополняет и отчасти маскирует ценностный консерватизм поздней Ахмадулиной, опирающейся на христианский канон и традицию русской поэзии XIX – начала XX века. Стилистически ярко выраженный принцип затрудненной формы помогает поэтессе, возвращаясь к традиционным ценностям русской культуры, не быть стереотипной, уравнивать *locus communis* высокой степенью самобытности поэтического текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лирика, поэтика, северный текст, ценностный анализ, Карелия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шилова Н. Л. Аксиосфера «сортавальского цикла» Б. Ахмадулиной // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 89–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1339

ВВЕДЕНИЕ

«Сортавальский цикл» – стихотворения, написанные Б. Ахмадулиной во время поездки в Сортавалу в июне 1985 года – уже несколько раз привлекал внимание исследователей и как самостоятельная художественная общность, и как часть книги стихов «Сад» (1987), в которую вошли большинство написанных Ахмадулиной в Карелии поэтических текстов (девятнадцать из двадцати, с отступлением от хронологического порядка и без указания даты и места¹; дата, место и хронологический порядок воспроизведены в более позднем издании²). Во всех случаях эти стихотворения изучались преимущественно с точки зрения поэтики времени и пространства [1], [7], семантики отдельных образов [11], [12], [13], но не в аксиологическом ключе, хотя исследователи попутно уделяли внимание эстетическим и мировоззренческим вопросам, неразрывно связанным

с аксиологическими координатами творчества поэтессы.

Систематическое освоение ценностных ориентиров поэтического наследия Ахмадулиной, как нам представляется, оставалось на периферии внимания из-за долгое время доминировавшего в отечественном литературоведении преимущественного интереса к формальной стороне поэзии и ее многочисленным интертекстуальным связям (хотя и в этих аспектах наследие поэтессы исследовано пока непропорционально мало, как и в целом поэзия поколения шестидесятников). Аксиологический подход в литературоведении вызывал всегда много дискуссий, а иногда и открыто скептическое отношение, порой даже понимался «как субъективнооценочный, не опирающийся на анализ» [9: 130]. В результате ценностная парадигма поэзии оставалась если не за пределами, то на обочине научного обсуждения, вытесняемая в лучшем случае

в поле литературной критики, вопреки самой природе искусства, транслирующего (правда, не всегда прямо) те или иные ценности автора, эпохи, культуры и т. п. С середины 1990-х годов в отечественной науке, впрочем, интерес к изучению аксиосферы русской литературы заметно активизировался [3], [4], [5], [8], хотя методологические подходы в этом поле порой существенно разнятся и дискуссия не окончена [9: 132–133].

«ПОЭТИКА УМОЛЧАНИЙ» Б. АХМАДУЛИНОЙ И ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ «СОРТАВАЛЬСКОГО ЦИКЛА»

Изучение ценностных ориентиров поздней лирики Ахмадулиной затруднено еще и некоторыми особенностями авторской художественной стратегии, особенно в последний период творчества. Эта стратегия не только опирается на традиции высокой классики XIX столетия, отсылки к которой в «сортավальском цикле» довольно много, но и обращена к опыту модернистской лирики Серебряного века. Среди таких особенностей – неоднократно отмеченная исследователями перифрастичность и метафоричность стиля [1: 88], «с помощью которых создается эффект “отстраненности” при созерцании какого-либо объекта»³, а также то, что можно было бы назвать «поэтикой умолчаний». Эта «поэтика умолчаний», кстати, отрефлексирована в «сортավальском цикле» самой поэтессой:

«Не признавайся, соловей,
не растолковывай, мой дальний,
в чём смысл страдальческой твоей
нескладницы исповедальной.

Пусть всяко понимает всяк
слов и пауз двуединость,
утайки маленькой пустяк –
заветной тайны нелюдимость» (с. 249).

Отмечать в этих стихотворениях слова с прямым оценочным или ценностным значением порой сложно. При поверхностном прочтении может показаться, что их здесь мало, что «сортավальский цикл» – это отстраненные северные пейзажи и книжные реминисценции, сфокусированные на природных образах Севера с изысканными и подчеркнута формализованными фонетическими инструментами:

«Лапландских летних льдов недалняя граница.
Хлад Ладоги глубок, и плавлен ход лады.
Ладони ландыш дан и в ладанке хранится.
И ладен строй души, отверстой для любви» (с. 227).

Ситуация осложняется и многочисленными тропеическими смещениями, когда ключевые для цикла и часто ценностно отмеченные слова

появляются не в ожидаемых контекстах, а в неожиданных местах. Например:

«Красе цветка отечественна здравость
темнот застойных и прохладных влаг.
Он полюбил чужбины второзданность...» (с. 241)

Это строки из стихотворения о цветах Приладожья. Речь идет о том, что цветок ириса прижился на чужой земле, освоился. Эта яркая и прихотливая метафорика между тем вводит слова «отечество» и «чужбина», мало того, что обыгрывающие цитату из любимого Ахмадулиной Пушкина («нам целый мир – чужбина, Отечество нам Царское село»), но и отсылающие к теме своего и чужого, магистральной для «сортավальского цикла», написанного на границе русского и скандинавского миров. То же и в другом стихотворении:

«Округла полночь. Всё свежо, всё внове.
Я из чужбины общей ужоу
и возвращаюся в отчее, в ночное, ночное – что?
В ночное – что хочу» (с. 223).

И здесь «чужое» и «отчее», но речь и на этот раз идет не об общественных вопросах, не о границах стран и культур, а об интровертном погружении лирической героини в ночные поэтические труды. При этом само слово «отчее» становится важной частью тезауруса сортավальских стихотворений, маркируя особое внимание автора к теме происхождения, корней, традиции, выраженное, впрочем, очень деликатно, не «в лоб». Аксиосфера этих текстов строится на принципе повторяющихся не прямых указаний на значимые для лирической героини явления, а не на раскрытии или комментировании понятий или риторике прямого призыва к читателю эти ценности разделить. Перформативность поэтического текста здесь доминирует над его информативностью и публицистичностью.

Среди поэтических приемов, которые не скрывают, а, наоборот, открывают для читателя аксиосферу лирической героини (она представляется предельно близкой в сортավальских стихотворениях их автору), – использование ряда поэтических топосов и их повторы, указывающие на особую значимость этих образов в картине мира поэта. В числе таких топосов – часто встречающиеся противопоставления верха и низа, света и тьмы, образ сада (восходящий к Эдему) и образ монастырского острова Валаама. Большинство этих топосов, особенно первые в ряду, кодировали аксиосферу русской литературы задолго до появления «сортավальского цикла». Чуть позже в русскую литературу входит образ Валаама. В стихотворениях цикла они встречаются

и по отдельности, но часто соседствуют. Мотив подъема (верх – низ) и образ Валаама находим, например, в следующих строках:

«Наверху возлежит триумфальный валун.
Без оглядки взошла, но меня волновало,
что на трудность подъема уходит весь ум,
оглянулась: сиял Белый скит Валаама» (с. 209).

Или в другом стихотворении:

«Не то, чтоб я забыла что-нибудь, –
я из людей, и больно мне людское,
– но одинокий мной проторен путь:
взойти на высший камень и вздохнуть
и всё смотреть на озеро морское».

В финале его тоже появится упоминание монастырского острова:

«Я думаю: вернуться ль в род людей,
остаться ль здесь, где я не виновата
иль прощена? Мне виден ход ладей
пред-ладожский и – дальше и левей –
нет, в этот миг не видно Валаама» (с. 213).

Всего в двадцати стихотворениях цикла Валаам упоминается шесть раз. Он показан Ахмадулиной как монастырский остров. Это существенно, поскольку в советском искусстве 1960–1970-х годов такое видение не являлось определяющим. Так, в пейзажных стихотворениях и на гравюрах А. Авдышева Валаам предстает как чисто природный феномен, вне всякой видимой связи с историей монастыря – в фокусе внимания сосны и скалы, монастырь не упоминается, христианские символы отсутствуют⁴.

Свет – еще один предмет поэтического исследования лирической героини, оказавшейся в ситуации белой ночи. Оппозиция свет – тьма может выступать, часто одновременно, и в значении природных явлений, и как метафора добра и зла, знания и невежества и т. п.:

«На любованье маленьким оттенком
уходит час. Светло, но не рассвет.
Сверяю свет и слово – так аптекарь
то на весы глядит, то на рецепт» (с. 206).

«В жемчужной раковине ночи,
в ее прозрачной свето-тьме
не знаю я сторонней нови,
ее гонец не вхож ко мне» (с. 217).

Тема света и тьмы в прямом и символических значениях этих образов находит свое детализированное решение в стихотворении «Вся тьма – в отсутствии, в опале. . .», финал которого переводит бытовую неурядицу, отключение электричества, в философский диалог поэтессы и электрика, каждый из участников которого работает со своей версией «света» – в прямом или метафорическом смысле:

«Электрик, загулявший на ночь,
сурово смотрит на зарю
и говорит: “Всё сочиняешь?” –
“Всё починаешь?” – говорю.

Всяк о своем печётся свете
и возгорается, смеясь,
залатанной электросети
с вот этими стихами связь» (с. 226).

Мотив света неотделим здесь от обсуждения ценности творчества, дела, служения.

Образ монастырского сада – еще один из ряда топосов, связывающих образность сортавальских стихотворений Ахмадулиной с аксиологической традицией русской словесности. Флористические мотивы буквально наполняют «сортавальский цикл»:

«Фиалки, водосбор, люпин,
качанье перьев, бархат мантий.
Но ирис боле всех любим:
он – средоточье черных магий» (с. 247).

Июньская Карелия показана как царство черемухи, фиалок и сирени, и это цветочное буйство – не самая распространенная в лирике репрезентация карельского ландшафта [10: 215–216]. Неудивительно, что сортавальские стихотворения органично вошли в книгу «Сад». В максимально сфокусированном виде образ монастырского сада появляется в пятнадцатом по счету стихотворении и сразу отсылает к христианской традиции и образам монашеской жизни:

«Тьмам цветений назначил собор Валаам.
Был ли молод монах, чье деянье сохранно?
Тосковал ли, когда насаждал-поливал
очертания нерукотворного храма?» (с. 235)

Это пространное в шестьдесят восемь строк стихотворение о монастырской сирени, посаженной давно и сохранившейся сквозь века до приезда на остров героини. Сам образ монастырского сада меньше всего нуждается, наверное, в комментариях, он прозрачен и отсылает к устойчивой образности христианской литературы, к *hortus conclusus*. Монастырский сад Валаама в этом стихотворении существует в напряженном конфликтном мире, сад то и дело подвергается опасностям, но находит в себе силы выживать в самые сложные времена:

«Наплывали разбой и разор по волнам.
Тем вольней принималась сирень разрастаться.
В облаченье лиловом вставал Валаам,
и смотрело растенье в глаза святотатца» (с. 236).

Финальное четверостишие о таинственном садовнике, охраняющем у себя монастырскую сирень в эпоху, явно современную написанию

цикла, то есть советскую и официально атеистическую, в буквальном смысле рифмует сирень и смирение, и это тот редкий случай, когда аксиологически отмеченное слово не спрятано, а сказано явно и помещено в сильную позицию – конец текста:

«Был забыт и прощён ее скромный герой:
ответ острова сердце склоняет к смирению.
От свершений мирских упасаем горой,
пусть сидит со своей монастырской сиренью» (с. 236).

Последние строки Т. Алешка относит, может быть, и не совсем точно фактически, но в сущности очень пронизательно, к позиции не персонажа – таинственного садовника, а лирической героини цикла, тождественной позиции самой Ахмадулиной, предполагая, что поэтесса так «сравнивает свое уединение с монашеством, заточением» [2: 50], и отмечая: «Лирическая героиня Ахмадулиной добровольно выбирает бездомность, аскетизм, “устав монастыря”, чтобы ничто не отвлекало от главного в жизни – поэзии» [2: 49].

Тема христианских ценностей не единственная в «сорттавальском цикле». Но образ монастырского сада – один из ключевых. Помимо стихотворения, прямо сфокусированного на истории монастырской сирени, рассредоточенно этот образ присутствует как частым упоминанием цветов, так и не менее частым использованием лексики, восходящей к христианским сюжетам и практикам. Особенности поэтики Ахмадулиной, о которых было сказано в начале статьи, тот принцип затрудненной формы, который определяет эту поэтику, особенно когда речь заходит о системе ценностей хрупкой и интровертной лирической героини, ведут к тому, что статус христианских мотивов в «сорттавальском цикле» оказывается дискуссионным для разных исследователей. И если Т. Алешка включает эти поэтические тексты в свой анализ религиозных тем в позднем творчестве Ахмадулиной [2: 48–50], то М. Михайлова считает, что

«христианский пласт ахмадулинского сада едва выявляется, в нем еще нет места Богу, библейские мотивы добавятся к языческим и станут структурообразующими позже в 90-х гг., в ЛК (лирической книге. – Н. Ш.) “Возле елки”» [7: 193].

С последним утверждением не позволяют согласиться многие строки сорттавальских стихотворений, тезаурус которых прямо отсылает к христианской традиции, даже когда эта лексика отнесена к природным явлениям: о птице сказано «стенает какой-то пернатый отшельник» (с. 209), о ночной бабочке – «Всё отгоняю крылья херувима // от маленького ада ночника» (с. 222), о се-

верном пейзаже – «Средь схемы световой – такая сила схимы // в зрачке, что сил других не остается мне. // Лицо и речь – души неодолимый подвиг // В окладе хладных вод сияет день молодой» (с. 228).

Возможно, большой объем книги «Сад» заслонил от исследовательницы некоторые важные детали, хорошо заметные именно в компактном «сорттавальском цикле». Так, анализируя флористические мотивы «Сада», М. Михайлова уделяет преимущественное внимание семантике образа черемухи как наиболее репрезентативного для Ахмадулиной [7: 194–197] и лишь в одном абзаце коротко отмечает возможное значение образа сирени, противопоставляя ее черемухе:

«Сирень также связана с творчеством, но в отличие от черемухи, маскирующей “свое” пространство, явно принадлежит к пространству “чужому”, имеет отношение к чужому мифотворчеству, к скандинавской мифологии, к эпосу Калевалы – к пространству мифа и культуры» [7: 197].

Между тем семантика образа сирени у Ахмадулиной может быть осмыслена и в связи с христианской темой. Во-первых, сирень – значимый элемент ландшафта Валаама. Старинные сирени действительно сохранились в монастырском саду до наших дней. В каталоге сортов русской сирени есть даже сорт с названием «Валаам»⁵. И тогда то движение от черемухи к сирени, которое обозначено в начале стихотворения о монастырском саду –

«Лишь июнь сорттавальские воды согрел –
поселения опальных черемух сгорели.
Предстояла сирень, и сильней и скорей,
чем сирень, расцвело обожанье к сирени» (с. 235),

может быть прочитано как движение не к скандинавскому мифу, но к христианской традиции, которым отмечено пребывание лирической героини у стен монастыря. Кроме того, «обожанье к сирени» заставляет вспомнить о Пастернаке, чье влияние на становление и самоопределение поэтессы подробно освещено в работе Т. Алешки [2: 91–99] и не вызывает сомнений у других исследователей творчества Ахмадулиной. Сирень часто встречается у Пастернака и может быть названа «акцентированным образом его поэтического мира» [6: 107]. А поэтический мир Пастернака – несомненно одна из нитей, связывающих Ахмадулину с все той же христианской традицией русской литературы. Пушкин и Пастернак заставляют поэтессу с конца 1970-х годов все более глубоко погружаться в исследование христианской темы, что накладывает свой отпечаток на аксиосферу ее поздней лирики.

В сортавальских стихотворениях подняты и другие важные для Ахмадулиной темы – тайны бытия, тайны творчества, любви к человеку, преемственности культуры. Почти в каждом стихотворении автор возвращается к темам познания и творчества, которые коррелируют с религиозной картиной мира, но не ограничиваются и не исчерпываются ею. Напряженные философские медитации лирической героини, оказавшейся на границе миров – в прямом смысле, русского и скандинавского, в то же время связаны с ее ценностным самоопределением. Выражением аксиологических координат автора в этих текстах становятся кроме уже рассмотренных топосов имена представителей русской и зарубежной культуры – Державина, Пушкина, Блока, Набокова, Менделеева, Врубеля, Ибсена и др. Целая интеллектуальная вселенная! Так утверждается творчество как высшая ценность бытия.

В этих философских по своему характеру стихотворениях между эстетической и аксиологической проблематикой нет конфликта или соперничества: христианские ценности для героини цикла интегрированы в самую сущность поэтической традиции, имманентны ей:

«Вся тьма – в отсутствии, в опале,
да несподручно без огня.
Пишу, читаю – но лампы
нет у людей, нет у меня» (с. 224).

Лампада здесь и часть церковной утвари, и отсылка к пушкинской формуле белой ночи – «пишу, читаю без лампы», и еще одна вариация мотива света как метафоры блага, разнообразно представленного в сортавальских стихотворениях.

В сортавальском уединении поэтесса как будто находит ту точку, в которой эстетическое и религиозное переживания, поэзия и молитва едины вне смущающей работы разделяющего всё и вся рассудка:

«О чём уста ночных молитв
так воздыхают и пекутся?
Сперва пульсирует мотив
как бы в предсердии искусства» (с. 248).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим высокую аксиологическую активность «сортавальского цикла» Б. Ахмадулиной. Обусловлено это качество фокусом

внимания автора на экзистенциальных вопросах, постоянном мысленном движении от быта к бытию. Свое влияние здесь оказали и общая динамика творчества Ахмадулиной 1980-х годов, и место создания стихотворений – Север, и близость к Валааму, который воспринимается автором в контексте религиозной традиции, не только чисто эстетически. Аксиосферу «сортавальского цикла» формируют, как следствие, главным образом те традиционные ценности русской культуры, которые соотносимы с христианской картиной мира, но не ограничены ею. Они находят свое формальное выражение в сортавальских стихотворениях в первую очередь через топосы «верх – низ», «свет – тьма», «сад», «монастырь», «книга», а также обращение к целому ряду значимых для автора / лирической героини имен Державина, Пушкина, Блока, Набокова, Менделеева, Врубеля, Ибсена и др. Одновременно этот ценностный традиционализм уравновешен или, возможно, даже где-то закамуфлирован выразительными поэтическими новациями в области поэтики и стилистики – тропов, особенностей словоупотребления и т. п. Система повторов при этом надежно фиксирует ключевые образы и мотивы, помогающие читателю понять замысел автора, не пропустить главное.

Благодаря описанным выше особенностям поэтики и стилистики цикла его аксиосфера получает не прямое выражение, которое неминуемо привело бы лирику Ахмадулиной к публицистическому звучанию, чего автор явно старается избежать, но полуживое и в то же время полускрытое, открывающееся вполне только при внимательном и вдумчивом чтении. Уклончивость высказывания продолжает общую камерность этих стихотворений, гармонирует с интровертностью лирической героини, затворившейся от мира для творчества и размышлений. Принцип затрудненной формы помогает поэтессе, кроме того, возвращаясь к традиционным ценностям русской культуры, не быть стереотипной. Исследование топосов культуры осуществляется здесь не просто учитыванием или осмыслением, а путем их глубоко личного проживания, и это позволяет поэтической речи Ахмадулиной уравновешивать *locus communis* высокой степенью самобытности поэтического текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахмадулина Б. Сад. М.: Сов. писатель, 1987. 160 с.

² Ахмадулина Б. А. Сочинения: В 3 т. М.: ПАН Корона-Принт, 1997. Т. 2: Стихотворения 1980–1996. 640 с. Далее в статье поэтические тексты Б. А. Ахмадулиной цитируются по этому изданию с указанием в скобках страницы.

- ³ Афанасенкова Е. Н. Особенности творческой манеры Б. А. Ахмадулиной (поэзия, проза): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 17.
- ⁴ Авдышев А. И. Красные снега. Стихи. Гравюры. Петрозаводск: Карелия, 1977. С. 54–55.
- ⁵ Аладина О., Полякова Т. Русская сирень // Садовник. 2017. № 4. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев В. В. Воля пространства и течение стиха. О поэтике Ахмадулиной 1980-х гг. (книги «Тайна» и «Сад») // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 86–94. DOI: 10.26170/FK20-01-08
2. Алешка Т. И. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии. Минск: РИВШ БГУ, 2001. 124 с.
3. Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 1. С. 378–383.
4. Есин А. Б. О ценностной системе А. Т. Твардовского («Василий Теркин») // Русская словесность. 1995. № 5. С. 34–38.
5. Есин А. Б. О чеховской системе ценностей // Русская словесность. 1994. № 6. С. 3–8.
6. Лаврентьева Н. В. Образ сирени в творчестве Б. Л. Пастернака // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36): В 2 ч. Ч. 2. С. 107–110.
7. Михайлова М. С. Концепт сада и метафора «цветочного» времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 192–197.
8. Попова Е. В. Критерий «ценность» в литературоведческих исследованиях // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Третьей Междунар. науч. конф. М., 2008. С. 37–40.
9. Филатов А. В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 130–140. DOI: 10.17223/18137083/69/11
10. Шилова Н. Л. Образ сада в поэтических текстах о Карелии: к постановке вопроса // Творчество А. А. Фета в контексте русской и мировой культурной традиции: Материалы Междунар. науч. конф. Курск, 2024. С. 215–223.
11. Шилова Н. Л., Югалова С. Р. Образ белой ночи в стихотворениях «сортавальского цикла» Б. Ахмадулиной // Таврические филологические чтения: Материалы III Всерос. науч. конф. (Мелитополь, 31 марта 2025 г.). Мелитополь, 2025. С. 241–245 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82669702&pff=1> (дата обращения 12.12.2025).
12. Яшина К. И. «И ладен строй души, отверстой для любви»: образ Карелии в стихотворениях Беллы Ахмадулиной // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 4 (16). С. 94–100. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.049
13. Яшина К. И. Локальные тексты в творчестве Беллы Ахмадулиной: Дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 2021. 203 с.

Поступила в редакцию 17.12.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Natalia L. Shilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petrsu.ru

AXIOSPHERE OF THE “SORTAVALA CYCLE” BY BELLA AKHMADULINA

Abstract. The article examines the axiological dominants of Bella Akhmadulina’s poems written in the summer of 1985 in Karelia, and proposes an approach of their analysis that takes into account the uniqueness of the poetess’s late work. The study specifically focuses on the author’s strategies in the area of expressing the system of values, which could be described as “poetics of silence”, when the values important to the lyrical heroine (ethical, aesthetic or religious) are not mentioned directly, but expressed metaphorically and periphrastically. The poetic devices that reveal the axiosphere of these poems to the reader include the use of poetic topoi and repetitions, indicating their special significance in the poet’s worldview. Among such topoi are the oppositions of one’s own and alien, top and bottom, light and darkness, the image of a garden (going back to the garden of Eden) and the image of the monastery island of Valaam, as well as names representing Russian and world culture – Derzhavin, Pushkin, Blok, Nabokov, Mendeleev, Vrubel, Ibsen, etc. The non-triviality of the poetic language complements and partly masks the value conservatism of Akhmadulina’s later poetry, which relies on the Christian canon and the tradition of Russian poetry of the XIX and early XX centuries. The stylistically clearly expressed principle of the complicated form helps the poetess return to the traditional values of Russian culture without being stereotypical and to balance *locus communis* with a high degree of the poetic text originality.

Key words: lyric poetry, poetics, northern text, value analysis, Karelia

For citation: Shilova, N. L. Axiosphere of the “Sortavala cycle” by Bella Akhmadulina. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):89–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1339

REFERENCES

1. Abashev, V. V. The will of space and the flow of verse. On Akhmadulina’s poetics of the 1980s (based on her books “The Mystery” and “The Garden”). *Philological Class*. 2020;25(1):86–94. DOI: 10.26170/FK20-01-08 (In Russ.)
2. Aleshka, T. I. Poetry of Bella Akhmadulina in the context of the traditions of Russian poetry. Minsk, 2001. 124 p. (In Russ.)
3. Esaulov, I. A. Literary axiology: the experience of substantiating the concept. *The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre*. (V. N. Zakharov, Ed.). Petrozavodsk, 1994. Issue 1. P. 378–383. (In Russ.)
4. Yesin, A. B. On the value system of A. T. Tvardovsky (“Vasily Terkin”). *Russkaya slovesnost*. 1995;5:34–38. (In Russ.)
5. Yesin, A. B. On Chekhov’s system of values. *Russkaya slovesnost*. 1994;6:3–8. (In Russ.)
6. Lavrentyeva, N. V. The image of lilac in the creativity of B. L. Pasternak. *Philology. Theory & Practice*. 2014;6(36-2):107–110. (In Russ.)
7. Mikhailova, M. S. The concept of a garden and the metaphor of “flower” time in Bella Akhmadulina’s book *The Garden*. *Kultura i tekst*. 2005;8:192–197. (In Russ.)
8. Popova, E. V. The criterion of “value” in literary studies. *Russian literature of the XX–XXI centuries: problems of theory and methodology of study: Proceedings of the third international research conference*. Moscow, 2008. P. 37–40. (In Russ.)
9. Filatov, A. V. Axiology in literary criticism: main directions of value analysis. *Siberian Journal of Philology*. 2019;4:130–140. DOI: 10.17223/18137083/69/11 (In Russ.)
10. Shilova, N. L. The image of the garden in poetic texts about Karelia: formulating the research question. *Works of Afanasy Fet in the context of Russian and world cultural traditions: Proceedings of the international research conference*. Kursk, 2024. P. 215–223. (In Russ.)
11. Shilova, N. L., Yugalova, S. R. The image of the white night in the poems of the “Sortavala cycle” by Bella Akhmadulina. *Tauride Philological Readings: Proceedings of the III all-Russian research conference (Melitopol, 31 March 2025)*. Melitopol, 2025. P. 241–245. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82669702&pf=1> (accessed 12.12.2025). (In Russ.)
12. Yashina, K. I. “And fine is the structure of the soul, open for love”: the image of Karelia in the poems of Bella Akhmadulina. *Herald of Humanitarian Education*. 2019;4(16):94–100. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.049 (In Russ.)
13. Yashina, K. I. Local texts in the poetry of Bella Akhmadulina: Diss. Cand Sc. (Philology). Nizhniy Novgorod, 2021. 203 p. (In Russ.)

Received: 17 December 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

НАДЕЖДА СТАНИСЛАВОВНА БРАТЧИКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Института международных отношений и социально-политических наук Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7402-8327; n.bratchikova@mail.ru

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «КАЛЕВАЛЫ» В ЖАНРЕ ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА

А н н о т а ц и я . Основной фокус исследования – анализ инновационной адаптации памятника эпической поэзии «Калевала» в формате графического романа К. Гуйтулой и С. Макконеном. Показано, как визуально-текстовые средства комикса трансформируют эпическую поэтику «Калевалы». Предтечей переосмыслений в трактовке персонажей стали иллюстрации учеников школы Филонова. Новаторство Гуйтулы и Макконена заключается в радикальном переходе от канонических иллюстраций к комикс-панелям и далее эстетике темного фэнтези с акцентом на психологизм персонажей, сюрреалистичные пейзажи и хоррор-элементы. Раскрываются уникальные приемы синтеза текста и визуала: многоуровневые диаграммы рун, цвет как нарративный инструмент, этнографические орнаменты. Среди художественных новаций отмечается визуальная реинтерпретация ключевых символов: сампо представлен как многомерный артефакт, сочетающий магические и технологические черты. Анализируется акцентуация «темных» сюжетных линий (трагедия Куллерво, агрессивность Лоухи, мотив смерти), что раскрывает психологическую глубину персонажей. Графический роман сокращает дистанцию между древним текстом и молодежной аудиторией, используя формат, привычный для цифровой эпохи. Исследование доказывает, что визуальная нарративизация «Калевалы» не только сохраняет мифологическую сущность эпоса, но и создает новые смысловые слои. Автор публикации приходит к выводу, что адаптация Гуйтулы и Макконена подтверждает статус «Калевалы» как живого культурного кода, способного к регенерации в современных медиа. Это позволяет говорить о возникновении диалога между традицией и современным искусством, где гибридизация форматов обогащает восприятие архетипических образов, обеспечивая актуальность эпоса для новых поколений через интерактивность визуального нарратива.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «Калевала», Филонов, Гуйтула, Макконен, графический роман, темное фэнтези, визуальная философия, вербальный язык, звукопись

Д л я ц и т и р о в а н и я : Братчикова Н. С. Переосмысление «Калевалы» в жанре графического романа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 96–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1340

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – исследовать революционную трансформацию визуального языка «Калевалы» в графическом романе. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть визуальные решения художников, 2) выявить конкретные приемы, использованные ими для переосмысления текста, 3) установить, какой новый смысловой слой или эмоциональное переживание они создают по сравнению с текстовым оригиналом. Предметом исследования является

совокупность визуальных и нарративных стратегий, использованных К. Гуйтулой и С. Макконеном в их графических романах по мотивам эпоса «Калевала». Можно выделить несколько ключевых моментов в предмете исследования, а именно процесс и механизмы трансформации (адаптация vs. переосмысление); специфические инструменты графического романа (стиль рисования, использование цвета и тени, компоновка панелей, монтаж); нарративные стратегии (последовательность панелей, пробел между пане-

лями, символика цвета и визуальные метафоры, оформление текста), культурный и интерпретационный сдвиг (модернизация древнего эпоса для современного читателя).

Методологическая база и методы исследования заключаются в применении концепции «визуального поворота» [11], где визуальные образы становятся главным инструментом репрезентации культуры, смещая фокус с текста на изображение; обращении к приемам визуальной герменевтики, позволяющей рассмотреть, как значения формируются и воспринимаются через визуальные элементы и как эти значения могут быть интерпретированы и поняты. В работе использован метод иконографического анализа, заключающийся применительно к материалу исследования в сопоставлении оригинального эпоса, новаторских художественных решений (иллюстрации учеников школы П. Филонова) с графикой К. Гуйтулы и визуальным переосмыслением С. Макконена.

Контекстуальный анализ позволил изучить интертекстуальные связи произведений искусства с мифологическими источниками. Используя язык панелей, жестов, цвета и типографики, Гуйтула и Макконен трансформируют сам процесс восприятия древнего эпоса, открывают новые измерения для знакомых сюжетных структур и тем. Художники интегрируют глобальные комикс-традиции в финский контекст, обновляя восприятие национального эпоса. Трансформация рун карельского и финского народов в формат графического романа произведена благодаря сочетанию традиционных мифологических сюжетов с элементами мистики и темного фэнтези. Динамичность и современная эстетическая выразительность делают произведение доступным для массовой аудитории.

Чем объяснить тот факт, что «Калевала» оказывается в фокусе внимания исследователей и художников из разных культур значительно чаще других эпосов? Объяснение дал доктор исторических наук, действительный член Академии наук СССР И. М. Майский в предисловии к книге «Калевала: финский народный эпос» (1933), которое до сих пор актуально:

«“Калевала” в необыкновенно ярких формах воплотила то, что можно назвать финским национальным характером. Поэтому, не зная “Калевалы”, трудно понять Финляндию – ее природу и ее людей» [1: VII].

Взгляды художников на визуализацию памятника эпической поэзии, созданного на основе рун карельского и финского народов, постоянно эволюционируют. Первые картины на темы «Калевалы» датируются XIX веком. Они созданы

художником А. Галлен-Каллелой, чьи работы («Защита Сампо», «Проклятие Куллерво», «Мать Лемминкяйнена», триптих «Айно») стали каноническими. Его стиль, сочетающий символизм и национальный романтизм, задал стандарт визуального прочтения эпоса¹ [2], [3].

ГРАФИКА ХУДОЖНИКОВ МАИ

Для нашего исследования наиболее интересны смелые эксперименты в иллюстрировании произведения. Мы считаем, что именно они проложили путь к новым графическим трактовкам «Калевалы». Одним из самых ярких, «революционных» интерпретаций эпоса стало его издание, выполненное мастерами аналитического искусства (МАИ), учениками школы Павла Филонова (1933)² [4].

Необычность трактовки рисунка заключается в разрушении перспективы, что позволяло художникам имитировать мифологическое восприятие мира. Как отмечает исследователь Е. Г. Соини, «ощущение архаичного мира, смена эпох древних и исторических, чередование небесного и земного подчеркивается формами “неопримитивного” рисунка» [6: 429]. Примитивизм помог показать трагизм эпоса. Филоновцы предложили для «Калевалы» визуальный язык, возвращающий зрителя к мировосприятию истоков человеческой культуры. Оригинальность трактовки основных героев произведения (колдун Вяйнямейнен, кузнец Илмаринен) заключается в их гипертрофированных изображениях. Угловатые силуэты, массивные части тела, архаичные маски вместо лиц формируют эпическую мощь образов. Аналогичное представление персонажей мы встретим в XXI веке в графических версиях эпоса.

Хаотичные композиции в трактовке группы МАИ позволяют передать сцены битв и магических ритуалов. В них символика доминирует над сюжетом: переплетение линий топоров, копий и деревьев передает «визуальный шум». Таким образом графический рисунок создает звукопись.

Колористическое решение глубоко продумано художниками. Как писал П. Филонов издателям книги, обращая их внимание на цветовую гамму обложки,

«неправильно подобранные цвета и силовые отношения цветов превращают переплет в какую-то вычурную азиатчину, как дамасская сталь, а в “Калевале” мы имеем дело с северо-западом Европы в сложнейших национальных взаимовлияниях, на что и рассчитан наш рисунок переплета»³.

В цветовом исполнении суперобложки преобладает красный, следуя традициям декоратив-

но-прикладного искусства Карелии, Финляндии и Русского Севера. Иллюстрации выполнены в черно-белых тонах, синий символизирует реки и деревья в инее, черный – скалы. Ученики школы П. Филонова передали национальный колорит эпоса. Оценивая рисунки группы МАИ, исследователь Е. Ковтун метко заметил, что

«в беспредметных структурах <...> вкраплены изображения зверей, птиц, лодок и людей. В этом сложном сплаве возникает образ Финляндии, изрезанной синевой озер, окруженных замшелыми гранитными грядками, хвойными лесами. Суоми предстает перед зрителем как бы с высоты птичьего полета, не только в зримом, но и в умопостижимом образе...»⁴.

Лесные пейзажи, орнаментальные линейки и подстрочные изобразительные строчки-концовки напоминают натурные зарисовки или несут в себе впечатления от конкретных видов природы. Однако есть ландшафтные наброски умоглядного характера, которые перекликаются с графическими версиями «Калевалы», выполненными спустя более чем полвека финскими художниками К. Гуйтулой (1999, 2000) и С. Макконеном (2025). Их природные зарисовки вызывают у читателей устойчивые ассоциации (высокая волна → шторм; поваленное дерево → буря; полный парус → ветер).

Иллюстрации МАИ сопровождают лишь несколько рун⁵. Иллюстрируя руны, Филонов и его ученики не ставили задачей составление связного рассказа в картинках, в то время как авторы графических версий «Калевалы» стремились создать последовательную историю в изображениях. У филоновцев каждый рисунок – это многомерный мини-рассказ о герое рун, соединяющий в себе временные действия и события. Иллюстрации обладают четкой этнографической соотнесенностью, динамизмом художественной концепции, многослойностью в то время, как в комиксе каждый рисунок – это стоп-кадр, конкретный эпизод, который фиксирует действие в моменте, словно останавливая время для постижения события.

Другим оригинальным проектом является трактровка сборника рун, предложенная в 1999 году Кристианом Гуйтулой (Kristian Huitula, род. в 1973). Неожиданной и даже в некотором смысле революционной стала форма презентации произведения. «Калевала», которая считается одним из краеугольных камней финской национальной культуры, представлена художником в виде графического романа (комикса)⁶. Если иллюстрации по мотивам «Калевалы» в различных жанрах живописи и графики выполняются художниками разных стран, то комиксы созда-

ются преимущественно финскими мастерами⁷. Интерпретация памятника эпической поэзии «Калевала» в исполнении Гуйтулы иллюстрирует литературные сюжеты и события всех пятидесяти рун и позволяет пережить знакомую историю в совершенно новом свете.

ГРАФИКА ГУЙТУЛЫ

Роман представлен в стиле фэнтези, в котором много магии, и описываемые события носят масштабный характер. Графические иллюстрации выполнены в монохромном цвете. Чередование черного и белого передает конфликт между жизнью и смертью, добром и злом, светом и мраком. Хотя в рисунках объем не моделируется натуралистично, активный темный контур, присущий изображению, делает их жесткими, обособленными и замкнутыми. Светлый тон связан с описанием жизни народа Калевалы, темный олицетворяет суровый северный край Похьёлу.

В панелях размещаются рисунки, созданные по мотивам карело-финских рун. Они отделяются друг от друга гаттерами (перемычками, или дорожками). Перемычки имеют разную ширину. Чем шире разделительная полоса, тем значимее последующий эпизод. Динамику повествованию придает также направление гаттеров – вертикальное или горизонтальное. Горизонтальная дорожка указывает на продолжение развития эпизода, вертикальная – на его завершение. Например, руна, описывающая гибель Айно, представлена на одном графическом листе семью рисунками-кадрами, каждый из которых отделен широкой вертикальной полосой и является самодостаточным, при этом сохраняется плавность повествования. Гаттеры упрощают и делают более удобным визуальное восприятие содержания произведения. В комиксе они имеют мало общего с подстрочными изобразительными строчками-концовками, которые мы встречаем в иллюстрированной версии «Калевалы» художников МАИ.

В графическом романе Гуйтулы встречаются накладываемые друг на друга рисунки без перемычки. В таком варианте динамику событиям передает смена «крупностей», формируя зрительские ожидания. На одном из графических листов в его верхней части крупным планом нарисована голова девы Ильматар. Чуть ниже портрета в «баллонах» (бабблах) прямоугольной формы дается текст-пояснение, представляющий собой адаптацию руны: *«ветер девушку баю-кал / девицу волна носила / по морским пространствам синим / по высоким гребням пенным, / по-*

*несла от ветра дева, / от волны затяжелела*⁸. В нижней части этого же графического листа среднетонным планом показан силуэт обнаженной женщины на фоне морских просторов. Сбоку в баббле представлен текст по мотиву изображенного сюжета:

«Матерью воды металась / на восток, на запад дева, / двигалась на юг, на север / к самым берегам небесным / в муках огненных рожденья, / в беспощадных болях чрева. / Не родится плод чудесный, / не выходит незачатый» (1).

Насыщенные линии и изображение картинка с нижней точки передают тревожное настроение и атмосферу мучительного ожидания. Выбранный ракурс усиливает драматичность и значимость момента.

Каждый графический лист наполнен деталями, придающими особый колорит и эмоциональную глубину рассказу. Например, на рисунке линии могут быть плавными и напоминать пряди волос девы Севера или бороды Вяйнямёйнена; извилистыми – бурное море; прямыми – полет стрелы. Ломаные линии обозначают удар топоров, мечей, молота и создают эффект звукописи. Острые ассоциируются с превратностями судьбы; волнистые создают утонченный женский образ.

Поскольку у персонажей «Калевалы» нет «определенной иконографии»⁹, читатель видит могущественного колдуна, создателя кантеле, певца старца Вяйнямёйнена, кузнеца, создателя сампо Илмаринена, любимца женщин, отважного Лемминкяйнена, хитрую и вредную хозяйку Севера Лоухи, наглого лапландца Йоукахайнена, несчастного, одинокого Куллерво в визуальном исполнении финского художника Гуйтулы, что добавляет новую глубину и интерес к их характерам и судьбам.

В трактовке женских образов прочитывается эстетика кавайи, которая позволяет передать мифологичность персонажей, создать ощущение жуткости, страха и мистики. Утонченные черты лица, большие раскосые глаза, обтекаемые формы женских фигур передают одновременно силу и слабость, незащищенность и агрессивность, эротичность в противопоставлении маскулинности. Такой прием позволяет Гуйтуле сконструировать мифические, сказочные существа с «женским» лицом, придать им человечность.

Трактовка Гуйтулой мужских образов своими корнями уходит в традиции скандинавских саг, где они олицетворяют грубую физическую силу, жесткую, магическую власть. Иллюстрации передают не только внешность персонажей, но и их внутренний мир, их чувства и страсти,

дают возможность прочувствовать все нюансы и противоречия героев, их радости и печали, любовь и отчаяние. Для этого художник играет планами: сверхкрупным – для привлечения внимания к деталям (например, широко открытый рот), среднетонным – для показа лица, крупным – для изображения тотемных животных и птиц (лось, медведь, орел, утка), коней. На периферийном и среднем плане даются этнографические (броши, женская национальная одежда) и ландшафтные детали (хвойный лес, скалы, деревенские избы, лодки-ладьи). Текст располагается столбцами, а также отдельными строчками рядом с иллюстрацией. Простой и легко читаемый шрифт Comic Sans, строго горизонтальная ориентация строк, четкое разделение шрифтовой и изобразительной зон вплетают в иллюстрацию контекст и эмоцию. Они делают историю на картинке осязаемой: текст начинает звучать в воображении.

ТЕКСТ И ЯЗЫК КОМИКСА ГУЙТУЛЫ

Композиционная структура «Калевалы» остается неприкосновенной в романе Гуйтулы. Текст прекрасно дополняет иллюстрации и добавляет контекст. В комиксе Гуйтулы классический текст подвергся следующим изменениям:

1. Произведена структурная компрессия. Поэтические руны (около 23 000 строк в оригинале) сокращены до лаконичных диалогов и описаний. Основной акцент смещен на иллюстрации, передающие сюжет динамично, особенно в сценах битв (например, похищение сампо) и мистических событий. Все 50 рун умещены на 146 страницах комикса. Эпизоды, вроде трагической истории Куллерво или путешествий Лемминкяйнена, поданы фрагментарно, с выделением ключевых сцен.

2. Осуществлена стилистическая адаптация: отсутствуют ритмика трохеического тетраметра и аллитерации, характерные для оригинала. В переводном тексте на русском языке (версия Э. Киуру и А. Мишина) имитируется поэтический стиль, напоминающий карело-финские народные руны:

«Дай-ка, время пронесётся, / день пройдёт, другой наступит, / вновь во мне нуждаться будут, / пожелают, чтобы создал / новое большое сампо, / новый инструмент певучий, / чтобы поднял новый месяц, / новое на небо – солнце, / если нет луны и солнца, / радости не будет в мире» (146).

3. Сделан акцент на визуальный нарратив: эмоции героев (например, гнев Вяйнямёйнена или отчаяние Куллерво) передаются через графику: цвет, композицию, динамику линий, а не через текстовые описания.

В комиксе сохранилась сюжетная целостность, представлены все ключевые события эпоса (создание мира, подвиги героев, борьба за сампо, трагедия Куллерво, уход Вяйнямёйнена), изображены все персонажи. Характеры и роли героев (Вяйнямёйнен как мудрец-шаман, Лемминкяйнен как воин-гордец) соответствуют канону. Диалоги кратко передают суть поступков героев (например, реплики Лемминкяйнена о мести). Мифологическая основа представлена духами природы, противостоянием Похьёлы и Калевалы, а также через магические элементы (кантеле, заклинания, сампо). Культурный контекст представлен через отсылки к финскому фольклору (например, руническое пение в сценах с кантеле). Словами звукопись не передается, а музыкальность обозначается символами (струны кантеле).

Исследователи рун «Калевалы» отмечают многоязычие и многодиалектность карело-финских рун, заключающиеся в использовании «лексических, фонетических, морфологических, синтаксических и фразеологических особенностей восточно-финских, карельских и вепских диалектов и говоров (так называемых карелианизмов)»¹⁰. Насыщенность ими делает ««Калевалу» во многом трудной для понимания ее современным финским читателем» [5: 15]. Для «Калевалы», составленной Лённротом, характерны ритмичность, мощная звукопись (аллитерация), использование устойчивых формул и повторов (как наследие устной традиции), образность через параллелизм и эпитеты. Эти особенности создают гипнотическую, завораживающую атмосферу эпической поэзии, созданной карельским и финским народами.

В комиксе Гуйтулы текстовая запись представлена лаконично: в среднем в баббле размещается от шести до восьми строк, в каждой из которых не более трех слов. Короткая форма повествования не позволяет передать все языковые особенности лённротовской интерпретации.

Помимо графики (линий) динамика действия передается также глаголами:

«На колени муж опёрся, / на руках герой поднялся, / встал, чтоб солнцем / восхищаться, / чтоб луною любоваться, / чтоб с медведицей встречаться, / наблюдать на небе звёзды» (2); *«Вот вытаскивают невод, / выбирают, вытряхают, / высыпают в лодку Вяйно. / Вывалили ворох рыбы»* (136); *«Путь прошёл совсем не длинный, / чтобы ягоду увидеть, / чтобы подобрать брусничку, / взять красивыми руками, / кончиками пальцев нежных»* (142); *«Окрестил ребенка старец, / наспех окропил мальчонку, – / королем нарёк карельским, / властелином вышшим / сделал»* (145).

Иллюстрации в комиксе больше служат подспорьем к тексту, чем выступают как самостоятельный сторителлинг.

В русскоязычной версии комикса сохранены формульные повторы:

«укко, бог верховный, всей вселенной повелитель» (2), *«вековечный Вяйнямёйнен, рода славный песнопевец»* (3), параллелизм: *«на осколки расколось, на кусочки раскрошилось»* (3), *«выросли деревья, / поднялась высоко поросль, / только дуб ещё не вырос, / божье дерево не встало»* (4).

Повторы слов используются в тексте как мнемонический прием: *«Стало холодно посевам, / стало стаду неудобно, стало скучно птицам неба, плохо стало человеку»* (134).

В репликах персонажей редко встречаются просторечные слова («паршивец» (11), «недотёпа» (17), «жизнь поганая» (22), «братец милый» (137), «чёртова блудница» (145)); практически отсутствует бранная лексика («шлюха», «потаскуха» (143)); при этом задействуются прилагательные качественной оценки («жалкий», «гадкий») и формы слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («людшки» (9), «рыбина», «мешочек» (15)).

Автор текста часто обращается к метафорам («память бабья», указывая на забывчивость Йоукахайнена), «детский опыт» (о молодости Йоукахайнена) (10); эпитетам («матушка родная» (13), «чёрная морская тина» (14), «день прекрасный» (18), «подлунный мир» (19)) и сравнениям («без оружия муж – как баба, без секиры – как без силы» (139)). Несмотря на ограниченный объем бабблов, в них все же представлены широкие синонимические ряды слов, что сохраняет лексическое своеобразие карело-финской эпической поэзии: «лодка»: «стоуклочинное судно», «ладья под парусами», «челн дубовый» (125), «рыбацкая сеть»: «невод», «льняные сети», «тоня» (135).

Гуйтула трансформировал текст «Калевалы» из поэтического нарратива в опору для визуального сторителлинга, сохранив сюжет и дух эпоса. Критики, например Кит Босли (Keith Bosley), отмечают, что комикс избегает бутафорского пафоса, предлагая «свежий» взгляд [9].

Возвращаясь к словам И. М. Майского о том, что эпическая поэзия помогает понять Финляндию, ее природу и людей, можно сказать, что Суоми в трактовке «Калевалы» К. Гуйтулой представляется как страна-труженица, которая старается достичь счастья и благополучия народа. Зло будет повергнуто. При общей синтезированной пейзажных зарисовок в них создан поэтико-эпический образ Севера с мотивами озер, речных порогов, старинных лодок, деревенских изб и мельниц. «Калевала», созданная на основе рун карельского и финского народов, прославляет добро, труд и созидание.

НОВАТОРСКАЯ ТРАКТОВКА ПЕРСОНАЖЕЙ И СЮЖЕТОВ В КОМИКСЕ МАККОНЕНА

Спустя двадцать лет (2019–2020)¹¹ в литературном мире комиксов появляется новая трактовка «Калевалы», демонстрирующая оригинальность не только в искусстве иллюстраций, но и в трактовке сюжета и образов.

Сами Макконен (Sami Makkonen, род. 1975) радикально трансформирует каноническую версию, используя эстетику темного фэнтези. Руны карельского и финского народов подаются как «визуальная симфония». Финский художник-комиксист интерпретирует традиционные героические персонажи через психологический анализ. Герои мало похожи на богоподобных творцов, в этом обнаруживается сходство с трактовкой образов художниками МАИ.

Автор новой трактовки радикально переосмысливает образ центрального героя «Калевалы», сочетая верность архетипам с модернистской стилистикой. Анализ его интерпретации основывается на визуальных и нарративных приемах комикса. Классический образ «старого, верного Вяйнямёйнена» трансформируется, он представлен как трагический провидец. Макконен изображает Вяйнямёйнена мускулистым великаном с гипертрофированными чертами лица, где длинная борода становится символом не возраста, а архаической силы. Динамика линий подчеркивает его физическую мощь: в сцене шаманского поединка с Йоукахайненом тело Вяйнямёйнена изгибается подобно штормовому ветру, визуализируя его связь со стихиями.

Необычность трактовки заключается в демистификации сакрального: создание кантеле из «костей волшебной шуки» превращается в процесс, напоминающий работу мясника: крупным планом показаны расчлененная рыба и брызги крови. Звукоподражания «КРРААК! КККРААШ!», «ВШШХХ», «ВУУП», «ХУУП» сопровождают дробление костей при разделке чудо-рыбины. Макконен изменяет символику атрибутов: кантеле изображается не как музыкальный инструмент, а как оружие – с острыми струнами, способными разрезать кожу. В эпизоде усыпления Похьёлы (руна 42) его форма напоминает арбалет. Сампо представляется как предмет алчного вождения и конфликта двух конкретных персонажей, а не инструмент, приносящий благо народу Калевалы.

В трактовке образа рунопевца утрачен лиризм: игра на кантеле, усыпляющая Лоухи и всех обитателей Похьёлы, лишается поэтичности. Вместо мелодии изображаются хаотичные звуковые волны («ВУУМММ», «ФУУУМ», «ПФУУУМ»).

Они визуализируются как черные спирали, парализующие врагов.

В комиксе Макконена переосмыслена магия – вместо поэзии показывается ее жестокость, колдовство представлено как насилие. В сцене воскрешения Антеро Випунена (руна 17) Макконен заменяет песенные заклинания физическим вторжением: Вяйнямёйнен буквально разрывает землю кулаками, а не словами. Поглощение героя великаном показано как кровавая схватка в чреве чудовища.

Макконен ломает классическую традицию в изображении других героев: Илмаринен предстает усталым кузнецом со шрамами и ожогами от искр наковальни и интерпретируется как маргинал. Кузнец, кующий чудо-мельницу сампо, представлен второстепенным персонажем. Лемминкяйнен изображен не как доблестный воин, а как жертва, ищущая отмщения.

Классическая трактовка Лоухи [12: 185–187], [10] также подвергается изменениям: Макконен усиливает акцент на жестокости и визуальной агрессии. Лоухи изображается и как колдунья, и как хищная птица-монстр. Так, в сцене кражи сампо трансформация в птицу сопровождается звукоподражанием «КРА-ФУУМ!». Лоухи атакует героев не чарами, а когтями и клювом, буквально разрывая их плоть. Акцент в трактовке образа хозяйки Похьёлы смещен с хитрости на физическое насилие.

Магия Лоухи лишена поэтичности: заклинания заменены визуальными взрывами черного дыма и вихрями в воздухе. Читатель даже слышит ее хриплый шепот: «ШУУХ», «ФУУХ!», «ОООХХ!». Дети Лоухи, то есть болезни, насылаемые на жителей Калевалы («боль, рези, ломота, костогрыз, короста, чирый, холера, чума»), и хищные волки, обитатели лесов Похьёлы, визуализируются как тени, уничтожающие все вокруг.

В комиксе поражение Лоухи оставляет мир в руинах. Макконен превращает ее из мифологического антагониста в архетип тотального уничтожения, где графический язык (деформация форм, хаотичная композиция) заменяет эпическую многомерность.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЭПОСА-АДАПТАЦИИ МАККОНЕНА

Макконен сознательно отказывается от цвета, используя лишь черные линии и заливки на белом фоне. Это не только отсылает к скандинавской гравюре, карельским и финским народным орнаментам, но и подчеркивает контраст между мирами. Черно-белый колер выступает как метафора. Кислотно-зеленые вспышки на рисунках

обозначают магию Похьёлы, сине-серые тона предназначены для сцен в Калевале (холод северной природы).

Развитие действий передается через динамику линий, именно они создают ритм: рваные, ломаные линии передают агрессию (битвы, заклинания Лоухи), периодически теряемый вещуньей контроль над стихиями, а плавные изгибы имитируют озеро Туонелы и слезы Айно.

Аллитерация оригинала трансформируется в визуальные повторы: серии одинаковых кадров с движением героев; волнообразные узоры для заклинаний Вяйнямёйнена. Параллелизм («Топором ударил сильно раз, другой. Валит дерево высокое») передается двумя симметричными кадрами: замаха топора → падение дерева («С третьего удара повалил он дуб. Упало адское дерево»); эпитеты («Старый, мудрый Вяйнямёйнен») – неизменным визуальным образом: борода + кантеле + темно-синий плащ.

Звукоподражания («КРААШ!», «ДРЫНЬ», «БАХ!», «ДЗЫНЬ!», «БДЫЦ») интегрированы в композицию, заменяя эпические описания боевых столкновений. Шаманский поединок представлен через звуковое описание ломающихся костей – «ХРУУСТ!».

Миф получает архетипичные геометрические формы: фигура Вяйнямёйнена близка по форме к треугольникам (борода, плечи); сампо имитируют шестерни и угловатые механизмы; Лоухи ассоциируется через острые шипы и когти. В трактовках образов финским художником Макконеном четко прослеживается влияние творчества русской группы МАИ: лица героев дробятся на геометрические фрагменты.

Макконен использует приемы манги и американских комиксов: крупные планы позволяют сделать акцент на эмоциях (глаза Айно), панорамные передают эпический масштаб (вид на Похьёлу как лабиринт скал), рваные рамки создают мотив хаоса (заклинания Лоухи), угловые ракурсы показывают моменты боя, эффекты ударов.

ВЕРБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КОМИКСА

Вербальный язык в графическом романе Макконена сознательно минимизирован. Он стал инструментом ритма и акцента. Повествование и реплики персонажей носят ультракороткий характер. Так, в комиксе Гуйтулы читатель видит следующее:

«Вот из моря муж явился, / из волны герой поднялся, / не был он большого роста, / но и маленького не был, / не длинней мужского пальца, / бабьей пяди не короче» (6).

В версии Макконена этот же сюжет передан таким образом: *«Вышел из моря / смелый герой, / ростом с мизинец»¹²;*

у Гуйтулы

«Только вымолвил словечко, / посмотрел ещё разочек, / видит – муж преобразился, / обновился, / изменился, / ноги в землю упирались, / голова касалась тучи, / борода к коленям свисла, / волосы до пят спустились, / шириной в сажень межглазье, / шириной в сажень штанины, / полторы – в коленном сгибе, / в поясище – две сажени» (7).

Макконен предлагает следующий вариант, лишенный эпических описаний: *«Он изменился, / сменил облик».* Описание боевых столкновений отряда Вяйнямёйнена и людей Лоухи передается через наречные слова и междометия, имитирующие звук летящих стрел и бьющихся копий: *«Огонь! На стены! Вперёд! ФЬЮ! ФУУМ! ВУУМ! ЗЛАНГ! ПЛАНГ!».*

Заклинания заменены агрессивной ономапеей, интегрированной в графику: *«КРААК!»* (ломающиеся кости), *«ВЗЗЗЗ!»* (вибрация кантеле), *«УУУОО!»* (вой ветра). Для передачи эпического духа используются краткие фразы с нарушенным порядком слов: *«Наземь клинки, вояки бесславные!»*; *«Я туда болезни кину, муки загоню нещадно!»* Ключевые фразы дублируются в кульминациях, имитируя рунический параллелизм: *«Крушу! Крушу!»* (при крушении сампо), *«Ухожу. Ухожу...»* (финал Вяйнямёйнена). Описания событий заменяются визуальными метафорами: смерть Айно показана каплями воды на пустом фоне без текста, гнев Лоухи передается «рваными» шрифтами ее реплик, уход Вяйнямёйнена – натянутым белым парусом. Заклинания Лоухи в тексте Макконена обозначены магической тирадой, колдовским бормотанием (*РАДИЕН, АТЧЕ... ФУДНУ... РУТУ... МУББЕН... ОЛМАЙ*). Эти «скорые» слова состоят из двух, реже трех слогов, имеют древнее происхождение и расшифровываются в магическом ключе. Например, Радиен (Radien) – это имя бога неба и хранителя миропорядка в древней саамской религии, оно происходит от скандинавского слова *gād*, означающего «власть» или «управление»¹³. Лоухи обращается к духам, живущим под землей, – властителю ада Руту, злым и враждебным человеку божествам Муббену, Олмаю¹⁴.

Макконен обращается к образам сверхъестественных существ из саамской мифологии, используя их исконные названия, чтобы придать заговору ощущение древней, подспудной силы и культурной аутентичности. Эти имена, звучащие как тайные архаические формулы, становятся семантическими узлами заговора, усиливая его мистическую ауру и связь с архаичными верованиями. Такой прием не только

обогащает текст этнографической конкретикой, но и создает эффект «чужого», неподвластного обыденному пониманию знания, что углубляет ощущение тайны и скрытой угрозы.

Вербальный язык у Макконена подчинен элементам графики. Он работает как перкуссия: обрывистые фразы создают ритм, звукоподражания заменяют описания, а лаконизм концентрирует внимание на визуальной силе эпоса. Слово здесь не созидает мир (как у Лённрота), а отмечает точки взрыва.

Культурное переосмысление Макконеном персонажей «Калевалы» представлено через их демифологизацию, архаичные сюжеты переведены в экзистенциальные темы: жертвенность, бессмертие, тщетность борьбы, природа как мстительная сила.

Графика Макконена – это синтез фольклорной строгости (монохром, символизм); кинетической экспрессии (линии как звуки, кадры как ритм); современной визуальной культуры (от манги до Филонова). Его работа не иллюстрирует, а переводит язык рун на универсальный визуальный код, где даже молчание панели звучит как строфа «Калевалы». Северный ландшафт представлен Макконеном в сюрреалистическом стиле. Ключевым приемом в изображении хозяйки северного края является черно-белый контраст, который выступает как метафора. Похёла изображается как царство кошмаров с искаженной перспективой и неестественными цветами; битва за сампо передана через резкие тени и кроваво-красные вспышки, подчеркивая жестокость конфликта. Вместо традиционных героических образов акцент сделан на психологической глубине персонажей.

Графический роман Макконена – не комикс, а визуальный манифест. Он доказывает, что древние мифы могут говорить с современным человеком на языке психоделической графики, кинематографической динамики и экзистенциальных тем. Его работа продолжает традицию Галлен-Каллелы, но через призму эстетики XXI века – без глянца, с болью и вопросами без ответов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ графического романа К. Гуйтулы и С. Макконена демонстрирует новаторский подход к адаптации рун карельского и финского народов. Трансформация эпической поэтики заключается в визуализации архаичных рун через динамичные комикс-панели и лаконичной текстовой поддержке. Происходит реинтерпретация мифологических образов через визуальную метафору. В версии Гуйтулы акцент сделан на светлый гуманизм эпоса, твердую веру в народ и его будущее. Макконен обращается к «темным» аспектам эпоса (колдовство Лоухи, трагедия Куллерво).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что современная адаптация карело-финских рун в формате графического романа представляет собой акт культурной памяти, реформатирующей коллективное наследие в соответствии с новыми медийными условиями. Противоречивые интерпретации Гуйтулы и Макконена раскрывают внутреннюю амбивалентность мифа, позволяющую каждой эпохе вычитывать в нем собственные смыслы. Этот процесс подтверждает тезис об эволюции изобразительных форм, которая является следствием не «опрощения», но трансмедийного переноса. Архаичный вербальный нарратив, будучи перекодирован в систему визуальных метафор и монтажных переходов, сохраняет свою сакральную и эпическую суть, обретая при этом новую, технологически обусловленную художественную сложность.

Говоря о перспективах изучения интерпретации «Калевалы», стоит отметить, что интерес представляет анализ того, как визуальная нарративизация влияет на понимание сложных сюжетов (например, воскрешение Лемминкяйнена) у читателей, не знакомых с финской мифологией. Дальнейшие исследования могли бы фокусироваться на роли графического романа в преодолении разрыва между академической наукой и массовой культурой, а также на этике интерпретации этнического наследия в глобальном медиапространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Калевала» в творчестве художников. Книжная и станковая графика Карелии / Сост. и автор вступ. ст. С. К. Полякова. Петрозаводск: Карелия, 1984. 119 с.

² Филонов П. Н. Дневник / [Вступ. ст. Е. Ковтуна, текстологическая подгот. И. Лапиной, коммент. Г. Марушиной]. СПб.: Азбука, 2000. С. 39.

³ Там же. С. 215–216.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Группа МАИ оформила 11 иллюстраций, 32 заставки и 29 орнаментальных горизонтальных элементов [7: 325].

⁶ До этого события героями финских комиксов выступали весьма приземленные персонажи, самыми известными из которых является семейная пара Вийви и Вагнер (Viivi ja Vagner). Комикс рассказывает о простых и незатейливых буднях обыкновенной финской семьи.

- ⁷ Самый старый комикс по мотивам «Калевалы» опубликован в 1939 году в первом альбоме об Антти Пуухаара (Antti Puuhaara), написанном Раулем Ройне (Raul Roine) и проиллюстрированном Аарне Нопсаненом (Aarne Nopsanen). Комикс-адаптация основывался на финских народных сказках и повествовал о посещении Антти Пуухаарой загадочной северной страны Похьела (Pohjola). Комикс выполнен в традиционном финском стиле с текстом, расположенным под изображениями. Всего с 1939 по 1956 год вышло 11 альбомов. В других альбомах серии темы «Калевалы» не использовались. Стрип-комикс Пекко (Pekko), нарисованный Вели-Пеккой Аларом (Veli-Pekka Alar) и выходивший в 1971–1981 годах, временами черпал юмористические сюжеты из «Калевалы». Например, один из второстепенных персонажей, бородач Вяйски (Väiski), был очень похож на Вяйнямейнена (Väinämöinen) [13], [14].
- ⁸ Гуйтула К. Калевала: [по мотивам «Калевалы» Элиаса Лённрота: Комиксы] / Пер.: Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск: Карелия, 2003. С. 1. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁹ Филонов П. Н. Дневник... С. 337.
- ¹⁰ Например, финское слово *tyttö* 'девушка' обладает широким синонимическим рядом слов, взятых из карельского и финского языков, – *neiti*, *imri*, *tytär*; синонимом заимствованному из русского языка слову *viesti* 'известие, весть' является финское наименование *sanoma* [8].
- ¹¹ В русском переводе графический роман Сами Макконена «Калевала» издан в 2025 году ИД «Городец».
- ¹² Макконен С. Калевала. Графический роман / Пер. А. Воронкова, Н. Братчикова. М.: Изд. Дом «Городец», 2025. 296 с.
- ¹³ Saamelaiskulttuurin ensyklopedia. Helsingin yliopisto. Arkistoitu 1.7.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fi.wikipedia.org/wiki/Radien> (дата обращения 01.11.2025).
- ¹⁴ Ворования, суеверия, мифология и культ саамов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pogoda51.ru/2-3-verovaniya-sueveriya-mifologiya-i-kult-saamov> (дата обращения 01.11.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубрих Д. В. Из истории «Калевалы» // Калевала / Пер. Л. П. Бельского; Под ред. Д. В. Бубриха; Предисл. И. М. Майского. М.; Л.: Academia, 1933. С. IX–XX; Примечания. С. 311–323.
- Дорофеева Е. Образы «Калевалы» в изобразительном искусстве // NORSE.RU. Скандинавия порусски: Онлайн-издание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://norse.ru/culture/suomi/kalevala.html> (дата обращения 31.07.2025).
- Дорофеева Е. Самое уникальное издание «Калевалы» – какое оно? // Интернет-портал «ГодЛитературы.РФ». 28.02.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://godliteratury.ru/articles/2023/02/28/samoe-unikalnoe-izdanie-kalevaly-kakoe-ono> (дата обращения 31.07.2025).
- Муллонен И. И., Соини Е. Г. Д. В. Бубрих и «Калевала» // Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере: Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2015. С. 14–22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_statii/bubrih_cht_2015.pdf (дата обращения: 09.05.2025).
- Ракин Н. А. Языковое своеобразие «Калевалы» и ее коми перевода (диалектизмы, архаизмы и неологизмы в переводе А. И. Туркина) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 15–28 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-svoebrazie-kalevaly-i-ee-komi-perevoda-dialektizmy-arhaizmu-i-neologizmu-v-perevode-a-i-turkina> (дата обращения 09.08.2025).
- Соини Е. Г. «Калевала» и мастера аналитического искусства // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 427–436 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/kalevala_427-436.pdf (дата обращения 31.07.2025).
- Струкова А. И. «Калевала» школы Филонова: анатомия книги // Искусствознание. 2024. № 1. С. 320–393 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://artstudies.sias.ru/upload/isk/isk_2024_1_320.pdf (дата обращения 01.08.2025).
- Хямляйнен М. М. О лексике карельских рун // Сто лет полного издания «Калевалы»: Тр. юбилейной науч. сессии. Петрозаводск, 1950. С. 152–165.
- Bosley K. The art of Huitula. Kalevala – the comic book [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110712230826/http://www.huitula.com/kalevala2> (дата обращения 08.08.2025).
- Louhi goddess: The mysterious power of the Finnish mythology queen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oldworldgods.com/finnish/louhi-goddess/> (дата обращения 09.08.2025).
- Mitchell W. J. T. The pictorial turn // ArtForum. 1992. Vol. 30. No 7. P. 89–94.
- Pulkkinen R., Lindfors S. Suomalaisen kansanuskon sanakirja. Tallina: Gaudeamus, 2016. P. 185–187.
- Rohkainen T. Kalevala-aiheisista sarjakuvista [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kansalaistalo.fi/josase/images/sariolaartikkeli.pdf> (дата обращения 01.08.2025).
- Sankkila H. Kalevala taipuu myös sarjakuvaksi // Turun Sanomat. 01.03.2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ts.fi/viihde/1074104233> (дата обращения 31.07.2025).

Поступила в редакцию 05.11.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Nadezhda S. Bratchikova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation) ORCID 0000-0002-7402-8327; n.bratchikova@mail.ru

GRAPHIC NOVEL AS A REIMAGINING OF THE *KALEVALA* EPIC

Abstract. The primary focus of the study is the analysis of the innovative adaptation of the *Kalevala* text into the graphic novel format by Kristian Huitula and Sami Makkonen. The work reveals how the visual-textual means of comics transform the epic poetics of the *Kalevala*. The forerunners to the reinterpretations in character portrayal were the illustrations by students of the Filonov school. The innovation of Huitula and Makkonen lies in the radical shift from canonical illustrations to comic panels and, ultimately, to the aesthetics of dark fantasy, with an emphasis on character psychology, surreal landscapes, and horror elements. The study reveals unique techniques for synthesizing text and visuals: multi-level diagrams of runes, the use of color as a narrative tool, and ethnographic ornaments. Among the artistic innovations is a visual reinterpretation of key symbols: the Sampo mill, for instance, is presented as a multidimensional artifact combining magical and technological properties. The analysis also addresses the accentuation of “dark” plot-lines (the tragedy of Kullervo, the aggressiveness of Louhi, the motif of death), which reveals the psychological depth of the characters. The graphic novel bridges the gap between the ancient text and a young audience by using a format familiar to the digital era. The study demonstrates that the visual narrativization of the *Kalevala* not only preserves the mythological essence of the epic but also creates new layers of meaning. The author concludes that Huitula and Makkonen’s adaptation affirms the status of the *Kalevala* as a “living” cultural code capable of regenerating itself through modern media. This points to an emerging dialogue between tradition and contemporary art, in which the hybridization of formats enriches the perception of archetypal images, ensuring the epic’s relevance for new generations through the interactivity of visual narrative.

Keywords: *Kalevala*, Filonov, Huitula, Makkonen, graphic novel, dark fantasy, visual philosophy, verbal language, onomatopoeia

For citation: Bratchikova, N. S. Graphic novel as a reimagining of the *Kalevala* epic. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):96–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1340

REFERENCES

1. Bubrikh, D. V. From the history of the *Kalevala*. *Kalevala*. (L. P. Belsky, Transl., D. V. Bubrikh, Ed.). Moscow; Leningrad, 1933. P. IX–XX; Notes. P. 311–323. (In Russ.)
2. Dorofeeva, E. Images of the *Kalevala* in visual art. *NORSE.RU. Skandinaviya po-russki: onlain-izdanie*. Available at: <http://norse.ru/culture/suomi/kalevala.html> (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
3. Dorofeeva, E. The most unique edition of the *Kalevala* – what is it like? *Website GodLiterary.RF*. 28.02.2023. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2023/02/28/samoe-unikalnoe-izdanie-kalevaly-kakoe-ono> (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
4. Mullonen, I. I., Soini, E. G. D. V. Bubrikh and the *Kalevala*. *The Bubrikh Readings: humanities in the European North: Conference proceedings*. Petrozavodsk, 2015. P. 14–22. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrikh_cht_2015.pdf (accessed 09.05.2025). (In Russ.)
5. Rakin, N. A. Linguistic peculiarity of “*Kalevala*” and its Komi translation (dialectisms, archaisms, and neologisms in the translation made by A. I. Turkin). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2013;2:15–28. (In Russ.)
6. Soini, E. G. The *Kalevala* and the masters of analytical art. *The Kalevala in the context of regional and world culture: Proceedings of the international research conference celebrating the 160th anniversary of the Kalevala complete edition*. Petrozavodsk, 2010. P. 427–436. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/kalevala_427-436.pdf (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
7. Strukova, A. I. The *Kalevala* of the Filonov school: anatomy of the book. *Iskusstvoznaniye*. 2024;1:320–393. Available at: https://artstudies.sias.ru/upload/isk/isk_2024_1_320.pdf (accessed 01.08.2025). (In Russ.)
8. Haemaelaenen, M. M. On the lexicon of Karelian runes. *A centenary of the Kalevala complete edition: Proceedings of the jubilee scientific session*. Petrozavodsk, 1950. P. 152–165. (In Russ.)
9. Bosley, K. The art of Huitula. *Kalevala – the comic book*. Available at: <https://web.archive.org/web/20110712230826/http://www.huitula.com/kalevala2> (accessed 08.08.2025).
10. Louhi goddess: The mysterious power of the Finnish mythology queen. Available at: <https://oldworldgods.com/finnish/louhi-goddess/> (accessed 09.08.2025).
11. Mitchell, W. J. T. The pictorial turn. *ArtForum*. 1992;30(7):89–94.
12. Pulkkinen, R., Lindfors, S. *Suomalaisen kansanuskon sanakirja*. Tallina, 2016. P. 185–187.
13. Rohkainen, T. *Kalevala-aiheisista sarjakuvista*. Available at: <https://www.kansalaistalo.fi/josase/artikkeli/kalevala.html> (accessed 01.08.2025).
14. Sankkila, H. *Kalevala taipuu myös sarjakuvaksi*. *Turun Sanomat*. 01.03.2006. Available at: <https://www.ts.fi/viihde/1074104233> (accessed 31.07.2025).

Received: 5 November 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

ЛИЛИЯ ВОЛЬДЕМАРОВНА НИКОЛАЕВА

старший преподаватель кафедры теоретических дисциплин
Нижегородское театральное училище им. Е. А. Евстигнеева
(Нижний Новгород, Российская Федерация)
lilly.keilmann@gmail.com

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА АВЕРКИНА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
всемирной литературы Института филологии
Московский государственный педагогический университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-8922-679X; averkina.svetlanalumn@mail.ru

ФУНКЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ МО ЯНЯ «ЛЯГУШКИ»

А н н о т а ц и я . Рассматриваются художественные функции основных символических образов романа Мо Яня «Лягушки» (蛙, Wā) – лягушки, дитя и куклы. Изображая реальность, автор прибегает к мифологическому потенциалу китайской культуры, создавая объемный и многозначный портрет действительности периода политики «одного ребенка». Доказывается, что образ лягушки, наиболее тесно связанный с судьбой главной героини, акушерки Вань Синь (Тетушка, или Гугу), обретает амбивалентное значение: он символизирует плодородие, цикличность природы, духовное преобразование и одновременно – насилие, бесплодие, смерть. Особое внимание уделяется племяннику героини, начинающему писателю Кэдоу, рассказывающему о жизни Вань Синь и обитателей родной деревни в посланиях японскому другу. Кэдоу (в переводе с китайского языка ‘головастик’) олицетворяет в романе новое поколение, выросшее после периода жестоких социальных экспериментов. С ним автор связывает надежды на более гуманное будущее. В исследовании подчеркивается, что идея духовного преобразования, искупления реализуется автором и в образе глиняной куклы, традиционно ассоциируемой в китайском фольклоре с богиней луны Чаньэ, вдыхавшей в глиняные фигурки жизнь. В конце романа Гугу, терзаемая муками совести, также пытается искупить вину, раскрашивая слепленные игрушки для детей. Этот символ наиболее ярко раскрывается в финале романа, оформленного как пьеса, посвященная судьбе Вань Синь. Делается вывод, что оригинальная композиция романа, соединившего эпистолярный и драматический жанры, позволяет подчеркнуть сложность повествовательной стратегии Мо Яня. Создавая многослойное и многозначное повествование о судьбе своего поколения, он анализирует механизмы формирования культурной памяти. Анализ символического ряда романа показывает, что насыщенные мифологическим содержанием образы становятся важнейшим инструментом художественного выражения философской проблематики современной китайской литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Мо Янь, роман «Лягушки», символический образ, мифологический потенциал, многозначность, гуманизм

Д л я ц и т и р о в а н и я : Николаева Л. В., Аверкина С. Н. Функция символических образов в романе Мо Яня «Лягушки» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 106–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1341

ВВЕДЕНИЕ

Роман китайского писателя и Нобелевского лауреата Мо Яня «Лягушки» (蛙, Wā, 2009) представляет собой многослойное повествование, в котором история главной героини и обитателей ее родной деревни переплетена с драматическими страницами истории Китая. Сквозной темой романа становится политика контроля рождаемости, воплощенная в судьбах отдельных людей и целых поколений.

Сдерживание рождаемости – не новая для истории Китая практика, характерная, например, для эпохи правления династий Чжоу и Хань. В хрониках и древних летописях («Цзо чжуань» (V–IV века до н. э.), «Ши цзи» (I век до н. э.), «Хань шу» (I век н. э.)) приводятся эпизоды инфантицида в отношении девочек, примеры истребления младенцев в бедных регионах [9]. Путешественники, которые начали активно посещать Китай в эпоху Мин (Гаспар

да Круш, Матео Риччи), сообщают в своих воспоминаниях о жестоком обращении со слабыми, больными и непригодными для деторождения людьми [12]. Подобные явления зафиксированы и в истории Европы. Но после окончания Второй мировой войны политика в области прав человека изменилась, поэтому жесткая демографическая повестка Китая, просуществовавшая вплоть до 2015 года, осуждалась большинством западных стран.

Автор «Лягушек» не мог пройти мимо этой трагической страницы истории Китая. В своем романе он анализирует последствия коллективной психологической травмы, пытается понять, что поможет преодолеть ее. Повествование, выполненное в жанре магического реализма, уникально для китайской литературы [5: 39]. Сплетение магического реализма, авторского стиля и фольклорной культуры позволило создать произведение, которое выходит за рамки социального романа, превращаясь в символическую притчу, насыщенную мифологическими и фольклорными мотивами, гротескными и комическими описаниями народных характеров, аристофановским юмором¹.

В одной из первых отечественных публикаций, открывших творчество писателя широкой публике, «Мо Янь: первое знакомство» (2013) В. В. Пасечник пишет о присутствии в его произведениях «терпкого латиноамериканского оттенка», сравнивая его с любимым в России Г. Маркесом:

«Восточная эклектика лишь оттеняет этот привкус, анекдот переплетается с мистификацией, а сюрреализм – с мифологией. Каждый ингредиент, будь то переписка или рамочный рассказ <...> находится на своем месте, каждый играет свою роль. Вымысел становится реальностью, а реальность дополняет вымысел» [3: 258].

Одним из приемов, позволяющих достичь такого эффекта, является обращение к символическим образам, расшифровать которые можно, лишь углубившись в историю традиционной китайской культуры [2: 14]. Центральным символическим образом романа, своеобразным ключом к его пониманию является лягушка. Китайский фольклор связывает ее с лунным циклом, дождем и плодородием². Она олицетворяет вечное движение, изобилие, полноту жизни, женскую энергию³. В Древнем Китае лягушек называли «небесными цыплятами»: они падали на землю вместе с дождем, предвещая рождение детей и процветание⁴.

В романе Мо Яня этот образ приобретает трагическую амбивалентность. Образ лягушки становится многозначным символом, отра-

жающим глубинный конфликт между жизнью и смертью, природой и политикой, индивидуальной судьбой и национальной историей [11: 203–204]. Через мифологизацию повседневности писатель формирует новую мифологию современного Китая, в которой личная боль и историческая память приобретают универсальное звучание.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МО ЯНЯ

Настоящее имя писателя, известного сегодня во всем мире доктора филологии Открытого университета Гонконга – Гуань Мое (кит. 管谟业, Guǎn Mòyè). В переводе с китайского псевдоним Мо Яня звучит, словно призыв: «Молчи!» С раннего детства он помнил о силе молчания и пронес это знание через всю профессиональную жизнь, как бы странно это ни звучало для писателя. Мо Янь говорит на многие темы, но говорит иносказательно, избегая прямых оценок и выводов.

Мо Янь родился в 1955 году в провинции Шаньдун на востоке Китая, в небольшом уезде Гаоми. Вслед за У. Фолкнером и Г. Маркесом он создал свой узнаваемый мир, списанный с его родной деревни. Гаоми (高密, Gāomì) стало местом действия многих его произведений [1: 120–122]. Это пространство мифопоэтической памяти, в котором оживают поверья о духах воды и покровителях местности, а обычные явления воспринимаются через призму магического мышления [7: 135–136].

В Нобелевской лекции (2012) Мо Янь назвал себя «сказителем», задача которого заключается в том, чтобы доступным широкому кругу слушателей языком, похожим на язык странствующих по ярмаркам бродячих артистов, поведать миру истории предков и современников. Когда-то в детстве, вынужденный покинуть школу в период культурной революции, он заслушивался подобными рассказами и охотно передавал их родным и соседям⁵. Народный язык Мо Яня, тонкое понимание жизни со всеми ее противоречиями сделали прозу писателя самобытной и неподражаемой.

«Имея много общего с титанами мировой литературы XX века, он в то же время не похож ни на кого из них. <...> Мо Янь – своего рода ноумен, вещь в себе, абсолютное и бесспорное исключение из правил»,

– замечает В. В. Пасечник в упомянутой выше статье [3: 257].

Мать писателя (ей он посвятил роман «Большая грудь, широкие бедра») – скромная труженица, до невероятности честная и не терпя-

щая несправедливости женщина, помогла ему научиться быть «правдивым и подлинным», не бояться «открыто выражать свою природу» [4: 72–73].

Мораль Мо Яня внеконфессиональна: он не является буддистом, даосистом и последовательным конфуцианцем. Его можно отнести к тому типу гуманистов, которые, выступая за духовное единство людей, сохраняют национальные традиции, память о прошлом.

Все творчество Мо Яня связано с судьбой родной страны. В достаточно раннем возрасте он покинул Гаоми, чтобы поступить на службу в Народно-освободительную армию Китая, где стал кадровым политработником. Во время службы Мо Янь получил образование и в 1986 году окончил факультет литературы Института искусств НОАК. Тогда и произошло его «пробуждение» как писателя. Роман «Красный гаолян» (рассказ о жестокости деревенской жизни, насилии, бедности, вере и любви к малой родине) принес Мо Яню известность, а его экранизация талантливым молодым режиссером Чжаном Имоу, отмеченная в 1988 году жюри Берлинского фестиваля высшей наградой, сделала его знаменитым и за пределами Китая. Фильм имеет мощный антивоенный посыл и в то же время задает витальный мотив, характерный для творчества Мо Яня. Дуэт этих самобытных художников ознаменовал начало новой эры в развитии китайского искусства, переживавшего в 1980–1990-е годы бурный подъем. После подавления Тяньаньмэньского восстания и периода политической реакции Мо Янь не покинул страну и нашел силы продолжить писать [12]. Изпод пера автора вышли многочисленные рассказы, автобиографический очерк о детских годах «Моя история» (1998), сборники эссе «Женщина с охапкой цветов» (1997), «Ветры и луны» (1998) и «Мой век» (1999), а также несколько романов, посвященных недавней истории Китая.

Исторические катаклизмы Мо Янь всегда рассматривал не как проявление сиюминутных событий, а как результат сложных процессов, закономерностей, которые коренятся в природе народа, в его культуре, менталитете, традициях и верованиях. Об этом он размышляет в своем вершинном произведении «Сандаловая казнь» (1997), посвященном «боксерскому восстанию», положившему конец эпохи династии Цин, подточенной коррупцией и опиумом. Роман называют самым «мрачным и натуралистичным», так как его центральным образом становится казнь – линчевание на сандаловом кресте – символе роскоши и власти: сандаловое дерево приглушало запах крови, певцы китайской традиционной оперы заглушали стоны жертв, убийство проводилось с театральной торжественностью и риту-

альной точностью. Исследуя границы искусства и насилия, Мо Янь показывает, как обманчивая форма может соблазнить тысячи людей, не видящих за ней истинного содержания. Художник (предводитель восстания, певец пекинской оперы Сунь Бинь) показан одновременно как жертва и как творец истории. Повествование пронизано магическим духом легенд, на которых строились китайские оперы [8: 159–160].

Однако главным романом, написанным в стилистике магического реализма, и своего рода визитной карточкой Мо Яня за рубежом является трагикомическая эпопея «Устал рождаться и умирать» (2004) [8: 154–155]. Перед читателем разворачивается история метаморфоз героя-одиночки, отказавшегося стать покорным членом сельской коммуны. Героя казнили, но душа «кулака Си Мень Нао» не нашла успокоения. Он побывал в теле осла, вола, собаки, свиньи и обезьяны – так Си Мень Нао мог наблюдать жизнь его детей и внуков в бурно развивающейся Китайской Народной Республике. В конце романа Си Мень Нао снова рождается на свет в человеческом облике – в теле своего праправнука. И это происходит в канун нового 2000 года – миллениума, точки отсчета нового тысячелетия истории Китая. Прототипом главного героя стал, как утверждает Мо Янь, крестьянин-изгой из соседней деревни. Тень прошлого не случайно всплыла в его сознании: в детстве он, как и другие, был готов бросить камень в бродягу, не желавшего подчиняться правилам. Лишь с возрастом он понял, как несправедлив был к этому отчаянному чудаку – человеку, душа которого обязательно еще раз воплотится в новом теле, но в лучшие времена [8: 160–161].

Прототипом героини в романе «Лягушки» (2009), вобравшем в себя все черты поэтики Мо Яня, также послужила реальная личность – тетушка писателя, обладавшая невероятно сильным характером, какой встречался только у женщин, переживших последствия войны и эпоху культурной революции. Однако это было единственным сходством тети с Вань Синь.

ЖЕНЩИНА-АКУШЕРКА КАК ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРХЕТИП В РОМАНЕ «ЛЯГУШКИ»

Фигура деревенской акушерки Вань Синь, символически связанной с образом лягушки, занимает особое место в структуре произведения. Даже имя героини отсылает к мифам о лунном цикле и плодородии. В детстве ее звали Дуаньян (кит. 端阳), в переводе с китайского – ‘Праздник Драконовых лодок’, который отмечали в пятый день пятого лунного месяца, период, считавшийся благоприятным для зачатия.

Взрослое имя будущей «жрице смерти» дал отец, глубоко чтивший местные традиции и знав-

ший смысл причудливых и сложных иероглифов. Он мечтал, чтобы его дочь покровительствовала людям, давала им жизненную силу. Ван Синь (万心) – так он назвал любимую дочь – означает ‘Десять тысяч сердец’⁶. И поначалу мечта его сбылась: Дуаньян стала прекрасной акушеркой, наделенной интуицией и даром врачевания. Но суровая жизнь изменила ее внешность и характер. После побега на Тайвань мужа, служившего пилотом, и вступления героини в партию все стали называть ее Гугу (姑姑, Тетушка)⁷. Примечательно, что о ее судьбе читатель узнает из писем племянника Кэдоу японскому наставнику и другу. Писатель – рассказчик и структурирующее звено романа. Мо Янь наделяет его артистизмом и легкостью. Именно благодаря Кэдоу история Вань Синь обретает форму интимных воспоминаний, нехарактерную для интонации грубоватой героини.

Племянник запомнил ее другой. Тетушка заменила ему мать (в этой родственной ипостаси она возвращает себе статус помощницы, спасительницы детей). Отсюда – теплота и сострадание к Гугу, от которой он не мог и не хотел отречься. Кэдоу отличается мягкостью и деликатностью, свойственными, по мнению Мо Яня, новому поколению китайцев, выросших в период оттепели, пришедшей на смену диктатуре. Он не просто родственник Гугу, но и хроникер трагических событий прошлого. Рассказчик откровенно пишет об истории семьи, а творчество становится для него формой примирения с болью за общую вину.

Имя героя, вернее, его детское прозвище – Кэддоу (蝌蚪), переводится на русский язык как ‘головастик’. Семантически оно также связано с образом лягушек, но указывает на инфантильность, незрелость героя. Путь Кэдоу от сироты до писателя-драматурга становится метафорой развития, а его судьба (в обобщенном смысле) воплощает процесс «культурной модернизации» страны.

«НЕЛЕПОЕ ИМЯ» КАК ЗНАК ВРЕМЕНИ: ГРОТЕСКО-ИРОНИЧЕСКАЯ ИНТОНАЦИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ

Символично, что именно Гугу наделила Кэдоу говорящим прозвищем. Он с мягкой иронией вспоминает рассказ тетушки о своем «крещении». Однажды она, омывая руки, случайно увидела в ручье целые тучи головастиков и задумалась об их будущем:

«Столько головастиков, и ведь они в конечном счете станут лягушками. Далеко не все, конечно, большая часть превратится в ил. Как это похоже на мужские сперматозоиды, из множества которых соединиться с яйцеклеткой и стать ребенком может, боюсь, лишь один из тысяч» (3).

Так тетушке и пришло в голову, что между головастиком и рождением человека существует некая скрытая связь. Вероятно, поэтому она в тот день и посоветовала сестре назвать новорожденного племянника Головастиком, а она, в свою очередь, подхватила идею, исходя из своих соображений: прожить с таким скромным именем в трудные времена легче, чем человеку с именем героическим (3–4).

Прозвище Головастик не подходит писателю, призванному быть свидетелем и летописцем эпохи. И герой меняет его, как и многие другие дети, откашавшиеся от «смешных прозвищ, бездумно данных им при рождении» (8). Кэдоу сообщает, что традиция давать детям нелепые имена утвердилась в деревне достаточно давно. Этой теме он посвящает отдельный пассаж, позволяющий судить о той незначительной роли, которую общество отводило простому крестьянскому ребенку:

«В наших краях <...> издавна повелось нарекать ребенка при рождении какой-нибудь частью тела или органом. Например, Чэнь Би (Нос), Чжао Янь (Глаз), У Дачан (Толстая Кишка), Сунь Цзянь (Плечо) <...> Отчего так повелось, я не разбирался, наверное, склад ума такой, когда считают, что чем дряннее имя, тем дольше жизнь» (8).

Однако о судьбе своих несчастных односельчан он пишет с сочувствием и симпатией, подчеркивая их сноровку и неистребимую любовь к жизни:

«За ним ездил на телеге в уездный город искусный деревенский возница Ван Цзяо (Нога). С квадратной головой и толстой шеей, он заикался, метал злобные взгляды, когда говорил, и лицо его багровело от злости. Его сын Ван Гань (Печенка) и дочка Ван Дань (Желчный Пузырь), двойняшки, учились вместе со мной. Ван Гань высоченный, а Ван Дань <...> коротышка. Все говорили, что в утробе матери Ван Гань урывал себе все питание, вот Ван Дань и не росла» (9).

Приведенные примеры говорят о том, как в многочисленных китайских деревнях воспринималась жизнь маленького человека, рожденного, чтобы раствориться в коллективной воле, спрятаться за своим непримечательным и даже смешным именем, сократиться до функции, стать лишь частью целого. Процесс дегуманизации показан автором в гротескно-комическом ключе и контрастирует с общей трагической темой романа. Однако именно подобный прием позволяет глубже понять суть охватывавших китайское общество проблем.

Все те, кто не был готов смириться с ролью песчинки, придумывали себе устрашающие прозвища, как, например, вторая жена Кэдоу – одна из семи учениц Гугу. Все называли ее Львенком:

«<...> волосы взъерошенные, плоский нос, квадратный рот, прыщавое лицо. Перед тетушкой она прекло-

нялась, скажи ей тетушка убить кого, тут же схватила бы нож и убила бы, не раздумывая» (21).

Основанием для такого прозвища стала не столько внешность героини, сколько ее решительный и отважный характер. В страшных «обрядках» Гугу Львенок была ее верной помощницей. Неслучайно она сама не смогла родить ребенка: судьба наказала ее, как и Вань Синь, которая годами мучилась кошмарами. Гугу постоянно слышала кваканье лягушек, напоминающее крик новорожденных детей, что сделало ее существование невыносимым. Желая спасти Гугу, Кэдоу дал ей право высказать свое горе в финале романа, написанном в форме пьесы, которая отсылает к традиционному китайскому театру (戏剧, xijù). Сцена еще раз подчеркивает притчевую природу повествования [10: 121]:

«Кэдоу: А тетушка у нас героиня, которая выступает в защиту лягушек. *Тетушка (с горечью)*: Нет, у тетушки руки в лягушачьей крови <...>

Из пещеры вылезает ребенок в зеленом набрюшнике, а за ним толпа увечных лягушек. Зеленый ребенок громко кричит: “Верни должок! Верни должок!” “Лягушки” яростно квакают. Тетушка испуганно вскрикивает и теряет сознание.

Кэдоу: Тетушка, теперь-то я понимаю, почему вы боитесь лягушек. Чего мне не понять, так это как все эти годы вы самыми различными способами компенсировали свою, как вы считаете, “вину”. Ведь на самом деле никакой вашей вины нет, эти разодранные на куски лягушки – всего лишь плод вашей фантазии» (346–347).

ФУНКЦИЯ ОБРАЗА КУКЛЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА РОМАНА «ЛЯГУШКИ». МНОГОЗНАЧНОСТЬ ИЕРОГЛИФА 娃

Лягушки по природе своей ужасны: «бедра у них как женские», – говорит как-то Гугу (сравнение напоминает о профессии героини) (249). Лягушки – это и дети, и куклы, ведь иероглиф, обозначающий несвязанных внешне существ, звучит одинаково: 娃⁸. Львенок в одном из своих кровавожадных монологов поясняет эту мысль акушерки:

«Почему “лягушка” и “детеныш”, “кукла” читаются одинаково? Почему первый крик ребенка, только что появившегося из материнской утробы, звучит абсолютно так же, как лягушачье кваканье? Почему многие наши глиняные куклы в Дунбэ держат в руках лягушку? Почему прародительницу человечества зовут Нюйва? То, что “ва” из “Нюйва” и “ва” – “лягушка” звучат одинаково, говорит о том, что прародительницей человечества была большая лягушка, что человечество развивалось от лягушки, а теория развития человека от обезьяны абсолютно ошибочна...» (251).

Если образ лягушки превращается для Вань Синь в символ возмездия, то кукла дает ей надежду на возрождение. Фигурки кукол упоминаются лишь в последнем эпизоде романа, когда описывается, как бывшая повитуха вместе

с мастером, делающим глиняные игрушки, разукрашивает их. В этой сцене, по замыслу Кэдоу, Вань Синь должна напоминать читателю богиню Нюйву, лепившую первых людей из глины.

«Тетушка положила куклу, что держала в руке, в последний пустой квадратик, потом отступила на шаг, зажгла три свечи на небольшом жертвенном столике посреди комнаты, встала на колени, сложила перед собой ладони и забормотала <...> Я понял, что дядиными руками тетушка одного за другим воссоздавала младенцев, которые не родились в результате сделанных ею аборт. Я догадался, что таким способом она пытается компенсировать в своем сердце раскаяние, но укорять ее в этом нельзя» (306).

Здесь затрагивается сложный моральный вопрос: имеет ли право художник оправдывать Вань Синь, ставшую фактически детоубийцей из чувства гражданского долга? Самоустраиваясь из текста, перепоручая повествование добросердечному летописцу истории, Мо Янь ожидает от читателя прощения для исповедующейся преступницы – трагической героини своего романа и своего времени. Однако автор не решает главной дилеммы: может и должен ли маленький человек противостоять воле сильной машины государства – воплощению власти? Эта тема является сквозной в его творчестве.

ВЫВОДЫ

Роман «Лягушки» стал критическим художественным высказыванием китайского писателя-патриота, который призывает читателя взглянуть на историю своей страны с сочувствием и эмпатией. Мо Янь показывает, как человек в тисках общества утрачивает право на выбор, лишается возможности распоряжаться своим будущим, решать свою судьбу. Одним из первых он затронул табуированную долгое время государством и патриархальной культурой тему контроля над телом человека (женщины).

Многозначность романа достигается введением в его структуру символических образов, связанных и с мифологией, и с фольклором, в частности образа лягушки, воплощающей стихию жизни, идею рождения [2: 14]. Этот образ приобретает трагическую амбивалентность: кваканье лягушек воспринимается как голоса нерожденных детей и одновременно голос народа, трагический хор в его профанном, сниженном исполнении. Мо Янь трансформирует традиционно положительный символ в знак коллективной вины и памяти о жертвах идеологии.

Композиция романа, состоящего из писем и пьесы, позволяет соединить лирический рассказ, документальность и театральную условность, что усиливает метафоричность повествования. Исследователи отмечают владение Мо Янем «обширным и многообразным жанровым

инструментарием» и его виртуозное владение разными регистрами языка – от возвышенно-патетического до гротескно-комического, народного [3: 258].

Символический образ лягушки позволил автору углубить психологический портрет героев и усилить эмоциональное восприятие трагедии, происходящей на фоне радикальных социаль-

ных реформ. Связанный с ним, но контекстуально противопоставленный образ куклы предвосхищает возможность возрождения героини и осмысления современным народом Китая ошибок пошлого. Благодаря этому роману Мо Яня укрепил свою репутацию как писателя, способного глубоко и многогранно раскрывать современную китайскую действительность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Роман имеет отсылки и к аристофановской традиции и может быть прочитан в комическом ключе. Как и в пьесе греческого драматурга, где лягушки являются символом хаоса и неразберихи, в романе присутствует сатирическое изображение жизни простых китайцев. В обоих произведениях также есть упоминание загробного мира. Однако если Аристофан использует мифологический сюжет, в романе Мо Яня смерти реальны. Оба драматурга прибегают к сатире, комедийным и гротескным элементам для выражения критики социальных и политических проблем.
- ² Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 594.
- ³ Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. С. 614.
- ⁴ Там же. С. 615.
- ⁵ Янь Мо. Сказитель. Нобелевская лекция // Иностранная литература / Пер. с китайского И. Егорова. 2013. № 5. С. 254–266.
- ⁶ Янь Мо. Лягушки / Пер. И. А. Егоров. М.: Эксмо, 2020. С. 21. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁷ В регионе Гаоми принято жестко разделять позиции в семейной иерархии для людей одного поколения. Исследователи китайской культуры подчеркивают, что эта идея в китайской деревне очень важна и отличается от русской традиции: «...деление родственных титулов в России относится к сословному методу, который не указывает на порядок ранжирования, а выражает только старшинство, и имеет простую структуру» [6: 474]. Так, постоянный переводчик Мо Яня Егоров заменяет, например, слова *Да Еъе* и *Лао Найнай* на *дед* и *прабабушка*, что соответствует русским реалиям и снижает непривычность для русскоязычных читателей, но не полностью отражает особенности китайской терминологии родства [6: 469]. Обозначение «Тетушка» имеет не только родовое значение, но и социально-иерархическое. Гугу – взрослая женщина, имеющая важный семейный статус, способная решать серьезные вопросы и имеющая право на выражение мнения.
- ⁸ В романе «Лягушки» (蛙, wā) Мо Янь играет с омофонами: 字, 蛙, которые созвучны с иероглифом 娃 (wá) – ‘ребенок’. Также 娃 (wá) означает ‘малыш, дитя’. Схожий иероглиф 娃/娃娃 (wáwá) переводится как ‘кукла’, в метафорическом значении – ‘ребенок / малыш / крошка’. 字, 蛙 обозначает в обобщенном смысле ‘пробужденное сознание’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Груздева Е. А. Традиции китайской классической литературы и литературы Запада в романе Мо Яня «Страна вина» // Филология и культура. 2023. № 4 (74). С. 120–125. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-120-125
2. Косарев А. Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость: Учеб. пособие для вузов. М.: Пер Сэ; СПб.: Университетская книга, 2000. 304 с.
3. Пасечник В. В. Мо Янь: первое знакомство // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 256–266.
4. Родина М. В. Образ матери в творчестве Мо Яня (на примере романа «Большая грудь, широкие бедра») // Филологическая регионалистика. 2013. № 1. С. 72–74.
5. Сун Мэнчжи, Гуо Мэнмэн. Исследования русского перевода романа Мо Яня «Лягушки» на основе теории Поля Бурдьё // Амурский научный вестник. 2024. № 1. С. 37–48.
6. Сюй Лихун, Казакова Т. А. Культурно-значимые языковые единицы в произведениях Мо Яня в переводе на русский язык // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Т. 13 (4). С. 465–483. DOI: 10.21638/spbu13.2021.401
7. Цыренова Д. С. Магический реализм в творчестве Мо Яня // Вестник Бурятского университета. 2010. № 8. С. 134–137.
8. Dugan A., Huang Y. Mo Yan's work and the politics of literary humor // Mo Yan in context: Nobel laureate and global storyteller. West Lafayette: Purdue University Press, 2014. P. 153–166.
9. Idema W., Haft L. A guide to Chinese literature. Ann Arbor: University of Michigan, 1997 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/guidetochineseli0000idem/page/n3/mode/2up> (дата обращения 13.12.2024).
10. Lackner M., Kwok-kan T., Gänssbauer M., Terry Siu Han Yip. Fate and prognostication in the Chinese literary imagination. Leiden: Brill Academic Publishers, 2020. 206 p.
11. Chan Sh. W. A subversive voice in China: The fictional world of Mo Yan. New York: Cambria Press, 2011. 294 p.
12. Zeitlin J. T. Historian of the strange: Pu Songling and the Chinese classical tale. Stanford: Stanford University Press, 1997. 356 p.

Поступила в редакцию 15.09.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Liliya V. Nikolaeva, Senior Lecturer, Nizhny Novgorod Theater School named after E. A. Evstigneev (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

lilly.keilmann@gmail.com

Svetlana N. Averkina, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0009-0008-8922-679X; averkina.svetlanalunn@mail.ru

FUNCTIONING OF SYMBOLIC IMAGES IN MO YAN'S NOVEL *FROG*

Abstract. The article examines the artistic functions of the main symbolic images in Mo Yan's novel *Wā* (蛙, Frog) – a frog, a child, and a doll. In depicting reality, the author resorts to the mythological potential of Chinese culture, creating a convex and polysemantic portrait of the reality during the one-child policy period. It is proved that the image of a frog, most closely associated with the fate of the main character, a midwife Wan Xin (Auntie, or Gugu), becomes ambivalent in the novel: it symbolizes fertility, the cyclicity of nature, spiritual transformation, and at the same time violence, infertility, and death. Particular attention is paid to Gugu's nephew, an aspiring writer Ke Dou, who tells about the life of Wan Xin and people of his native village in lengthy letters to his Japanese friend. In the novel, Ke Dou, nicknamed Tadpole (Tadun) in childhood, personifies a new generation that grew up after a period of cruel social experiments. The author associates hopes for a more humane future with him. The article highlights that the idea of spiritual transformation and redemption is also realized by the author through the image of a clay doll, traditionally associated in Chinese folklore with Chang'e, the goddess of the Moon, who breathed life into clay figurines. At the end of the novel, Gugu, tormented by pangs of conscience, also tries to atone for her guilt by painting the molded toys for children. This symbol is most vividly revealed in the finale of the novel, which is structured as a play dedicated to the fate of Wan Xin. It is concluded that the unique composition of the novel, which combines the epistolary and dramatic genres, helps Mo Yan to emphasize the complexity of his narrative strategy. By creating a multi-layered and polysemantic story about the fate of his generation, he analyzes the mechanisms of cultural memory formation. An analysis of symbols in the novel shows that mythologically charged images become the most important tools for artistic expression of the philosophical problems of modern Chinese literature.

Key words: Mo Yan, novel *Frog*, symbolic image, mythological potential, polysemy, humanism

For citation: Nikolaeva, L. V., Averkina, S. N. Functioning of symbolic images in Mo Yan's novel *Frog*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):106–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1341

REFERENCES

- Gruzdeva, E. A. Traditions of Chinese classical literature and Western literature in Mo Yan's novel "The Republic of Wine". *Philology and Culture*. 2023;4(74):120–125. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-120-125 (In Russ.)
- Kosarev, A. V. The philosophy of Myth: Mythology and its heuristic significance: Textbook. Moscow, 2000. 304 p. (In Russ.)
- Pasechnik, V. V. Mo Yan: first acquaintance. *Voprosy literatury*. 2013;5:256–266. (In Russ.)
- Rodina, M. V. Image of mother in the novel "Large Breasts, Wide Hips" by Mo Yan. *Philological Regional Science*. 2013;1:72–74. (In Russ.)
- Song, Mengzhi, Guo, Mengmeng. A study of the Russian translation of Mo Yan's novel "Frog" based on Bourdieu's field theory. *Amursky nauchnyy vestnik*. 2024;1:37–48. (In Russ.)
- Xu, Lihong, Kazakova, T. A. Signs of cultural significance in the works of Mo Yan translated into Russian. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2021;13(4):465–483. DOI: 10.21638/6325 (In Russ.)
- Tsyrenova, D. S. Magic realism in the works of Mo Yan. *The Buryat State University Bulletin*. 2010;8:134–137. (In Russ.)
- Duran, A., Huang, Y. Mo Yan's work and the politics of literary humor. *Mo Yan in context: Nobel laureate and global storyteller*. West Lafayette, 2014. P. 153–166.
- Idema, W., Haft, L. A guide to Chinese literature. Ann Arbor, 1997. Available at: <https://archive.org/details/guidetochineseli0000idem/page/n3/mode/2up> (accessed 13.12.2024).
- Lackner, M., Kwok-kan, T., Gänssbauer, M., Terry, Siu Han Yip. Fate and prognostication in the Chinese literary imagination. Leiden, 2020. 206 p.
- Chan, Sh. W. A subversive voice in China: The fictional world of Mo Yan. New York, 2011. 294 p.
- Zeitlin, J. T. Historian of the strange: Pu Songling and the Chinese classical tale. Stanford, 1997. 356 p.

Received: 15 September 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела русского фольклора
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ведущий научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

**ФОЛЬКЛОР В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА МАЛЫШЕВА:
К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ**

А н н о т а ц и я . Владимир Иванович Малышев – выдающийся археограф, исследователь рукописной книжности, создатель Древлехранилища в Пушкинском Доме, которое носит его имя. Археографическая деятельность Малышева неоднократно становилась объектом изучения, но предложенный в статье анализ вклада ученого в фольклористику предпринимается впервые. Актуальность исследования обусловлена интересом современной филологии к истории российской фольклористики. Материалами для статьи послужили публикации Малышева, его неопубликованные записные книжки, а также воспоминания о нем его коллег и друзей. В круг интересов Малышева входили прежде всего тексты классического фольклора – былины, баллады, песни, предания, пословицы. В течение долгих лет ученый собирал устные предания о протопопе Аввакуме и его товарищах по пустозерской ссылке. Эти тексты интересовали его как исторические источники для реконструкции утраченных фактов их биографий. Записные книжки Малышева содержат тексты преданий, пословиц, частушек и анекдотов, которые были зафиксированы им во время экспедиций, а в последние годы жизни – в Удельном парке Ленинграда. Фольклорные тексты привлекали внимание ученого и как источники литературных произведений. В книге, посвященной Повести о Сухане (XVII век), им был предпринят текстологический анализ всех известных записей былины о Сухане (Сухмане), которая легла в основу этого древнерусского сочинения. В статье публикуются три фольклорных произведения, записанные Малышевым во время его экспедиции на Печору в 1934 году и изданные им в малодоступной газете «За пролетарские кадры».

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. И. Малышев, протопоп Аввакум, фольклористика, археография, былины, баллады, исторические предания, пословицы, рукописная книжность, Повесть о Сухане

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена по темам Государственного задания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Карельского научного центра РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В. Фольклор в исследованиях Владимира Ивановича Малышева: к 50-летию со дня смерти // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 113–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1342

ВВЕДЕНИЕ

Владимир Иванович Малышев (1910–1976) – выдающийся археограф, литературовед, собиратель рукописей, исследователь рукописной, преимущественно старообрядческой, книжности. Об археографической работе В. И. Малышева и о создании им Древлехранилища в Пушкин-

ском Доме написано много: здесь следует назвать прежде всего публикации А. М. Панченко [13], [14] и В. П. Бударagina [1]. Но был ли Владимир Иванович также фольклористом, какое место в его научном наследии занимает фольклор?

Открывая «Малышевские чтения» в Пушкинском Доме в 1978 году, Д. С. Лихачев охарактере-

ризовал В. И. Малышева как человека, близкого земле, как своего рода «крестьянского поэта». В. И. Малышев

«родился в небольшом провинциальном городе Наровчате около Пензы. Но он был по типу своему представителем той деревенской культуры, которая дала России множество выдающихся деятелей культуры, и по преимуществу поэтической» [5: 263–264].

«Крестьянский поэт», при всей условности этого образа применительно к В. И. Малышеву, не мог не знать и не любить фольклор. И действительно, как вспоминал близкий друг В. И. Малышева писатель А. И. Кузьмин, «Володя любил старинные русские песни, чаще всего (в студенческие годы. – А. П.) мы пели с ним “Ваньку-ключника”»¹.

Во время своей первой поездки – в 1934 году на Печору – сбору фольклора В. И. Малышев уделил не меньше внимания, чем поиску рукописей. Три записанных им текста – баллады «Монахицы-черноризицы» («Князь и старицы»), «Девять разбойничков» и прозаическое переложение народной песни о Горе – В. И. Малышев опубликовал после возвращения из этой экспедиции в газете «За пролетарские кадры»². Исследователь сопроводил публикацию кратким предисловием:

«Данные образцы старины – часть материала, собранного мной в Печорском крае в июле-августе 1934 г. Весь труд по сбору фольклора посвящаю академику Александру Сергеевичу Орлову, чуткое отношение которого к моей поездке сделало ее содержательной».

Местонахождение этой фольклорной коллекции неизвестно.

В ходе последующих экспедиций приоритеты исследователя изменились, и археограф начал побеждать фольклориста. Ценным источником сведений об отношении В. И. Малышева к фольклору служат его неопубликованные записные книжки, хранящиеся в нефондированной части фонда В. И. Малышева (ф. 494) в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Письменной фиксацией важных для него сведений и событий В. И. Малышев занимался на протяжении всей своей научной деятельности, в 1930–1970-е годы, в том числе в экспедициях. Книжки включают преимущественно факты из области археографии, библиографические заметки, адреса владельцев рукописей, наброски к будущим статьям и т. д., но встречается в них и фольклорный материал: пословицы и поговорки, в том числе со ссылкой на старообрядцев («По правде и обмануть

не грешно, – говорят старообрядцы»), образные выражения, редкие слова, услышанные В. И. Малышевым в экспедициях³. Особый интерес представляет книжка 1936 года, на первой странице которой В. И. Малышев заранее записал ее предполагаемое содержание: «А–Ж: пословицы, поговорки, поверья, слова, название предметов и т. д.; З–С: предания, сюжеты, песни, сказки и т. д.; Т–Я – разные записи личного порядка, книж. и т. д.». Преимущественно пословицами действительно заполнены шесть листов в начале книжки⁴, под буквой «З» отмечены полезные свойства растения «чернобеля» и «кротового сердца» (сердца крота), но песен, сказок и преданий в книжке нет. Постепенно В. И. Малышев убедился в том, что совмещать археографические поиски с сбором и изучением фольклора очень сложно. Планы по записыванию фольклора воплощать не удавалось, и поиск рукописей стал главным делом жизни ученого.

И все же одну разновидность фольклорных текстов – устные предания о протопопе Аввакуме, писателе XVII века, лидере старообрядческого движения, – В. И. Малышев собирал целенаправленно. В разные годы, с 1948 по 1965-й, исследователь публиковал предания, которые были записаны им в Пустозерске, Усть-Цильме, Боровске и Тобольске, то есть в тех местах, где Аввакум находился в ссылке или по пути в ссылку; публикации сопровождался подробными комментариями В. И. Малышева [6: 243–269]. Тексты действительно представляют собой фольклорные нарративы, они были записаны В. И. Малышевым от разных лиц (их имена он перечисляет), зафиксированы им в разных вариантах, некоторые из них ранее были записаны другими собирателями (в частности, С. В. Максимовым в книге «Год на Севере»). Таковы предания о казни Аввакума и его единомышленников, различных связанных с ними предметах (например, о крестах) и конкретных локациях, подлинные исторические известия о которых не сохранились: место казни, место захоронения останков, помещения в Пафнутиевом Боровском монастыре, где находился в заточении Аввакум, и т. д.

В. И. Малышев отмечал «сказочные и эпические черты» [6: 252] Аввакума в преданиях («в сознании народа он (Аввакум. – А. П.) приобретает черты эпического героя <...> и наделяется чертами чародея» [6: 246]), но основной интерес этих текстов он видел не в их фольклорной природе, а в том, что устные истории могут быть использованы как исторические источники

для реконструкции обстоятельств жизни и смерти Аввакума. Так, рассказ о пребывании Аввакума в селе Усть-Цильма служит, по мнению В. И. Малышева, доказательством того, что протопопа действительно везли через это село в декабре 1667 года к месту ссылки в Пустозерск. В реалистическом ключе В. И. Малышев пытался объяснить знание Аввакумом дня своей смерти, предание о погребении останков пустозерских «соузников», сюжет о кресте, который якобы изготовил Аввакум незадолго до смерти и нес на своих плечах к месту казни. Некоторые сведения из устных преданий В. И. Малышев включил также в составленную им «Летопись жизни протопопа Аввакума» [б: 339, 358, 371].

Приходится признать, что такой миметический подход к устным преданиям расходится с представлениями фольклористов об этом жанре. В. И. Малышев не вполне учитывал специфику фольклорной поэтики, существование устойчивых, повторяющихся мотивов и нарративных моделей, которые хотя и связаны с исторической действительностью, все же не столь прямо. Так, современный фольклорист узнает в преданиях об Аввакуме мотивы, характерные для народной агиографии, народных эсхатологических представлений, фольклорных преданий об исторических лицах⁵.

Ценность публикаций В. И. Малышева заключается прежде всего в фиксации и систематизации устных преданий об Аввакуме. Несомненно, прав исследователь и в том, что эти предания являются живой памятью об Аввакуме в местах его пребывания, главным образом у старообрядцев, спустя несколько столетий после его гибели.

Другое важное направление научной деятельности В. И. Малышева, связанное с фольклором, заключается в изучении им фольклорной основы некоторых древнерусских произведений, прежде всего повестей. В 1956 году В. И. Малышев защитил кандидатскую диссертацию⁶ и опубликовал монографию, посвященную рукописной повести XVII века о богатыре Сухане, победившем татарское войско [9]. Единственный известный сегодня список повести был найден самим В. И. Малышевым в 1948 году: в настоящее время он хранится в Древлехранилище Пушкинского Дома в собрании Отдельных поступлений (Р. IV, оп. 23, № 39). Поскольку Повесть о Сухане представляет собой литературную переработку былины о Сухане (Сухмане), основная задача исследователя заключалась в том, чтобы установить непосредственный источник литературного текста, сопоставив повесть со всеми

известными записями былины. В. И. Малышев привлек к изучению 23 записи былины и две записи исторической песни о Сухмане, причем некоторые записи ранее не были опубликованы, хранились в архивах. В поисках этих записей В. И. Малышеву помогал его близкий друг К. В. Чистов, предоставивший ему для изучения три текста из архива Карельского филиала Академии наук СССР [9: 147–148]. Разыскания записей были настолько тщательными, что и спустя 60 лет, при подготовке в Пушкинском Доме былинных томов «Свода русского фольклора» перечень текстов былины о Сухмане удалось дополнить только двумя, причем оба они были зафиксированы уже после завершения В. И. Малышевым его исследования⁷.

В первой главе книги приводится подробный текстологический анализ фольклорных текстов. Еще до В. И. Малышева было установлено, что былина о Сухмане существует в двух сильно отличающихся друг от друга версиях: северной (основной) и алтайской, известной только по одной записи, сделанной Д. П. Соколовым в 1860 году от нищего старика в Барнаульском горном округе. В северной версии изображен острый социальный конфликт: Сухман побеждает татар, князь Владимир не верит ему и сажает его в темницу; когда правда выясняется, князь пытается загладить свою вину перед богатырем, но тот в знак протеста кончает жизнь самоубийством. В алтайской версии этого конфликта нет: Сухан побеждает татар, но получает в бою «три раны сердечные», князь Владимир находит раненого богатыря, везет его в Киев, но Сухан умирает. В Повести о Сухане также нет конфликта богатыря с князем, в целом она близка сюжету алтайской записи. По мнению В. И. Малышева, алтайский вариант является более древним, нежели северный, а сама Повесть о Сухане, созданная служилым человеком XVII века, запечатлела представления о воинском подвиге как о «государевом деле», неотделимом от мысли об отечестве [9: 85]. В этой связи можно понять, почему свою книгу В. И. Малышев, участник Великой Отечественной войны, посвятил памяти своего брата Николая, «павшего в 1941 году при защите южных рубежей нашей Родины» [9: 3].

Защита диссертации В. И. Малышева стала заметным событием в научной жизни Ленинграда 1950-х годов. Диссертационное дело включает четыре отзыва на диссертацию (научного руководителя В. П. Адриановой-Перетц, руководителя древнерусского отдела ИРЛИ

Д. С. Лихачева и оппонентов А. М. Астаховой и Н. К. Гудзия), а также 11 отзывов на автореферат (В. В. Кускова, Л. Н. Пушкарева, В. Ф. Ржиги, А. Н. Робинсона, К. В. Чистова, В. И. Чичерова, Н. В. Водовозова, М. Н. Тихомирова и других)⁸. Практически во всех отзывах содержится мысль о том, что исследование В. И. Малышева является значимым не только для литературоведения, но и для фольклористики. По утверждению Н. К. Гудзия, более точно суть диссертации передавало бы название «Былина и повесть о Сухане»⁹. А. М. Астахова отмечала, что наблюдения автора диссертации

«могут быть полезны и в изучении всех имеющихся сейчас так называемых “старинных записей былин”, среди которых видим различные типы пересказов, от действительно очень близкой передачи устно-поэтического произведения до разных случаев литературных обработок»¹⁰.

Однако А. М. Астахова и Н. В. Водовозов не согласились с выделением особой алтайской версии былины и выводом В. И. Малышева о генетической зависимости от нее Повести о Сухане.

Интерес у фольклористов вызвала и монография, посвященная Повести о Сухане. В 1957 году были опубликованы две рецензии на нее – Б. Н. Путилова [16] и В. Я. Проппа [15]. Оба рецензента оценили работу высоко. Б. Н. Путилов отметил, в частности, что книга В. И. Малышева является «наиболее полным и значительным исследованием былины о Сухмане» [16: 216]. В. Я. Пропп писал:

«На настоящем своем этапе современная фольклористика больше всего нуждается именно в строгих монографиях по отдельным памятникам народной поэзии, создаваемых во всеоружии материала и метода. Такой является монография В. И. Малышева» [15: 350].

Но при этом ученый поставил под сомнение вывод автора о большей древности алтайской версии былины по сравнению с северной. Размышления В. Я. Проппа близки тем замечаниям, которые сделали А. М. Астахова и Н. В. Водовозов.

Определенный интерес для фольклористики представляют публикации В. И. Малышева, посвященные также другим рукописным памятникам. В 1949 году в приложении к своему отчету о командировке в Усть-Цильму В. И. Малышев опубликовал найденную им неизвестную повесть XVIII века «Чудо святого Николы, чудо еже о быке». Исследователь прокомментировал содержание этого местного сочинения и отметил в нем «элементы фольклора и языческого

обряда» [8: 477]. Развивая идеи В. И. Малышева, Т. С. Канева более подробно осветила связи этого произведения с фольклорными традициями края и представила его как «своего рода фрагмент общекультурного текста печорских старообрядцев» [3]. В статье о «Сказании о киевских богатырях» В. И. Малышев опубликовал неизвестный список этого сочинения, связанного, как и Повесть о Сухане, с героическим эпосом [7]. В статьях «Стихотворная параллель к “Повести о Горе и Злочастии” (стих “покаянный” о пьянстве)» [11] и «Стих “покаянный” о “люте” времени и “поганных” нашествиях» [10] он исследовал рукописные сборники покаянных стихов XVII–XVIII веков. Фольклор является здесь необходимым научным контекстом: эти сборники, как писал В. И. Малышев, «привлекали к себе внимание исследователей... фольклора», в частности Петра Бессонова, издателя собрания народных стихов «Калики перехожие» [11: 142]. В обзорах рукописей В. И. Малышев отмечал сочинения, которые могут быть интересны фольклористам¹¹. Работая с письменными памятниками, ученый рассматривал их как часть живой традиции, народной духовной культуры в целом.

Интересовался В. И. Малышев и фольклором городским, порой весьма фривольного, «срамного» содержания. Как вспоминал А. М. Панченко, в последние годы жизни В. И. Малышев любил гулять в Удельном парке, «хаживал непременно с записной книжкой, куда попадали частушки, деревенские и “мещанские” анекдоты, острые словечки и образчики того жанра, который фольклористы обозначают как “слухи и толки”» [14: 272]. Действительно, в Удельном парке по выходным дням собирались желающие попеть и поплясать под гармонь, здесь исполняли частушки, рассказывали анекдоты. В записных книжках В. И. Малышева 1970-х годов содержатся, например, анекдоты о В. И. Чапаеве («В. И. докладывают, что Митьку с триппером привезли. В. И.: Митьку отпустить, триппер доставить в штаб»; «Тов. Чапай, белые позади! <В. И.>: Марш вперед!» и др.) и частушки:

«Ай, Ванюшка, ах, Ванюшка, у тебя рубашка новая, поработаешь в колхозе, будет пузо голое», «Познакомилась с милёнком, оказался он шофёр. Я к нему со всей душой, а у него не работает стартёр»; «Я к нему передком, а он ко мне грудью. А мне надо, чтобы шел со своим орудием».

Такие тексты В. И. Малышев определял как «удельническую похабщину». В записных книжках В. И. Малышева их немного, но все же они

свидетельствуют о его интересе к народной устной культуре в различных ее формах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует еще раз отметить, что проявленный в начальный период научной деятельности В. И. Малышева интерес к собиранию классического фольклора рано уступил место изучению древнерусской и старообрядческой книжности. К фольклору В. И. Малышев обращался прежде всего как к источнику исследуемых им литературных произведений и историческому источнику для реконструкции утраченных сведений о старообрядческих деятелях XVII века – о протопопе Аввакуме и его «соузниках». Остается сожалеть, что в свои археографические экспедиции В. И. Малышев не брал профессионального

фольклориста – наши знания об устной традиции Русского Севера могли бы быть гораздо богаче.

В приложении помещаем три фольклорных текста, записанных В. И. Малышевым в Печорском крае (в Пустозерске и дер. Устье) в 1934 году. Опубликованные в малодоступной газете «За пролетарские кадры», они, насколько нам известно, не были позднее переизданы и не обратили на себя должного внимания фольклористов. Представляется целесообразным по этой причине повторное введение этих текстов в научный оборот. Тексты издаются с сохранением орфографии оригинала, знаки препинания поставлены в соответствии с правилами пунктуации, деление на строки в оригинале отсутствует, осуществлено публикатором, пропущенные буквы восставлены в угловых скобках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Монашицы-черноризицы¹²

Как женился князь да во двенадцать лет,
Уж он взял княгиню девяти годов,
Уж он жил с княгиней ровно три года,
Ровно три года, ровно три месяца.
На четвертый год да князь гулять пошел.
И гулял-то князь ровно три года,
Равно три года, ровно три месяца.
На четвертый год да князь домой пошел.
Как навстречу князю идут старицы,
Идут старицы да две монашесцы,
Две монашесцы – черноризнецы да белокнижницы.
Уж как стал тут князь у них выпрашивать,
Стал выпрашивать да все выведывать:
«Ой вы старицы да вы монашесцы,
Черноризнецы да белокнижницы.
Вы давноль, давноль с моего двора,
С моего двора, да со княгинского,
Со княгинского да с Катеринского?
Как живет моя да молода жена,
Молода жена да свет княгинюшка да Катеринушка?»
Отвечали тут ему старицы,
Ему старицы черноризицы,
Черноризицы да белокнижницы, две монашесцы:
«Мы сей<час> идем да с твоего двора да со княгинского,
Со княгинского да с Катеринского.
Там живет твоя молода жена,
Молода жена да свет княгинюшка,
Да свет княгинюшка, Катеринушка
Ходит в тоненькой рубашечке да без летничка,
В одних тоненьких чулочках без чоботцев.
Во покой зайдешь – непорядки тут,
Непорядки тут – колыбель качат.
Во первом углу да колыбель качат,
Колыбель качат да малых деточек.
Во другой зайдешь – да не порядки (*sic!*) тут,
Непорядки тут – да колыбель качат,
Колыбель качат да малых деточек.
Все ключи-замки да испраломаны,
Все добры кони да исприезжаны.
Как стоят они да поколен в грязи,

Они пьют воду да все навозную,
Они едят травы да весе осотливые».
Тут садился князь да на добра коня,
И поехал князь да сломя голову
К своему двору да ко княгинскому,
Ко княгинскому да Катеринскому.
Подъезжает князь к своему двору,
К своему двору да ко княгинскому,
Ко княгинскому да Катеринскому.
Выбегает к нему да молода жена,
Молода жена да свет княгинюшка,
Свет княгинюшка да Катеринушка
В одной тоненькой рубашечке да без летничка,
В одних тоненьких чулочках да без чоботцев.
Как схватил тут князь да саблю острую,
Он уж ссек сказнил буйну, буйну голову
Да молодой жены, молодой жены свет княгинюшки,
Свет княгинюшки да Катеринушки.
Во покой зашел – непорядков нет,
Колыбели нет да малых деточек.
Тут стоят пела да золоченая,
Уж не столько шита, сколько плакана,
Все князя домой да дожидано.
Во другой зашел – да колыбели нет,
Колыбели нет да малых деточек.
Тут стоят пела да золоченная,
Уж не столько шита, сколько плакана,
Все князя домой да даждано.
Все ключики-замки да не испроломаны,
Золота казна да не истрочена,
Все добры кони да не изъезжены,
Они пьют воду да все ключевую,
Они едят траву да все шелковую.
Тут садился князь на добра коня,
И поехал князь да сломя голову.
Дагонил тут князь этих старицей,
Этих старицей да две монашесцы,
Две монашесцы черноризицы,
Черноризицы да белокнижницы.
Уж он ссек сказнил им буйны головы.

От горя бегом, а оно все передом¹³

Жил был мужичек по прозвищу Дух. Всю жизнь он с нуждой боролся. Вот однажды продал он рыбу и так хорошо, что крикнул: «Прощай, горе-нужда; здравствуй, богатество». Пришел он домой, а горе у него уже в перед-

нем углу сидит. Поставил мужик бутылку вина на стол: «Ну, жена, заживем». А она говорит: «Коровушка-то у нас ушла». Вот горе-то его и встретило. И пошло с тех пор, – от горя бегом, а оно все передом.

Девять разбойничков¹⁴

Во славном во городе во Киеве,
У ласкового князя Володимира
Тут жила-была молода вдова,
Молода вдова Амельфа Тимофеевна.
Еще было у вдовушки девять сыновей,
А десятая красно-девица.
Еще все братья сестричку возлюбили.
После этого быванья
Братья во разбой пошли да разбойничать.
После этого добыванья
Матерь дочь вырастила, замуж выдала
За того гостя за морянина.
Увез ее морянин во моряночки.
Они год живут да и другой живут,
Они прижили себе мало детище.
Задумала моряночка в гости ехать
На родимую стороночку, на любимую.
Они день едут, они другой едут.
И пристигла их темна ноченька.

Они раскинули шатер бело-полотнянный,
Привязали коня ко белу шатру
И насыпали пшена белоярого.
Они попили, поели, сами спать легли.
И напали на них 9 разбойников.
И богоданного убили муженька,
И детятку во котле сварили,
И меня, несчастну, во полон взяли.
Один-от разбойничек не спит-лежит,
Он не спит-лежит, сам выспрашивает:
«Уж ты коего города, кой земли?»
«Уж я стольного города я Киева!
Уж я славной вдовы Амельфы Тимофеевны!»
Родимый брателько слово вымолвил:
«Уж вы гой еси, братья родимые!
Мы не малую шуточку нашутили,
Мы родимого-то зетелька убили,
Родимого племянничка во котле сварили,
Мы родимую-то сестричку во полон взяли!»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузьмин А. И. Наш Володя (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 138. Л. 3).

² Малышев В. И. «Старины» Печорского края // За пролетарские кадры. 1934. 11 сент. № 16 (66). Десятидневная газета к «оллектив»ов ВКП(б) и ВЛКСМ, профкома и месткома Ленинградского историко-философского лингвистического института. См. также в приложении к наст. статье.

³ Изучением малышевских записных книжек занимается сотрудница Пушкинского Дома Т. Н. Галашева. Благодарю Т. Н. Галашеву за помощь в разыскании в них фольклорных текстов.

⁴ Приведем некоторые из них: Не в селе Селиван, ни в городе Богдан. Скоро, да не споро. Пока богатый иссохнет, бедный издохнет. Была бы крупа, и дурак сущий кашу сварит. Одень пень, и тот будет хорош. Маленькая собака до старости шенок. Дальше от моря – меньше горя. Наша горница до всего охотница. Где был, там нет; где шел, там след. Не пьян, да говорят: пьян; уж лучше напьюсь да повалюсь. Дурак мыслями богат. Кошка от мышей, а баба ото вшей. Лучше сабле обломиться, нежели невинной голове отвалиться. Был бы милой по душе, проживем и в шалаше. Мужик горбом, а поп горлом. Яблоко-то румяно, да внутри червь и многие другие.

⁵ В преданиях об Аввакуме могут быть отмечены следующие мотивы, по классификации Н. А. Криничной [4]: Б8: Происхождение особенностей ландшафта, связанное с деятельностью исторических лиц; Л8: Изготовление предмета материальной культуры историческими лицами; О.1: Предсказание; Ф.6: Оставление следов пребывания в конкретной местности историческими лицами; Ф.7: Оставление памятника события в конкретной местности и др.

⁶ См.: Малышев В. И. Повесть о Сухане: (Из истории русской повести XVII века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956. 17 с.

⁷ Один вариант был зафиксирован на Печоре в 1956 году, другой – на Карельском берегу Белого моря в 1957 году. В. И. Малышеву осталась неизвестна также авторская обработка этого былинного сюжета, выполненная каргопольским краеведом И. И. Рудометовым, хотя возможно, что она была создана после 1956 года [2: 26, 29–30].

⁸ РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 1, № 21: Материалы о защите кандидатской диссертации В. И. Малышева. 1956 год, 58 л.

⁹ Там же. Л. 20.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ См., например: «Занимающемуся изучением взаимосвязей литературы и фольклора, переработками народно-сказочных сюжетов небезынтересной может показаться “Повесть о купце и жене его лукавой” (из цикла “Бабы увертки”» [12: 35].

¹² Баллада, получившая широкое распространение по всей России, в Белоруссии и Украине, публиковавшаяся чаще под названием «Князь и старицы» (Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 61–63, 382). В. И. Малышев записал текст в Пустозерске от Е. И. Шайтановой, 63 лет; от нее же были записаны предания о протопопе Аввакуме.

¹³ Прозаический вариант популярного в фольклоре сюжета, представленного преимущественно в лирических песнях и балладах, о преследовании человека Горем. Сюжет лежит также в основе древнерусского произведения

XVII века – Повести о Горе-Злочастии. Текст записан от «сказителя» Вокуева (его инициалы В. И. Малышев не указал), 78 лет, в деревне Устье недалеко от Пустозерска. В статье о пустозерских преданиях об Аввакуме, записанных в 1934 году, В. И. Малышев упомянул двух Вокуевых из д. Устье: М. Д. Вокуева и Ф. С. Вокуева [6: 248]. Согласно полученным от краеведа Е. С. Кисляковой (Нарьян-Мар) сведениям, Михаил Долматович Вокуев родился 01.11.1869 года, а Фаддей Семенович Вокуев – 17.08.1866 года. Если возраст «сказителя Вокуева» В. И. Малышев указал правильно (78 лет в 1934 году), то текст был записан от какого-то другого лица.

¹⁴ Одна из наиболее популярных эпических баллад – «Братья разбойники и сестра», известна на всей территории России, в Белоруссии, Украине и Закарпатье (Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 124–127, 390–391). Текст записан в Пустозерске от Ф. И. Ивановой, 85 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бударягин В. П. «Ищите – да обрящете...» (Владимир Иванович Малышев и его Древлехранилище) // Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 401–419.
2. Власов А. Н. Былинный контекст Повести о Сухане // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 35. С. 25–41.
3. Канева Т. С. Усть-цилемская «Повесть о быке» в контексте местной фольклорной традиции // Чтения по истории и культуре древней и новой России: Материалы конференции (Ярославль, Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, 7–9 октября 1998 г.). Ярославль, 1998. С. 84–86.
4. Кричичная Н. А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1990. 28 с.
5. Лихачев Д. С. Немного о Владимире Ивановиче Малышеве (Вступительное слово к «Малышевским чтениям» 3 мая 1978 г.) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 262–264.
6. Малышев В. И. Избранное. Статьи о протопопе Аввакуме. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 432 с.
7. Малышев В. И. Новый список «Сказания о киевских богатырях» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 387–390.
8. Малышев В. И. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 469–480.
9. Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 224 с.
10. Малышев В. И. Стих «покаянный» о «люте» времени и «поганых» нашествии // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 371–374.
11. Малышев В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянный» о пьянстве) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 142–148.
12. Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. 214 с.
13. Панченко А. М. В. И. Малышев как археограф // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 214–218.
14. Панченко А. М. О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 265–276.
15. Пропп В. Я. [Рец. на кн.]: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. Изд. Академии наук СССР, 1956, 223 стр. // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 348–350.
16. Путилов Б. Обретенная ценность // Звезда. 1957. № 4. С. 216–217.

Поступила в редакцию 03.02.2026; принята к публикации 18.05.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation), Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

FOLKLORE IN RESEARCH CONDUCTED BY VLADIMIR IVANOVICH MALYSHEV: COMMEMORATING HIS 50TH DEATH ANNIVERSARY

Abstract. Vladimir Ivanovich Malyshev was an outstanding archaeographer, researcher of manuscript books, and the founder of the Pushkin House Repository of Ancient Manuscripts, which bears his name. Malyshev's archaeological work has been the subject of numerous studies, but this is the first time that his contribution to folklore studies

has been analyzed. The relevance of this research is due to the interest of modern philology in the history of Russian folklore studies. The article is based on Malyshev's publications, his unpublished notebooks, and the recollections of his colleagues and friends. Malyshev's interests primarily focused on classical folklore genres such as epics, ballads, songs, legends, and proverbs. For many years, the scholar collected oral legends about Protopope Avvakum and his companions in the Pustozersk exile. He was interested in these texts as historical sources for reconstructing the lost facts of their biographies. Malyshev's notebooks contain texts of legends, proverbs, ditties, and anecdotes that he recorded during his expeditions and, during the last years of his life, in the Udelny Park in Leningrad. Folklore texts also attracted the scholar's attention as sources of literary works. In his book dedicated to the seventeenth-century "Tale of Sukhan", he undertook a textual analysis of all known recordings of the epic about Sukhan (Sukhman), which formed the basis for this ancient Russian text. The article includes three folklore works recorded by Malyshev during his expedition to Pechora in 1934 and published in the hard-to-find newspaper *Za Proletarskie Kadry* (*For the Proletarian Workforce*).

Key words: V. I. Malyshev, Protopope Avvakum, folklore studies, archaeography, epics, ballads, historical legends, proverbs, handwritten books, "The Tale of Sukhan"

Acknowledgements. The study was conducted as part of state research tasks assigned to the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) and Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pigin, A. V. Folklore in research conducted by Vladimir Ivanovich Malyshev: commemorating his 50th death anniversary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):113–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1342

REFERENCES

- Budaragin, V. P. "Seek and you will find..." (Vladimir Ivanovich Malyshev and his Repository of Ancient Manuscripts). *Ivanova, T. G. The Manuscript Department of the Pushkin House: A historical essay*. St. Petersburg, 2006. P. 401–419. (In Russ.)
- Vlasov, A. N. The epic context of the "Tale of Sukhan". *Russian folklore. Materials and research*. St. Petersburg, 2016. Vol. 35. P. 25–41. (In Russ.)
- Kaneva, T. S. "The Tale of the Bull", created in Ust-Tsilma, in the context of the local folklore tradition. *Readings on the History and Culture of Ancient and Modern Russia: Conference proceedings (Yaroslavl', Yaroslavl' Historical and Architectural Museum-Reserve, 7–9 October 1998)*. Yaroslavl', 1998. P. 84–86. (In Russ.)
- Krinishnaya, N. A. Index of types, motifs, and basic elements of legends. Petrozavodsk, 1990. 28 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. A few words about Vladimir Ivanovich Malyshev (opening speech for the Malyshev Readings, 3 May 1978). *Old Russian booklore: Based on the Pushkin House materials*. Leningrad, 1985. P. 262–264. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Selected works. Articles about Protopope Avvakum. St. Petersburg, 2010. 432 p. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. A new copy of "The Tale of the Heroes of Kiev". *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1955. Vol. 11. P. 387–390. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Report on a field trip to the village of Ust-Tsilma, Komi ASSR. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1949. Vol. 7. P. 469–480. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. "The Tale of Sukhan". From the history of the Russian tale of the XVII century. Moscow; Leningrad, 1956. 224 p. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. The "repentant" verse about the "lethal" time and invasion of the "vile infidels". *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1958. Vol. 15. P. 371–374. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Poetic parallel with "The Tale of Grief and Misfortune" (the "repentant" verse on drunkenness). *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1947. Vol. 5. P. 142–148. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Manuscript codices of the XVI–XX centuries from Ust-Tsilma. *Sykytyvkar*, 1960. 214 p. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. V. I. Malyshev as an archaeographer. *Archaeographic Yearbook for 1977*. Moscow, 1978. P. 214–218. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. About Vladimir Ivanovich Malyshev. *Old Russian booklore: Based on the Pushkin House materials*. Leningrad, 1985. P. 265–276. (In Russ.)
- Propp, V. Ya. [Review of the book]: Malyshev, V. I. "The Tale of Sukhan". From the history of the Russian tale of the XVII century. USSR Academy of Sciences, 1956, 223 p. *Russian folklore. Materials and research*. Moscow; Leningrad, 1957. Vol. 2. P. 348–350. (In Russ.)
- Putilov, B. The value found. *Zvezda*. 1957;4:216–217. (In Russ.)

Received: 3 February 2026; accepted: 18 May 2026; published: 30 June 2026

ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА КУЗНЕЦОВА

кандидат филологических наук, независимый исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
v.kuznetsova2010@yandex.ru

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

Рец. на кн.: Иванова Т. Г. Региональные былинные традиции Сибири / Т. Г. Иванова. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2025. – 296 с.

Для цитирования: Кузнецова В. П., Лойтер С. М. Рец. на кн.: Иванова Т. Г. Региональные былинные традиции Сибири / Т. Г. Иванова. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2025. – 296 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 121–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1343

Свою новую монографию крупнейший былиновед Татьяна Григорьевна Иванова посвятила эпическим традициям Сибири. Их «фактическую бедность» отметил в статье 1921 года М. К. Азадовский, рассказавший о первой специальной экспедиции в Сибирь в 1913–1914 годах. До этого все записи былин и других жанров делались нерегулярно и случайными людьми. Тем более значимо исследование Т. Г. Ивановой, сумевшей из развалин, осколков и оставшихся фрагментов воссоздать картину бытования некогда существовавшей эпической традиции, которую автор определяет понятием «региональная». Она, эта картина, имеет фундаментальную основу: прежде всего издание Ю. И. Смирнова и Т. С. Шенталинской «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 1991), «Свод русского фольклора: Былины» – издания Института русской литературы: былины Мезени (тт. 3–5), былины Пинеги (т. 7), архивы и множественные источники по Сибири. Но совершенно особая роль принадлежит самой Т. Г. Ивановой, обладающей колоссальным знанием былин, владеющей литературой о них, много писавшей о былинах по разным поводам и непосредственно об эпической традиции Сибири. Особо выделим ее статью «“Большие” и “малые” метрополии севернорусской былинной традиции», называемую автором на первой странице книги в связи с ее концепцией иерархии эпических метрополий. Этому посвящено обстоятельное Введение, которое мы рассматриваем как теоретическое обоснование к исследуемому материалу. Т. Г. Иванова предлагает использовать уже высказанное ею положение об «иерархии» эпических метрополий, определить понятия «материнская метрополия», «колониционная метрополия», «региональная метрополия», «локальная метрополия». В число

первых исследователь включает восстановленную гипотетически «материнскую метрополию», связанную с биографиями главных героев былин Киевского цикла (Киев, Ростов, Муром, Рязань, Галич) и Новгорода. «Колонизационной» метрополией предлагается считать период XII–XVI веков, когда происходила славянская колонизация Русского Севера – главного макрорегиона. С подобным утверждением автора нельзя не согласиться, поскольку оно построено на глубоком знании русской истории и специфики русского эпоса. Освещается и большое значение Москвы для создания севернорусских былинных регионов. Об этом говорят «следы» в некоторых былинах, где действие связано с «каменной Москвой», «московскими заставами».

Т. Г. Иванова вносит уточнение, касающееся понятий «региональный» и «локальный». Данное уточнение крайне важно, так как исследователи зачастую не могут определиться с границами изучаемых территорий и с терминами. Если локальная единица более или менее понятна, то область региональной единицы зачастую определяется неправильно. Выработанная автором методология изучения традиции обуславливает структуру монографии. Региональная традиция Сибири в книге – это семь губерний: Енисейская губерния (Енисей и нижняя Ангара), Иркутская губерния (бывшие Илимское и Иркутское воеводства), Якутская область (Индигирка и Русское Устье), Якутская область (Колыма), Приморская область (Анадырь и с. Марково), Забайкальская область (Забайкалье и Приамурье), Тобольская губерния (Алтай – междуречье Иртыша и Оби). Они и составляют семь глав исследования, построенного по единой модели: история заселения края, история собирания былин, характеристика былинных текстов. В первой части глав в каждом случае поражает знание

и учет географических подробностей сформировавшейся губернии, тщательность, скрупулезность в собирании огромнейшего, разнохарактерного материала, умение, даже мастерство соединить его и превратить в динамичный и хорошо представляемый исторический образ региона с его природными особенностями, укладом, составом населения, национальными приметами.

Вторая часть каждой из глав – история собирания былин. Она создается из многочисленных имен людей разных занятий и профессий, нередко тех, кто, не являясь собирателями, записывали встреченный фольклорный текст, который становился частью их повествования или исследования. И эти не прицельные, нередко случайные записи и описания оказывались очень ценным материалом, а малоизвестные имена их носителей – достойными большого уважения и памяти. Назовем в каждой из губерний хотя бы несколько имен, кому мы обязаны сохранением региональной традиции. В Енисейской губернии: врач М. Ф. Кривошапкин, этнографы А. А. Макаренко и Н. А. Костров, собиратели А. А. Савельев, И. А. Чеканинский. Иркутская губерния: писатель, автор романа «Угрюм-река» и собиратель В. Я. Шишков, собиратель К. А. Копержинский, литератор Н. А. Полевой. Якутская область: Индигирка и Русское Устье – собиратели И. А. Худяков, В. М. Зензинов; Колыма – этнограф В. Г. Богораз. Забайкальская область: Забайкалье и Приамурье – В. С. Левашов. В этой череде фамилий выделим тех, о ком сложились почти отдельные очерки. Это М. К. Азадовский, работавший в Забайкалье; петербургский этномузыковед А. М. Мехнецов; А. В. Пруссак.

Третьи части каждой главы – характеристики былин – содержат прежде всего таблицы, в которых в специальных графах указаны сюжет былины, количество вариантов, повторные записи, если таковые имеются, имя сказителя, место и время записи, имя собирателя, издание. Таблицы продолжает подробный комментарий к текстам, где характеризуется каждый записанный сюжет, называются наиболее популярные

в каждой местности варианты, например сюжет «Илья Муромец – на корабле – Соколе» или «Добрыня и Алеша» в Енисейском крае. Определяется, когда записанная былина представляет собой сложную контаминацию, например былина «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Калинцарь», записанная на Ангаре А. А. Савельевым, когда утрачены или заменены топонимы или антропонимы, когда наблюдается стяжение сюжета былины, например «Дунай и Настасья» – забайкальский вариант, или когда текст вообще деформирован, то есть в текст былины включен фрагмент из другого фольклорного жанра, так небыллица оказывается зачином былины, или в нее вносятся фрагменты из свадебной, обрядовой поэзии, например «винограде» или святочные поздравления. И это далеко не все следы разрушения традиции, подробно отмеченные автором книги. В комментарии иногда включаются пояснения, дополнения самих сказителей. В этой части автором книги воспроизводится случай в Забайкалье, когда один текст былины «Ставр Годинович» из 77 стихов воссоздается по отдельным стихам информантами, которые сами называли того, кто может продолжить «стиха». Аналогичная ситуация запомнилась одному из авторов этих строк – С. М. Лойтер: в 1980–1981 годах, в период полного разрушения и утраты былины, удалось записать в деревне Суйсарь Прионежского района Карелии фрагмент былины «Ставр Годинович».

Восстановление разрушенной, но бывшей традиции – серьезный вклад ученого не только в былинное знание. Ее сущностное глубинное содержание значительно шире предмета непосредственного изучения и поэтому обращается к проблеме типологии былины как явления мирового эпоса, его возникновения, развития, бытования. «Специалист народной словесности, – по словам М. К. Азадовского, – должен являться... историком и этнографом». Это непосредственно относится и к автору монографии «Региональные былинные традиции Сибири» фольклористу Т. Г. Ивановой.

Поступила в редакцию 27.04.2026; принята к публикации 18.05.2026; дата публикации 30.06.2026

Review

Valentina P. Kuznetsova, Cand. Sc. (Philology), Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
v.kuznetsova2010@yandex.ru

Sofia M. Loiter, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
sofia5@sampo.ru

The book review: Ivanova, T. G. Regional epic traditions of Siberia. St. Petersburg, 2025. 296 p.

For citation: Kuznetsova, V. P., Loiter, S. M. The book review: Ivanova, T. G. Regional epic traditions of Siberia. St. Petersburg, 2025. 296 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):121–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1343

Received: 27 April 2026; accepted: 18 May 2026; published: 30 June 2026

24 мая 2026 года исполнилось 65 лет доктору филологических наук, доценту, профессору кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии ПетрГУ, члену редколлегии нашего журнала *Ирине Алексеевне Кюршуновой*

Celebrating the 65th anniversary of *Irina A. Kyurshunova*

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

К 65-летию со дня рождения

Профессор кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии ПетрГУ И. А. Кюршунова работает в сфере высшего образования с 1987 года. После окончания в 1983 году филологического факультета Карельского государственного педагогического института (КГПИ) начала свой профессиональный путь учителем русского языка и литературы средней школы № 37 г. Петрозаводска, затем стала преподавателем КГПИ на кафедре методики начального обучения и далее на кафедре русского языка, которой заведовала в 2003–2013 годах. С 2013 года по настоящее время работает в ПетрГУ.

Ирина Алексеевна – известный специалист в области исторической и региональной антропологии, в кандидатской (1994) и докторской диссертациях (2017) которой была разработана оригинальная научная концепция восприятия регионального антропонимикона как источника ценных сведений об истории, культуре и традиционном мировоззрении народа, проживавшего на территории Карелии.

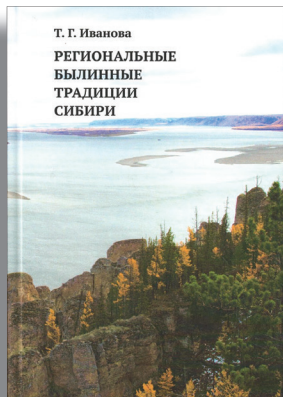
В 1994–2005 годах была одним из исполнителей коллективной лексикографической работы по составлению «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», входящего, по мнению Л. А. Вербицкой, в «золотой фонд русской лексикографии». Как автор проекта «Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.» (2010) стала победителем конкурса «Словари России». В 2017 году была одним из инициаторов и участников проекта Лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии ПетрГУ по созданию электронной базы данных современных диалектных материалов и антропонимических ресурсов Карелии старорусского периода.

Юбиляр является автором более 120 научных публикаций, членом редакционного совета журнала «Вопросы ономастики», членом редакционной коллегии журналов «CARELiCA» и «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

Коллеги и ученики уважают и любят Ирину Алексеевну за неиссякаемое трудолюбие, глубокие знания, принципиальность и равнодушие и желают ей творческого долголетия, оптимизма и новых научных достижений!

CONTENTS

<p><i>Spiridonova I. A.</i> Editorial note 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Merkulova I. A.</i> SUFFIX FORMATION OF RUSSIAN NOUNS 8</p> <p><i>Adamovich M. B.</i> GREETING FORMULAS IN THE EAST SLAVIC DIPLOMATIC DOCUMENTS OF THE XVI–XVII CENTURIES 17</p> <p><i>Elyshev V. V.</i> DIALECTS OF THE VILLAGES OF BANNOYE, KATYSHI, AND CHYORNY KLYUCH IN THE DIALECT SYSTEM OF THE UDMURT LANGUAGE (A PHONETIC STUDY) 24</p> <p><i>Sinitskaya P. V.</i> KARELIAN LANGUAGE LEXICOGRAPHY: HISTORY AND PROSPECTS 32</p> <p>THEORETICAL, APPLIED, AND CONTRASTIVE LINGUISTICS</p> <p><i>Voloshina O. A.</i> DICTIONARIES OF LINGUISTIC TERMS AS LEXICOGRAPHIC MONUMENTS OF THE HISTORY OF LINGUISTICS 43</p> <p><i>Lukianova L. V.</i> <i>PROTOTYPE DICTIONARY OF FORESTRY TERMINOLOGY</i> BY P. N. VEREKHA IN THE FORMATION OF SCIENTIFIC LANGUAGE OF RUSSIAN FORESTRY 50</p> <p><i>Trushchelev P.</i> LINGUISTIC PARAMETERS OF NARRATIVES PRODUCED BY CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS 57</p> <p>NATIONAL LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES</p> <p><i>Vyshenskaya Yu. P.</i> STYLISTIC POTENTIAL OF CULINARY LEXICAL UNITS IN BELLES-LETTRES NARRATIVE 65</p>	<p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Babalyk M. G.</i> A LITTLE-KNOWN MANUSCRIPT TALE “THE WORD ON THOSE WHO ADORN THEMSELVES WITH DECEITFUL VESTMENTS” 72</p> <p><i>Matveeva I. I.</i> ANDREI PLATONOV’S GASTRONOMIC SATIRE: POETICS AND SOCIAL CRITICISM 80</p> <p><i>Shilova N. L.</i> AXIOSHERE OF THE “SORTAVALA CYCLE” BY BELLA AKHMADULINA 89</p> <p>WORLD LITERATURES</p> <p><i>Bratchikova N. S.</i> GRAPHIC NOVEL AS A REIMAGINING OF THE <i>KALEVALA</i> EPIC 96</p> <p><i>Nikolaeva L. V., Averkina S. N.</i> FUNCTIONING OF SYMBOLIC IMAGES IN MOYAN’S NOVEL <i>FROG</i> 106</p> <p>FOLKLORE STUDIES</p> <p><i>Pigin A. V.</i> FOLKLORE IN RESEARCH CONDUCTED BY VLADIMIR IVANOVICH MALYSHEV: COMMEMORATING HIS 50TH DEATH ANNIVERSARY 113</p> <p>Reviews</p> <p><i>Kuznetsova V. P., Loiter S. M.</i> The book review: Ivanova, T. G. Regional epic traditions of Siberia 121</p> <p>Anniversaries</p> <p>Celebrating the 65th anniversary of Irina A. Kyurshunova 123</p>
--	--

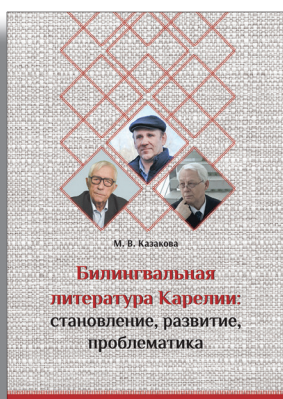
Т. Г. Иванова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БЫЛИННЫЕ ТРАДИЦИИ СИБИРИ

В монографии рассматриваются былинные регионы Сибири, сложившиеся по сравнению с Русским Севером и Центральной Россией очень поздно – только в конце XVI–XVIII вв. Первопоселенцы приносили во вновь осваиваемые места песенный эпос, связывающий их духовно с материнской Россией. Былинные регионы составляют последовательную цепочку: Енисей и нижнее течение Ангары (будущая Енисейская губерния в XIX в.); р. Илим и Илимское воеводство (будущая Иркутская губерния); р. Индигирка (Русское Устье) (Якутское воеводство и будущая Якутская область); р. Колыма (Якутское воеводство и будущая Якутская область); р. Анадырь (будущий Анадырский округ Приморской области). С Енисейским и Якутским воеводствами тесно связан Забайкальский край. Отдельное место занимает горнозаводской Алтай. Все главы в исследовании построены по единой модели: история заселения края; история собирания былин; характеристика былинных текстов.

Иванова, Т. Г. Региональные былинные традиции Сибири / Т. Г. Иванова. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2025. – 296 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

М. В. Казакова

БИЛИНГВАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАРЕЛИИ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПРОБЛЕМАТИКА

Учебное пособие содержит краткие сведения о процессах становления и развития билингвальной литературе Карелии.

Предназначено для аудиторной и самостоятельной работы студентов и магистрантов Института филологии ПетрГУ, изучающих литературу Карелии, а также карельский, вепский и финский языки.

Казакова, Мария Владимировна. Билингвальная литература Карелии: становление, развитие, проблематика : учебное пособие для обучающихся на филологических направлениях подготовки / М. В. Казакова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2024. – 43 с.

Л. И. Мальчуков

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ КАРЕЛИИ В РЕЦЕНЗИЯХ

Издание состоит из театральных рецензий доктора филологических наук, председателя секции театральных критиков и члена правления Карельского отделения Союза театральных деятелей, профессора ПетрГУ Л. И. Мальчукова. Рецензии публиковались на страницах карельской печати с 70-х гг. XX в. по 2000-е гг. Структурно сборник разделен на разделы, каждый из которых связан с определенным театром столицы Карелии, а также театрами, гастролирующими в республике в указанный период. Материалы, представленные читателю, не только включают историю самих театров, но и являются, иногда косвенно, отражением истории страны. Каждая рецензия – это глубокие, оформленные в индивидуальной стилиевой манере размышления автора, знатока зарубежной и русской литературы, философии, культурологии, о природе драматического искусства, структуре конфликта, новых веяниях в мире искусства и многом другом.

Издание адресовано литературоведам, театроведам, культурологам, всем интересующимся историей театра.

Мальчуков, Лев Иванович. Театральная летопись Карелии в рецензиях / Лев Мальчуков ; сост., предисл. и общ. ред. : Н. Г. Шарпенкова, О. Г. Абрамова, И. В. Сухоцкая ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2025. – 258 с.

КРАЕВЕД АННА СЕМЁНОВНА МОНАХОВА

В книге публикуются материалы о краеведе Анне Семеновне Монаховой, более 50 лет собиравшей фольклорные, диалектные, этнографические сведения в деревне Водла (Пудожский район Карелии), и о ее книге «Дивная Водла-земля». Издание иллюстрировано рисунками А. С. Монаховой, а также фотографиями краеведов и участников экспедиций.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Карелии.

Краевед Анна Семёновна Монахова : биографический сборник / сост. Т. В. Карнышева, Е. Р. Гусева ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2025. – 158 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004